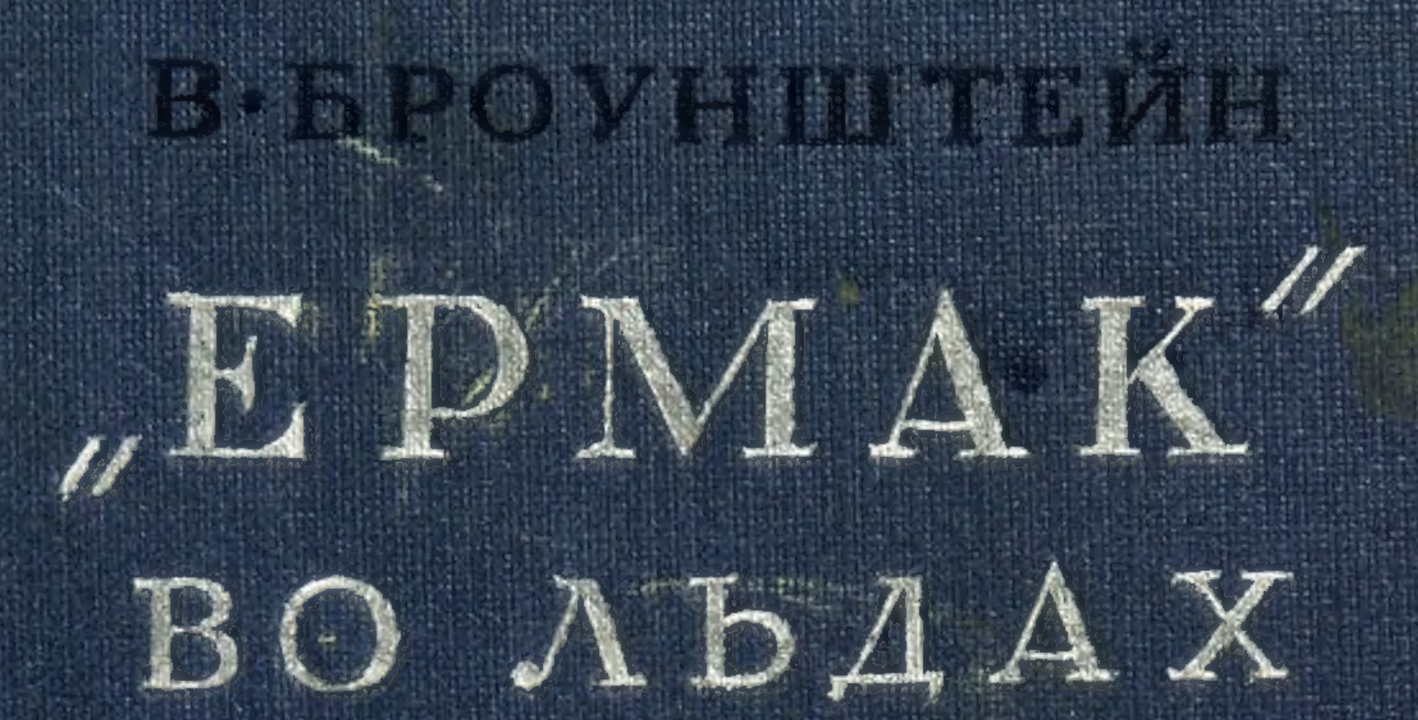
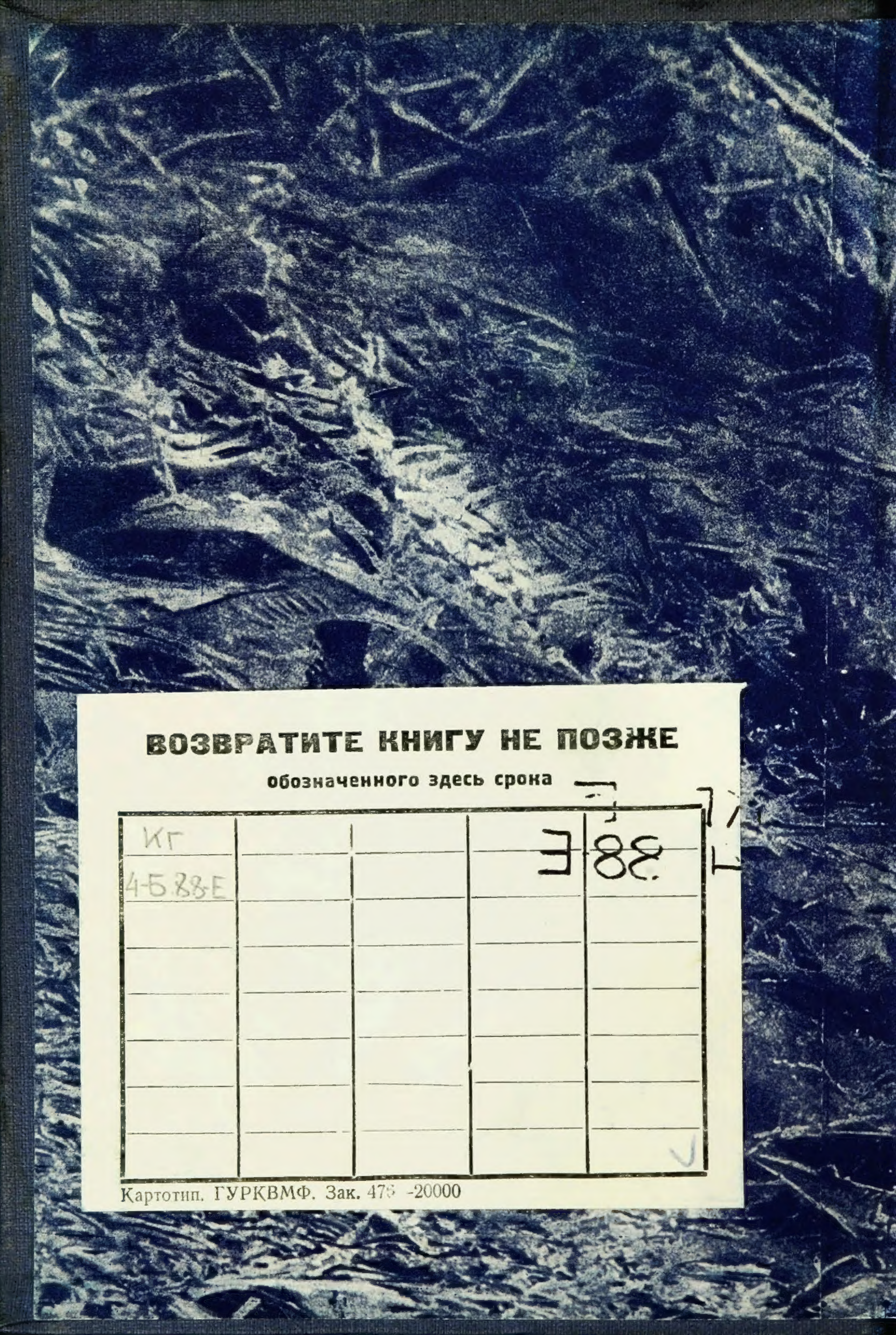
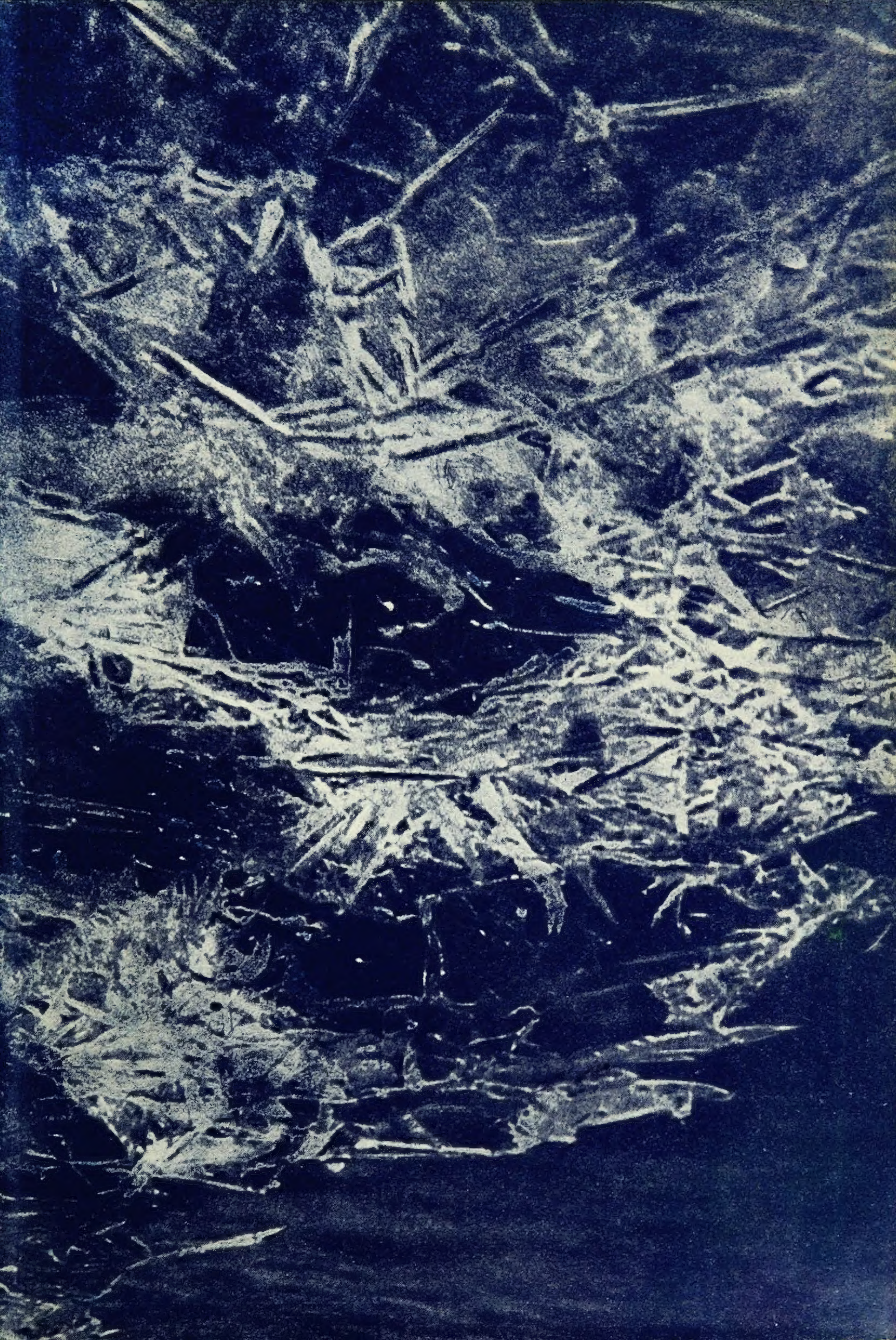

В. БРОУНШТЕЙН

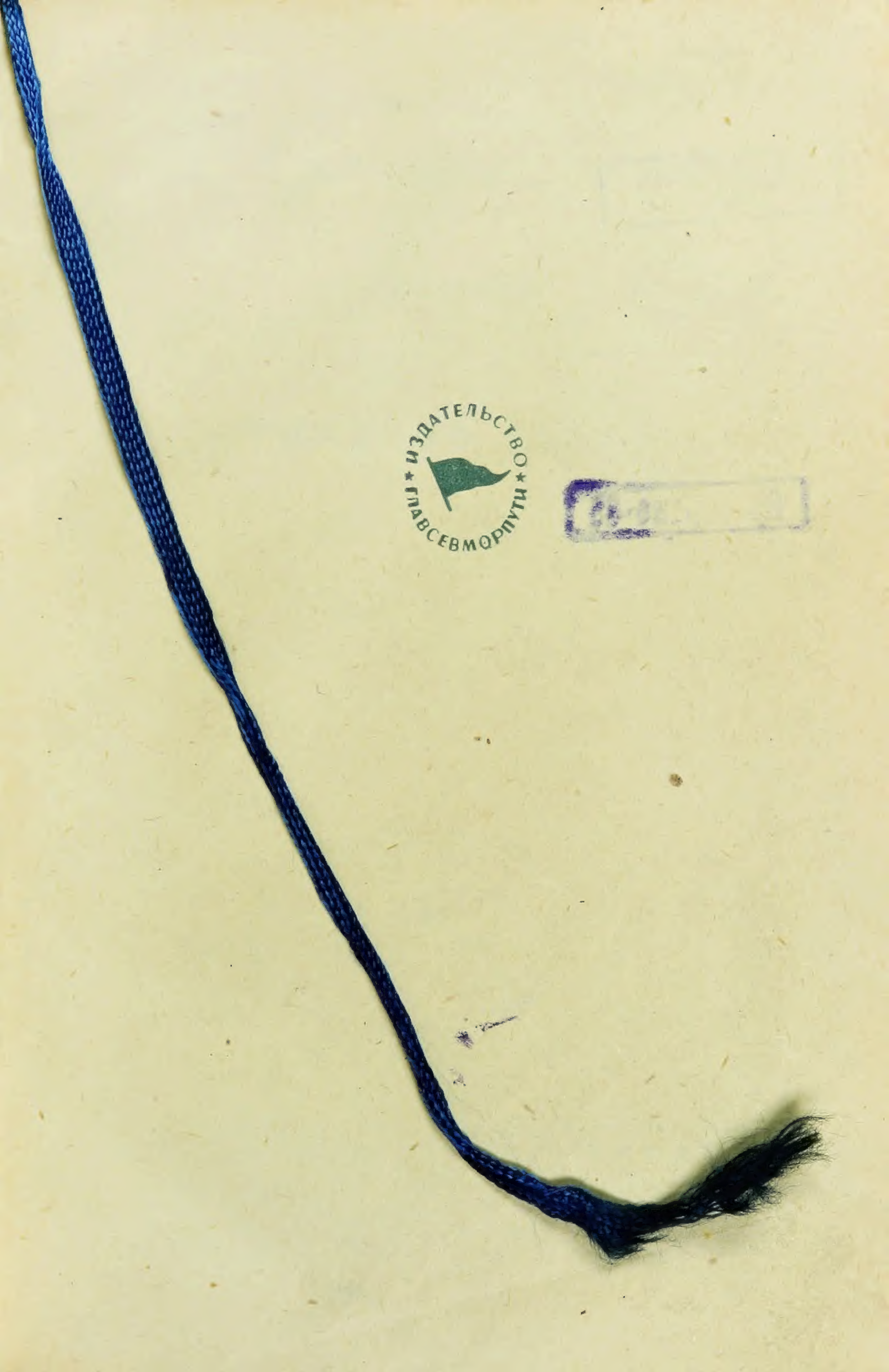
„ЕРМАК" ВО ЛЬДАХ

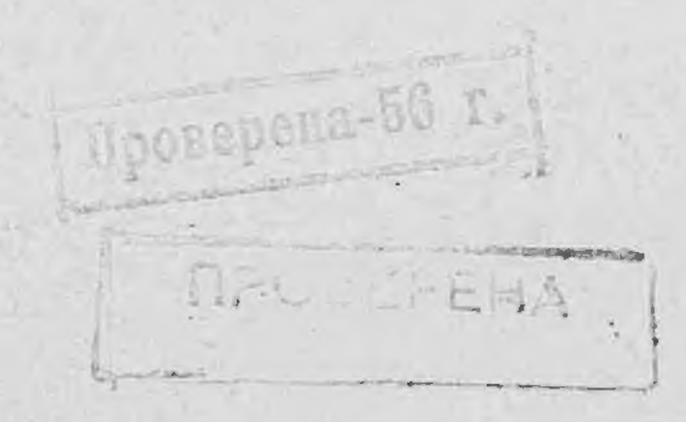

Актъ № 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО
И * ГЛАВСЕВМОРПУТИ *

ПРОВЕРЕНА
1952 г
Проверена-56 г.

ПРОВЕРЕНА

ПОЛЯРНАЯ БИБЛИОТЕКА

В. БРОУНШТЕЙН

„ЕРМАК“ ВО ЛЬДАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГЛАВСЕВМОРПУТИ
Ленинград 1938

Переплет работы
художника *Н. Ф. Лапшина*

Фотографии участника рейса „Ермака“
А. А. Скорнякова

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

В тысяча девятьсот тридцать пятом году впервые в истории мореплавания были осуществлены сквозные рейсы из Владивостока в Мурманск на грузовых пароходах «Анадырь» и «Сталинград» и из Мурманска во Владивосток на пароходах «Искра» и «Ванцетти».

Благодаря успешной работе ледоколов и ледокольных пароходов в отдаленные районы Арктики были проведены караваны судов с грузами. В короткие сроки удалось построить новые полярные станции на острове Русском, на острове Котельном, на мысе Оловянном, на реке Ленивой и в устье реки Таймыры. Были также проведены большие научно-исследовательские гидрографические работы и вновь нанесены на карту отдельные районы Заполярья. Огромный вклад в изучение высоких широт внес поход ледокольного парохода «Садко»

В 1935 году особенно успешно работал ледокол «Ермак». Его плавание освещает книга В. Броунштейна.

«Ермак» был лидером в западном секторе Арктики. Седьмого августа, в рекордно ранний срок, ледокол прошел пролив Вилькицкого и ускорил проводку судов с запада на восток и с востока на запад в наиболее трудно проходимой части Северного морского пути.

Автор описывает период навигации, совпавший с зарей стахановского движения. Просто и правдиво говорит он

о героических буднях Советской Арктики, о жизни и работе ледокола «Ермак».

В очерках отражено то новое, что произошло в Арктике летом 1935 года. В это время на зимовках и кораблях появились кинопередвижки, на борту «Ермака» стала издаваться своя печатная газета, в Арктике гастролировал Заполярный театр.

Все это штрихи огромной сталинской заботы о человеке, все это показывает, как партия, правительство, вся страна заботятся об отважных полярниках.

Будни Арктики описаны в этой книге тепло, лирично. Это заставляет рекомендовать книгу вниманию читателя, жадно интересующегося работой по освоению огромных пространств нашей страны, находящихся за полярным кругом.

За время, прошедшее с 1935 года, полярники добились новых успехов. Умножилось число полярных станций. Сделаны дальнейшие шаги в области улучшения культурно-бытового обслуживания национального населения и зимовщиков. Летом в Арктике стали гастролировать не только артисты Московского заполярного театра, но и бригады Государственного Ордена Ленина Академического Большого театра Союза ССР, Государственного Ордена Ленина Академического Малого театра, Московской консерватории. Увеличилось количество кинопередвижек, обслуживающих советских полярников.

Отважные советские летчики, моряки, ученые вписали за это время ряд новых героических страниц в летопись побед социалистической стройки. Замечательные перелеты совершили Герой Советского Союза Водопьянов и летчик Махоткин на Землю Франца-Иосифа, Герой Советского Союза Молоков через всю Арктику, летчик Фарих вдоль Северного морского пути.

Блестяще выполнено сталинское задание по изучению Северного полюса. На ледяном куполе мира тяжелые многомоторные советские самолеты, пилотируемые героями-летчиками Водопьяновым, Молоковым, Алексеевым, Мазуруком,

высадили десант советских ученых во главе с начальником экспедиции Героем Советского Союза, академиком Шмидтом.

Четыре отважных полярника — Папанин, Кренкель, Ширшов, Федоров — прожили девять месяцев на дрейфующей льдине и провели в исключительно трудных условиях огромную работу по изучению Центрального Полярного бассейна, бывшего до сих пор «белым пятном».

Использовав наблюдения папанинцев, Герои Советского Союза Чкалов, Байдуков, Беляков и Громов, Данилин, Юмашев совершили исторические перелеты в Америку через Северный полюс, вызвали восхищение всего цивилизованного мира, покрыли советскую авиацию неувядаемой славой.

В то время как фашистские самолеты бомбардируют мирное население Испании и Китая, советские летчики осваивают новые воздушные трассы, обогащают человеческую культуру.

На пятидесяти девяти советских полярных станциях идет кипучая будничная работа по дальнейшему изучению и освоению Арктики.

Наряду с успехами советских полярников в их работе еще много недостатков.

Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР. о работе Главсевморпути является серьезным уроком для советских полярников. Оно мобилизует полярников на борьбу за ликвидацию последствий вредительства, на борьбу с ошибками и недостатками в работе за полное освоение Советской Арктики.

Хотя книга В. Броунштейна рассказывает о навигации 1935 года, она и теперь не потеряла интереса: 1935 год был важной вехой в деле изучения и освоения Северного морского пути.

I. В Арктику

Пловучий городок

В Мурманске было пыльно и жарко.

Легкий ветерок нес запахи моря. На рейде плавно покачивались корабли. Среди них — большой двухтрубный пароход, напоминающий утюг. В очертаниях этого, не похожего на другие, корабля чувствуется огромная сила и упорство.

Это — ледокол «Ермак».

Скорее на катер!

Приближаясь к могучему ледоколу, я припоминаю его историю. Идею постройки ледокола, также как и название, подсказало царскому правительству его желание эксплоатировать Сибирь. И так же, как некогда завоевал Сибирь Ермак, ледокол его имени должен был покорить льды, преграждавшие путь к Сибири. Сибирское купечество, которому необходим был дешевый морской путь, живо поддержало идею адмирала Макарова.

В октябре 1898 года ледокол, построенный по идее и чертежам талантливого русского самоучки Макарова, сошел со стапелей нью-кестльской фирмы Армстронга.

А год спустя «Ермак», лавируя меж рыбацких снастей, шел по Неве, громя лед. За кормой, по берегам образовавшегося во льду канала, бежала толпа восхищенных зевак.

...Так начался жизненный путь ледокола. Скоро он освободил от ледяных оков 13 пароходов, застрявших невдалеке от Ревеля. Затем «Ермак» спас попавший на камни острова Гогланд броненосец «Генерал-адмирал Апраксин».

Проектировщики, во главе с Макаровым, установив на ледоколе четыре паровых машины, думали, что мощность «Ермака» 10 тысяч лошадиных сил. Но, едва спущенный со стапелей, ледокол уже при первой пробе показал бо́льшую

силу. Однако первая встреча со льдами Арктики в девяностых годах прошлого века закончилась повреждением носового винта. Носовую машину пришлось снять. «Ермак» потерял одну четвертую часть своих стальных мускулов. После снятия паровой машины стали считать, что мощность «Ермака» сведена к $7\frac{1}{2}$ тысячам лошадиных сил.

Создатель ледокола Макаров задумал дерзкий план итти на нем до Северного полюса. Но не только пойти к полюсу, а даже использовать ледокол для серьезного изучения Арктики Макарову не удалось.

Молодой ледокол с трудом преодолевал тяжелые арктические льды, но еще труднее было Макарову таранить толстую стену недоверия и косности.

Малейшие неудачи «Ермака» раздувались. В 1901 году, после плавания «Ермака» к Новой Земле, адмирал Бирилев в телеграмме министру финансов Витте писал:

«Ледокол возвратился безрезультатно: льды остались непроходимыми, а «Ермак» оказался негодным судном как по замыслу, так и исполнению».

После смерти Макарова, погибшего в русско-японскую войну, «Ермак» получил полную отставку. Царские чиновники упорно утверждали, что он непригоден к плаванию в Арктике и что вообще плавать туда незачем.

Лишь много лет спустя советские полярники снова вышли в Ледовитый океан на «Ермаке». И старик-ледокол, блестяще сдав первое испытание, стал постоянным лидером карско-ленских рейсов.

Не так давно советские инженеры установили подлинную мощность «дедушки русского ледокольного флота» — $9\frac{1}{2}$ тысяч лошадиных сил. По силе своих машин «Ермак» лишь немного уступает «Красину».

Очутившись на ледоколе, я с интересом принялся его осматривать. Вместительные бункера его полны донбасского угля, цистерны хранят солидные запасы пресной воды. В трюмы погружены мука, крупа, сахар, консервы, свежие и сухие овощи, шоколад, вино, галеты. Все это припасено в таком количестве, что хватит на полтора года. Ни один пароход не выходит в Арктику без неприкосновенного запаса продовольствия и снаряжения. Все помнят о возможности зимовки во льдах.

«Ермак» — это целый пловучий городок. Длина ледокола около 100 метров, а ширина его свыше 20. По высоте он не уступает шестиэтажному дому. Здесь живут 155 моряков и

„Дедушка ледокольного флота", флагман арктической навигации ледокол „Ермак"

членов научной экспедиции. Здесь десятки кают и несколько кубриков, столовая, кают-компания, ванные, камбуз, хлебопекарня, баня, библиотека, красный уголок, амбулатория, «скотный двор» и даже типография, где будет впервые в истории Арктики печататься своя корабельная газета.

На палубе — экспедиционное снаряжение. За досчатым забором дюжина свиней, четыре коровы и два барана. Это наши «живые запасы» свежего мяса.

Прощай, берег!

К ледоколу подошел огромный пловучий кран, с которого бережно снимают самолет «П-5». Он в разобранном виде. А самолет-амфибия «Ш-2» уже собран и стоит, расправив крылья, точно готовый к полету. Возле только что прибывшей машины возится бортмеханик Косухин.

В канцелярии ледокола в последний раз сверяется список участников арктического рейса.

На корабле много гостей. Они провожают моряков в далекий рейс. Тут представители печати, рабочие мурманских предприятий, артисты, накануне выступавшие в кают-компа-

ции, и родственники моряков. Все они пожимают руки участникам рейса. Капитан Владимир Иванович Воронин фотографируется с женой и сыном. Семья привыкла видеть Воронина не больше одного месяца в году. Он возвращается из труднейшего рейса, чтобы отправиться в еще более ответственный.

Капитан нежно прощается с сыном. Сын дарит ему зарисовки «Ермака», а жена — белую ангорскую кошечку.

Судовая администрация вежливо выпроваживает гостей.

Боцман внимательно осматривает брашпиль перед подъемом якоря.

На корме митинг.

Говорит помполит. Он лаконичен:

— У нас славное руководство... Весь мир знает и чтит нашего капитана.

— Ура Воронину!

Слово берет пожилой кочегар:

— Пять раз я уходил из Мурманска в Арктику и пять раз благополучно возвращался в срок. И мы вернемся через четыре месяца.

Кончен митинг. Люди расходятся по местам. В последний раз они любуются панорамой заполярного порта.

Перегружатель «Ватон» перебрасывает шпицбергенский уголь в вагоны. На иностранные суда нескончаемо грузят апатитовый концентрат. Везде предновигационное оживление.

Отто Юльевич Шмидт метко назвал Мурманск «воротами в Арктику». Десятки судов снаряжает порт в далекие северные рейсы. Несколько дней назад из Мурманска вышел к высоким неисследованным широтам «Садко». «Ермак» открывает навигацию в западном секторе Арктики. Отремонтирована «Искра»—она пойдет сквозным рейсом во Владивосток. В разгаре ремонт «Крестьянина» — его трюмы пусты, он держится высоко над водой и кажется огромным. Заканчивается осмотр судов карско-ленской экспедиции.

...С капитанского мостика раздается голос Воронина:

— С якоря сниматься!

Рослый, широкоплечий боцман Швецов отвечает:

— Есть!..

С визгом выбирается длинная якорная цепь.

Капитан в последний раз смотрит в бинокль на берег. Он видит, как машут платками...

Сирена ледокола вздыхает пронзительно и протяжно.

Удаляется Мурманск. Справа — одетые зеленью горы. Хочется надолго запечатлеть этот милый цвет. Кто знает, сколько времени мы не увидим зелени.

Моряки задумчиво смотрят вслед удаляющемуся порту. Некоторым из них грустно. Долго не увидят они близких, родных. Но эту слегка щемящую грусть вытесняет более сильное чувство, прекрасное, благородное и величественное. Моряки горды, что идут в ответственный рейс, навстречу опасности. Они идут в Арктику, чтобы крепить мощь своей родины, и смелые сердца их наполняет восторг.

Разговор у волнолома

Жизнь корабля, шумная и суетливая во время портовых стоянок, в море входит в обычную колею.

Матросы приводят в порядок палубу.

Мы идем Кольским заливом. С обеих сторон видны берега. Ледокол конвоируют каменные горы.

У волнолома стоит пожилой человек. Он долго смотрит на высокие берега и говорит помполиту:

— Вы посмотрите: кругом камень. Сколько зданий можно построить!

Помполит обнимает матроса:

— Ничего, Пайгалик. Хватит пороха в нашей пороховнице. Доберемся мы и до этого камня. За тем мы и бьемся со льдами, чтобы богатства Арктики поставить на службу народу.

В разговор вмешивается научный работник:

— Да, знаете. Много богатств у нас на Севере. В ледяных сундуках Арктики много ценных металлов. Тут и золото, и никель, и медь, и марганец...

Вокруг разговаривающих у волнолома собираются слушатели. У научного работника уже давно нехватает пальцев. Но по привычке он снова и снова загибает их, продолжая:

— ...Олово... нефть... уголь... графит... асбест... флюорит... Исландский шпат... Цинково-свинцовые руды... соль... гипс...

— Много добра, — соглашается Пайгалик. — Но почему лишь недавно мы взялись за Арктику?

— Это не совсем так.

Гидрограф Лавров раскрыл портсигар.

— Вы курите? — спросил он.

Пайгалик взял папиросу, и Алексей Модестович начал рассказывать.

— Еще в седой древности люди пытались заглянуть в Арктику — в XVI веке англичанин Себастьян Кабот утверждал, что существует Северо-восточный проход из Англии в Китай и Индию. В поисках новых рынков английские купцы принялись осуществлять идею Кабота. Слыхали вы об экспедиции на «Боне-Эсперанце», «Эдварде Бонавентуре» и «Боне-Конфиденции»? Они покинули Англию в 1533 году. В мае. А вот числа не помню...

Лавров молчит. Лицо его омрачается, углубляются морщины на лбу. Он расстроен.

— Какого числа? Какого числа?

Молодой гидрограф Сендик пытается успокоить его:

— Алексей Модестович, да ведь это не существенно, это не важно.

Но Лавров уже вспомнил:

— 20 мая 1533 года . Итак, 20 мая 1533 года экспедиция покинула Лондон. Ее начальник Виллоугби, упорно продвигавшийся на северо-восток, погиб от цынги вместе с 63 спутниками, а «Эдварда Бонавентура» открыла... село Холмогоры в низовьях Двины. Безуспешно пытались разгадать тайну Северо-восточного прохода голландцы. Впервые в две навигации на «Веге» прошел Великим Северным морским путем швед Норденшельд. «Вега» зазимовала во льдах около Колючинской губы, но уже в 1879 году она достигла цели. Потом, в 1918 году, великий норвежец Амундсен на «Мод» с двумя зимовками в северо-восточной части Таймыра и около Чаунской губы прошел Северо-восточным проходом.

— Скажите, а царская Россия никогда не пробовала завоевать Арктику? — вставил вопрос Пайгалик.

— Пыталась, — отвечал Лавров. — В 1912 году Брусилов на «Святой Анне» пытался пройти Северо-восточным проходом. Он погиб. Из экипажа осталось только два человека. Лишь в 1915 году на «Таймыре» и «Вайгаче» Вилькицкому удалось с одной зимовкой во льдах добраться из Владивостока в Архангельск. В этой экспедиции участвовал и я...

У помполита рождается идея:

— Мы попросим вас, товарищ Лавров, рассказать ермаковцам о завоевании Арктики. Мы создадим арктический кружок...

Лавров соглашается. На следующий день весть об арктическом кружке облетела весь кубрик. Еще не успели повесить

объявление, а желающих заниматься оказалось столько, что пришлось создать две группы.

„Сквозь льды“

«Ермак» выходит в Баренцово море. Это злое, мстительное море, на дне которого погибло немало кораблей. Несколько лет тому назад оно беспощадно расправилось с маленьким «Русланом», помогавшим спасать «Малыгина».

Пока не разыгралась серьезная качка, я хочу осмотреть типографию, в которой предстоит печатать газету.

По узенькому железному трапу спускаюсь в такелажный трюм.

Электрическая лампочка скупо освещает тюки и ящики. Одиноко стоит печатная машина-американка. В наглухо закрытые иллюминаторы стучится море. Слышно, как яростно бьют о борт волны. Американку раскачивает.

Под палубой «типографии» море. Вспоминаются сцены подводного царства из оперы «Садко». Впрочем, под нами не оперно-балетные подводные флора и фауна, а настоящее дно.

Упавшие на голову пустые мешки прерывают лирические размышления.

— Ну и «типография»! Скорее бы из нее выбраться!

Когда зашел в кают-компанию, за длинным столом, покрытым белой скатертью, сидели моряки, политработники, летчики, гидрографы. Это было первое собрание редакции корабельной печатной газеты, над которой взяла шефство ленинградская комсомольская газета «Смена».

Председателю не приходится прибегать к звонку. Речи кратки. Происходят «крестины» газеты. Печатный первенец Арктики получает название «Сквозь льды». Ведь таково задание «Ермака» — проложить путь кораблям сквозь неприступные льды Арктики.

После заседания редактор только что окрещенной газеты и «ледкоры» (так мы в шутку называли наших корреспондентов) выходят на палубу. Форштевень корабля разбивает волны. Кругом белая пена.

За «Ермаком» кружатся чайки. Они искусно планируют, им могут позавидовать лучшие летчики. Вот-вот волна неминуемо захлестнет птицу, но она в эту секунду взлетает. Тучные серые чайки ищут рыбы, приглушенной винтами корабля.

У берегов Новой Земли

Прошло три дня.

Уже видны берега Новой Земли.

Штормит.

Волны атакуют ледокол, заливают палубу.

«Ермак» входит в пролив Маточкин Шар. Утихает качка.

Близ берега полощутся гагары. Мы идем мимо становища. Видны дома, за ними больница. Зимовщики приветствуют первый корабль, явившийся сюда в этом году.

Ледокол отвечает гудками.

Поднимается ветер. Он свистит в вантах.

— В узком коридоре Маточкина Шара, — рассказывает метеоролог, — разделяющем на два острова Новую Землю, всегда дуют сквозняки. Ведь Матшар отделяет согретое Гольфштремом Баренцово море от холодных вод Карского.

Покрытые снегом горы Новой Земли невольно напоминают о гибели одного из зимовщиков Маточкина Шара — комсомольца Лебедева.

Вместе с начальником зимовки Лебедев пошел сменить группу научных работников, проводивших наблюдения на реке Маточке.

От дома зимовки до реки — полкилометра.

Стояла тихая солнечная погода.

Легко одетые зимовщики шли к реке.

Внезапно поднялась пурга. Она слепила людей. Взбесившаяся темнота сбила их с дороги.

А через четыре часа, когда пурга стихла, у самого дома, около крыльца, из свеженасыпанного снежного сугроба торчал сапог комсомольца Лебедева...

Здесь, на Новой Земле, на мысе Ледяном, похоронен Баренц, имя которого носит оставшееся за кормой ледокола сварливое море. Здесь покоятся первые исследователи Новой Земли — штурман экспедиции Розмыслова — Чиракин и десять матросов. Здесь, под снегом, лежат три бесстрашных советских летчика.

На склоне высокой горы — кресты. Кто из отважных исследователей Арктики покоится под ними в холодных могилах?..

Мы приближаемся к зимовке.

Неподалеку от берега «Ермак» бросил якорь.

Капитан Воронин и несколько матросов на шлюпке едут навестить зимовщиков старейшей советской радиостан-

ции Маточкин Шар. Отсюда, с Большого новоземельского тракта большевики начали штурмовать Арктику.

Надо узнать, что нового на зимовке, выяснить ее нужды, быть может чем-нибудь помочь.

На одноэтажном здании колышется красный флаг. На берегу видны перевернутые лодки и опрокинутый катер.

Зимовщики смотрят в бинокль на ледокол и машут руками.

Неслышно скользит шлюпка.

Крепкие рукопожатия. Ермаковцы передают зимовщикам свежие газеты, в том числе «Правду» с речью товарища Сталина на собрании выпускников военных академий, рассказывают о новостях нашей страны.

Мы не успели даже бегло осмотреть зимовку, а нам уже пора возвращаться на судно.

Зимовщики долго жмут руки морякам. Они неохотно прощаются с дорогими гостями.

Но капитан Воронин экономит не только часы, но и минуты. В Арктике навигация ограничена несколькими месяцами. Морякам дорого время. Бывает, что упущенный час решает участь экспедиции.

Уже выбран якорь. Величественные, неприступные, утопающие в снегу мрачные горы Новой Земли остаются позади.

Охота

Карское море встречает нас льдом.

Ледокол идет с быстротой шести-семи миль в час, тревожа беспечно нежащихся на полярном солнце тюленей. Пароход эскортируют чайки.

С грохотом расступаются льдины, беспомощно громоздясь друг на друга.

— Рано встретили лед, — замечает Воронин. — Уже на четвертый день похода.

Ледокол искусно отыскивает проталины. По белому полю разбегаются трещины. На льдинах бьется оглушенная кораблем рыба.

Как это бывает обычно с новичком, завороженный ледяной панорамой, я забыл надеть синие очки. Через каких-нибудь двадцать минут резь в глазах напомнила об этой ошибке. В глазах потемнело, поплыло.

Я разыскал судового врача. Доктор Розе посоветовал полежать.

— Боль пройдет сама, — сказал он.

Но долго лежать не пришлось.

В кают-компанию вбежал вахтенный и шепнул что-то инженеру Скорнякову. Тот побежал в каюту за фотоаппаратом.

Штурманы, инженеры-кораблестроители, гидрологи, синоптики, гидрографы, свободные от вахт кочегары и матросы бросились на палубу.

Все любуются спокойно прогуливающимися среди торосистых льдин медведями.

Легко и грациозно переступает с лапы на лапу белая медведица. Жизнерадостные медвежата резвятся и все время забегают вперед.

«Ермак» шел слабым льдом, почти бесшумно. Но, видимо, что-то почуяв, медведица остановилась. Она понюхала воздух, оглянулась и, равнодушно взглянув на черную громадину корабля, пошла дальше.

Мы с трепетом следили за зверями. Раздавались возгласы:

— Убегут или нет?

— Догонит ли их ледокол?

Не прошло и пяти минут, как мы встретили тяжелый лед, и вековую тишину нарушил грохот.

Медведица почуяла опасность. Она остановилась и застыла. Заметив настороженное состояние матери, остановились и притихли медвежата.

Инстинктивно почувствовав недоброе, медведица снова оглянулась, еще раз посмотрела на корабль. Затем быстро побежала, увлекая за собой медвежат. Едва приметные на белом фоне льда, звери то терялись из виду, то снова показывались. Медвежата бежали рядом с матерью.

На корабле необычайное оживление. Носовая часть палубы усеяна людьми. Ретивые охотники уже держат винтовки на изготовке, но капитан запрещает стрелять.

Даже у людей, ни разу в жизни не державших в руках винтовку, горят глаза. И они воспламенены охотничьим жаром.

Не меньше других возбужден капитан Воронин. Он — опытный зверобой. Сколько раз приходилось ему догонять убегающего зверя. Много лет капитанил он на зверобойных судах, он привык руководить погоней за зверем и в молодости сам не раз выходил на охоту, когда был зверопромышленником. Владимир Иванович прекрасно знает повадки зверя, его привычки, манеры поведения. Лицо капитана раскраснелось. Из-под меховой шапки выбился ком волос.

Звери видны реже. Капитан не сводит с них глаз.

Медведицу подняли на кране.

— Не уйдут медведи!

Капитан решил перехитрить их. Он потянул рычаг. Раздался протяжный, зычный гудок. Медведи остановились.

— Вот видите, — говорит Воронин, — незнакомые звуки всегда останавливают медведя. Обычно, постояв минуту, он пускается бежать в другом направлении.

Изменив маршрут, звери теперь встречают полынью.

Медведица бросается вплавь, держа на себе двух медвежат. Белые медведи прекрасно плавают. Но полынья все же замедляет отступление.

— Теперь догоним!

— Далеко не убегут!

Расстояние на глазах сокращается.

У охотников дрожат пальцы. Они не сводят с бегущих зверей взгляда. Пальцы охотников ощущают холод курка. Но медведица выбралась из полыньи и к всеобщему разочарованью скрылась за торосом.

— Убежит!

— Не догнать!

— Зверю тоже не интересно ложиться под пулю, — философски замечает кто-то.

На пути «Ермака» толстый старый лед. Форштевень врезался в лед, и судно остановилось.

— Полный назад! — командует Воронин.

— Полный вперед!

— Еще назад!

— Еще вперед!

— Еще...

Приходится маневрировать: назад, вперед. Набираясь с разбега сил, ледокол ожесточенно наступает на лед.

— Эх, если бы не этот лед!

Хитрый капитан дает сирену. Медведица снова останавливается, а затем меняет направление. Спустя несколько минут «Ермак» дает новый гудок. Теперь глупая медведица бежит... прямо на ледокол.

— Куда, дура! — кричит какой-то сердобольный матрос.

С негодованием смотрят на матроса охотники, но крик сделал свое дело. Медведица поняла предостережение. Она резко меняет направление и бежит в сторону от ледокола.

Но вот на пути новая полынья. Звери пускаются вплавь. А «Ермак», выбравшись из тяжелого льда, упрямо идет за ними.

Буфетчица Нюра вздыхает:

— Убьют сердечную... Если бы она бросила медвежат, убежала бы...

Раздаются выстрелы.

Медвежонок ранен. Медведица остановилась. Несмотря на опасность, она бросилась к медвежонку и лижет его окровавленную лапу. Потом, оскалив зубы, зверь с ненавистью смотрит на огромного врага и рычит.

Снова раздается выстрел.

Меткая пуля попала в медведицу. Зверь валится на бок.

Медвежата — и раненый и здоровый — подошли к матери. Медведица встала на лапы, покачнулась и медленно поползла к кромке льда.

Вот она бросится в воду... Нет, пуля пригвоздила ее к льдине.

Охотники спускают штормтрап. Через минуту они на льду.

Один из охотников держит на изготовке винтовку, другой вооружился багром, третий вынимает охотничий нож.

Инженер Скорняков бежит по льдине, на-ходу наводя на медведицу фотоаппарат.

Матросы набросили на голову медведицы петлю и хотят поймать медвежат. Но те рычат и не отходят от матери.

Воронин кричит с корабля:

— Оставьте ребят. Они сами пойдут за маткой.

И действительно, едва охотники потянули на веревке мертвую медведицу, следом за ней, не отступая ни на шаг, покорно пошли притихшие медвежата.

Медведицу подняли на кране. Раненого медвежонка пришлось прикончить, а здорового посадили в клетку.

На следующий день ермаковцы ели медвежью отбивную. Чуть сладковатое мясо показалось очень вкусным.

Воздушный лоцман

Впереди до горизонта лед, лед, лед — белые ровные поля.

День и ночь не стихает грохот. Бронированная грудь «Ермака» ломает лед, но застывшее море упорно сопротивляется. Нелегко преодолевать сплошную двухметровую толщу.

Бывают моменты, когда корабль, ударяясь об лед, застревает в нем, хотя работают все три машины. Тогда капитан дает задний ход. «Ермак» повторяет удар с разгона. И так до тех пор, пока поле не дает трещину. Теперь корабль взбирается носом на лед и давит его всей своей тяжестью. Он поднимает матовые глыбы. Опускаясь в воду, ледяные обломки кажутся синими.

Озабоченный капитан взобрался в «бочку», укрепленную на мачте, оттуда смотрит в бинокль и кричит в рупор, куда вести корабль.

Время не терпит. Надо вырываться из льдов. Не сегодня — завтра выходит караван ленских судов из Мурманска и сквозным рейсом направляются во Владивосток «Искра» и «Ванцетти».

Пароходам нужна помощь «Ермака».

К радости летчика Козлова и бортмеханика Косухина, Воронин решает произвести воздушную разведку.

Поднявшись на тысячу метров над ледяной пустыней, легче обнаружить водяные оазисы, легче заметить границы льда, найти чистую воду и указать путь кораблю.

Амфибия «Ш-2» в боевой готовности, но еще раз бортмеханик и летчик с тщательностью врача проверяют ее сердце — мотор.

Ледокол вышел на чистую воду и замедляет ход.

Среди ледяного поля — небольшое озеро, в котором плавают льдины.

— Ну, как аэродром? Не слишком мал? — спрашивает Воронин.

— Все в порядке, — отвечает Козлов.

С большими предосторожностями спускают самолет. Капитан взволнован. Его меховая шапка съехала набекрень. На раскрасневшемся возбужденном лице — отцовская забота.

Наконец самолет на воде. К нему подходит катер. По штормтрапу спускаются бортмеханик, летчик, капитан и матросы. Катер ведет амфибию на буксире.

Чернеет вода. Издали «Ермак» кажется маленьким. Ветер гонит навстречу льдины. Приходится лавировать.

Воронин стоит на корме. Он держит концы, на которых мы буксируем самолет. Капитан напряженно следит за самолетом, то натягивая, то отпуская «вожжи».

— Уток не гоняйте! Ходу больше! — сердито говорит капитан.

Ослепительно ярко сверкает лед, залитый солнечным светом. Синие очки окрашивают панораму в цвет вечернего неба.

Который теперь час? В последнее время мы разучились ощущать разницу между днем, вечером и ночью. Солнце не заходит. На смену полярной ночи пришел длинный полярный день. Иногда рядом с солнцем показывается луна. Новичков, впервые попавших в Арктику, удивляют эти небесные беспорядки, а фотографы тщетно пытаются запечатлеть странную картину луны, любезничающей с солнцем.

Катер идет слишком быстро. Воронин осаживает:

— Потише... Не форсите на голенищах!

Когда катер дает резкие рывки, капитан кричит:

— Не так круто, не картошку везете... самолет...

Мы выбрались на место, откуда может взлететь самолет. Катеру пора отойти. Капитан готов отпустить вожжи, но в решительную минуту у катера заедает мотор.

Все торопят Ветрова. Он осмотрел мотор катера. Катер готов отойти. Но теперь умолкает мотор самолета.

Когда мотор самолета задышал равномерно, ветер нагнал льдин. От водяного аэродрома нет и следа.

Буксируя самолет, мы отправляемся в путь — разыскивать новую площадку для взлета.

Ветер крепчает.

Не рискованно ли сейчас взлететь? Быть может, ветер засвежеет, собьет с пути летчиков, и самолет будет вынужден опуститься где-то на льду.

— Вы не забыли неприкосновенного запаса́ продовольствия? — спрашивает капитан.

Летчик отвечает:

— Нет, капитан! Мы взяли консервы, вино, шоколад и галеты.

Капитан испытующе смотрит на небо. Он что-то прикидывает, взвешивает, подсчитывает,

Из 45 лет своей жизни Воронин 37 лет провел на море. Еще восьмилетним зуйком на тресколове он любил наблюдать за ветром. Старые поморы передавали ему свой опыт. С низкопалубных поморских парусников, возивших русскую муку норвежским купцам, пытливый мальчуган подолгу всматривался в морские волны. Ставя самовар в густо пропахшем треской маленьком трюме, он задумывался над секретом кораблевождения и пытался разгадать тайны моря. Читая при свете сальной свечи книги о приключениях на море и слушая рассказы о бесстрашных «груманланах», он запоминал то, что могло пригодиться в будущем. Неутомимый самоучка, он прошел многолетнюю жизненную школу, прежде чем подняться на капитанский мостик, и теперь знает повадки ветра не хуже метеоролога.

Воронин смотрит на небо пристальным взглядом и говорит:

— Ветер стихнет. Можно лететь!

Мы нашли аэродром.

Самолет долго бежит по воде.

Но вот он поднялся, описал, приветствуя товарищей, три круга над ледоколом и улетел в ледяную даль...

Первая воздушная разведка прошла успешно.

Продрогшие летчики с радостью докладывают капитану о результатах своих наблюдений.

— Ледовое поле простирается далеко. Восточнее острова Белый — чистая вода.

Через несколько минут, отложив очередную работу, радист «Ермака» сообщил пароходам «Крестьянин», «Молотов», «Садко» и «Русанов», находившимся в Юшаре, распоряжение Воронина — итти в направлении к острову Белый.

Первая сводка

В этот день на 70° северной широты и 68° восточной долготы впервые в мире на борту ледокола вышла печатная газета.

С первой страницы первой арктической газеты смотрело знакомое лицо любимого вождя.

С просторов Карского моря моряки-полярники шлют горячий привет тому, кто прозорливо оценил значение Великого Северного морского пути — привет великому и родному Сталину.

Читая газету, ермаковцы узнали, что ледокол «Ленин» идет из Архангельска в Югорский Шар, откуда после бункеровки поведет первую группу судов до острова Белого.

«Малыгин», обогнув Новую Землю вдоль западного берега и разгрузившись в Маточкином Шаре, Русской Гавани и на мысе Желания, вышел в Карское море, где займется гидрографическими работами.

«Ермак» произвел ледовую разведку в Карском море, прошел от Новой Земли до острова Белого, а отсюда на север до 74°30′ и снова повернул к Белому, где будет ожидать первую группу судов.

Выход газеты был праздником на «Ермаке».

Капитан Воронин появился в кают-компании с пачкой газет подмышкой и, подражая газетчикам, выкрикивал нараспев:

— Есть газета «Сквозь льды»... Охота на «Ермаке»... Какая будет погода... Где находится «Садко»... И другие новости... Цена три копейки...

— Простите, Владимир Иванович, наша газета бесплатная, — в шутку обидевшись, сказал редактор.

Старый полярник Лавров восхищенно покачивал головой:

— Пройдут годы — и в Арктике появятся десятки печатных газет. Но этот номер будет реликвией на многих выставках...

Лавров попросил пять номеров газеты. Он решил разослать их старым друзьям, с которыми двадцать лет тому назад совершал незабываемые рейсы.

Подарок

На следующий день с острова Белого была получена радиограмма. Доктор сообщал ермаковцам, что радистка — единственная женщина, зимующая на острове — беременна и нуждается в свежих овощах.

Ермаковцы решили послать подарок зимовщице, собиравшейся стать матерью. Возник вопрос: как передать его? Добраться до острова на «Ермаке» не позволят малые глубины. Пойти на катере? Но кругом лед. Пешком по льду? Лед не надежен, часто встречаются водяные просветы. Пойти на ледянке-лодке, приспособленной к плаванию во льдах? Такое путешествие очень рискованно и потребует нескольких дней. Плыть до острова Белого — это значит преодолеть добрых 60 миль.

Обсудив вопрос, ермаковцы решили направить к острову самолет и сбросить посылку.

Но что послать?

— Свежего мяса сейчас на «Ермаке» нет.

— Консервы? Их много и на зимовке.

— Свежий картофель?

— О, да. Вот лучший подарок. Уже долго не ели зимовщики свежего картофеля.

— Морковь?

— И это прекрасное лакомство для зимовщиков, давно не видевших свежих овощей.

— Клюкву? Баклажанную икру? Лук?

— Конечно, конечно!

Председатель судкома Сорокин, любезно запаковал посылку.

В посылку положили и газеты.

Летчик Козлов и бортмеханик Косухин с радостью взялись передать ермаковский подарок.

Много времени спустя, вспоминая о полете к острову Белому, мужественный и суровый бортмеханик Косухин, человек далеко не сентиментальный, откровенно признался, что, когда самолет пролетал над зимовкой, у него на глазах навернулись слезы.

...Сверху «Ермак» казался игрушечным корабликом. Его хотелось взять в руки и переставить со льдов на чистую воду, видневшуюся совсем рядом.

Остров покрыт снегом. Местами видны узкие полоски бурой, болотистой земли. Если бы ее цвет резко не отличался

от окружающего льда, землю можно было бы принять за мелкобитое ледяное крошево.

Вскоре опытный глаз летчика отыскал едва приметные домики. Один больше, два поменьше. Около домиков текут небольшие речушки с отлогими берегами.

Самолет сделал круг над зимовкой.

Из дома выбежали два человека. Они радостно махали руками. Самолет сделал еще один круг и пошел на снижение.

Все немногочисленное население острова высыпало из домов.

Бортмеханик отвязывает посылку.

Козлов кричит:

— Приготовься, Глеб! Будем бросать!

Косухин с трудом удерживает тяжелый пакет. Едва самолет поравнялся с домиками, он сбросил пакет, посмотрел вниз и увидел пляшущих от радости зимовщиков. Люди бросали шапки, аплодировали...

Летчики потом признавались: они много дали бы, чтобы в эту незабываемую минуту спуститься вниз и побывать в гостях у горсточки советских граждан, проживших долгий год в молчаливой тундре.

... Когда самолет вернулся к ледоколу, полынья уменьшилась. Но опытные летчики ухитрились спуститься. Вечером они обнаружили в своей каюте... свежий торт, украшенный ароматными зелеными грушами.

— Откуда взялся торт?

Летчики спросили у соседей — электромонтеров: «Кто заходил к нам в каюту?»

Виновато улыбнувшись, им ответили, что никто не входил...

— Быть может, командование ледокола угостило нас тортом?

— Нет.

За ужином выяснилось, что кто-то из матросов, восхищенный мастерством посадки, решил преподнести летчикам торт. Матрос, фамилию которого так и не удалось выяснить, отдал часть своего пайкового масла и сахару пекарю Пайгалику. Пайгалик раздобыл где-то банку фруктовых консервов, а мастерски приготовить торт он умеет. Ведь он несколько лет работал в ресторане «Астория», где пек самые изысканные и замысловатые торты.

На следующий день в кают-компанию зашел старший радист Плотников. Он подал редактору газеты радиограмму.

Врач зимовки Михеев решил поделиться с ермаковцами своими переживаниями. Вот выдержка из этого человеческого документа.

«Дорогие товарищи! Трудно передать словами нашу благодарность. День, когда над нашим островом появился самолет, — самый светлый и незабываемый день в жизни зимовщиков.

Вчера мы впервые за год увидели живых людей!

Вы не подозреваете, какая радость охватила нас, когда мы увидели, что с самолета оторвалась посылка.

Нас тронули внимательность ермаковцев, их чуткое и заботливое отношение.

Мы с восторгом жали друг другу руки и поздравляли самих себя.

Посылая нам подарок и приветствия, моряки претворяли в жизнь указание родного Сталина о внимании к человеку и заботе о нем.

По щекам единственной женщины, зимующей на острове, катились слезы благодарности.

Мы с грустью смотрели вслед удалявшемуся самолету...

Потом люди молча ходили по кают-компании и думали о скором возвращении на Большую землю, о родных, о близких, о летчиках и моряках, которых они никогда не видели и, может быть, никогда не увидят, о летчиках и моряках, ставших им близкими и родными.

А радистка, будущая мать, готовила ужин из свежих овощей».

Ермаковцы были счастливы, получив это искреннее послание.

Вскоре мы пережили еще несколько незабываемых минут.

Над ледоколом показался самолет.

На 73-й параллели произошла радостная, неожиданная встреча с летчиком Алексеевым, вылетевшим с Вайгача в тысячекилометровую воздушную разведку.

Будни

Вечереет. Мы сидим в кают-компании.

Помполит, раскрыв блок-нот, пишет:

« 1. Выяснить, почему Додонов не вышел на аврал.

2. О фотогазете.

3. О занятиях арктического кружка.

4. Об экономии пресной воды. . »

У помполита много забот. Очередные вопросы он записывает в своем блок-ноте.

— Понимаете, — говорит он, — пресную воду надо экономить. А уборщицы моют пресной водой палубу.

Над картой склонился Владимир Иванович Воронин. Как на шахматной доске расставляет он ледоколы, пароходы и самолеты. Он долго и много думает. Он знает, что одна ошибка, один непродуманный шаг, один упущенный миг может стоить корабля, многих человеческих жизней, а то и успеха всей навигации.

Капитан водит по карте карандашом.

— Тут лед. И здесь. И там просвета нет. Ну, а как со льдом у самой Северной Земли? Алексей Модестович, как вы думаете?

Лавров отвечает не сразу.

— Пожалуй, и там тяжело.

Алексей Модестович вспоминает, как он шел на «Таймыре» в этом районе, и рассказывает интересные эпизоды из арктических экспедиций далекого прошлого.

— Но гибель одних никогда не останавливала других, — замечает Лавров. — Люди продолжают предпринимать экспедиции.

— Такой уж народ моряки, — говорит Воронин. — Море приучает ничего не бояться...

Наступает пауза. Все смотрят на карту.

— Моряк неизбежно становится смелым, — продолжает свою мысль Владимир Иванович. — Часто жизнь зависит от мускулов, а еще чаще от воли. Если цепка хватка — всегда победишь.

— Вы правы, — соглашается Лавров. — Воля для моряка — все.

— Вот именно воля, — говорит Воронин. — Первое качество для морских людей — воля, железная воля.

— Я с вами согласен, Владимир Иванович. Тем более, советский моряк должен быть волевым...

Эти слова хрипло-приглушенно произнес появившийся в кают-компании кочегар Киселев — парторг машинного отделения.

— Где простыл?

Кочегар искоса смотрит на капитана и тщетно пытается спрятать бинт, которым завязана шея, за воротник.

— Дело было в тропиках, — говорит Киселев. — Хлебнул это я однажды в Сингапуре вина со льдом...

Воронин гневно:

— Оставьте тропики. Тут не при чем экватор. Почему разгуливаете без пальто? Я уже раз предупреждал, что сляжешь.

Киселев виновато молчит.

Предсудкома Сорокин зовет всех на собрание. Кают-компания пустеет, все идут в красный уголок. Тут шумное совещание.

Сегодня проверяют соцдоговора.

— Держат ли кочегары пар «на марке»?

— Экономят ли топливо?

— Культурно ли отдыхают?

Работу каждого обсуждают в отдельности.

— А хорошо ли работает Иостман?

— Не плохо. Но старшина должен быть потверже. Дружба дружбой, а служба...

— Ну, а Федоров?

— Исполнительный парень. Уж затянет песню, так ведет до конца.

— А Баранов как?

— Хорош, как плотник.

— Пьет вот Баранов много.

— И слова не держит. Обещал бросить пить. А в Мурманске опять...

— А Борисов?

— Сдавать стал. У него пламя теплится как лампадка!

Долго идет собрание. Многим не по себе. Они краснеют, им стыдно. Их обвиняют товарищи, суровую оценку им дает коллектив. Они обещают исправиться. Им обещают помочь.

После собрания — киносеанс.

Кино было любимым развлечением моряков. Тот, кто свободен от вахты, всегда спешил в столовую команды на киносеанс.

Политуправление Главсевморпути позаботилось о ермаковцах — на корабле кинопередвижка и 25 фильмов.

В Союзкино долго торговались, стараясь сбыть в «захолустный» кинотеатр наименее ходовые фильмы. Но энергичные комсомольцы «Ермака» обратились за помощью в Ленинградский горком партии. Им удалось отвоевать несколько хороших картин. Среди них «Мятеж», «Пышка», «Поход «Седова», «Последний аттракцион».

Наш «кинотеатр» не имел штатного механика. Фильмы

демонстрировал матрос Саша Петров. Это была его комсомольская нагрузка.

К своей работе Саша относился ревностно, заботливо. После каждого сеанса Саша расспрашивал, как понравилась картина. Он прислушивался к каждому мнению; казалось, он вместе со сценаристом, режиссером и актерами разделяет ответственность за фильм. Он был искренно рад, когда картина пользовалась успехом.

Ермаковцам особенно нравились «Мятеж» и «Пышка». Они нравились и Саше, и он показывал их чаще других картин.

... Когда в столовой появлялся Саша Петров с киноаппаратом, в руках у матросов, кочегаров и машинистов быстрее мелькали ложки и вилки.

— Куда вы спешите? И в потемках есть можно, — утешал торопящихся Воронин. — А поспешишь — людей насмешишь... Еще подавишься...

Становится тесно в столовой. Зрители усаживаются не только на скамьях, но и на столах, на полу.

Гаснет свет.

Судовые оркестранты во главе с неутомимым затейником Додоновым открывают киносеанс импровизированной увертюрой.

На экране — «Поход «Седова».

В столовой шумное оживление.

По растянутой простыне плывут льдины, летят самолеты...

Ермаковцы узнают хорошо знакомые лица. Многие видят на экране себя.

Воронин припоминает интересные подробности похода и вслух комментирует фильм.

Раздается взрыв смеха.

На экране знакомая сцена — Воронин сердито отчитывает одного из штурманов. Капитан возмущен его неповоротливостью.

Смеется и Владимир Иванович:

— Мало я его...— говорит он. — Надо было побольше.

Ощущение близкого и далекого у нас спутано.

Когда на экране дымят заводы, мчатся паровозы, по проспектам Москвы снуют пешеходы, — все это кажется бесконечно далеким. А кадры работы «Седова» где-то во льдах Арктики кажутся чем-то близким. Фон фильма — это то, что нас окружает — льды, туманы, осторожно лавирующие во льдах пароходы, высоко парящие над ними самолеты.

...Давно закончен киносеанс, но светло, как днем.

Уставший бесполезно ломать прутья клетки, уснул измученный медвежонок. Он оказался шумлив и мешает спать машинистам в кубрике. Вопрос о медведе решено разобрать на одном из ближайших заседаний судового комитета.

Непривычная тишина стоит в радиорубке. Радист Плотников, выключив мотор, переписывает для газеты сводку ТАСС о забастовке в Польше.

Около камбуза на ящике из-под картошки сидит матрос. Он дочитывает «День второй» Эренбурга.

Вахтенный матрос обходит палубу, проверяет, все ли в порядке. Судовые склянки бьют два ночи.

Наступило утро...

Утром на горизонте был замечен дымок.

В бинокль видны очертания ледокола. Это «Ленин». За ним потонувшие в тумане силуэты судов.

Они приближаются, вот они уже видны без бинокля.

Они благополучно прошли первую часть своего пути: Мурманск — остров Белый.

Ермаковцы долго ждали встречи с судами. Моряки радостно машут руками. «Ленин» проходит мимо нас.

Воронин кричит в рупор:

— Вы вернетесь в Югорский Шар за второй группой судов!

«Ленин» уже миновал «Ермака». Еле доносится ответ капитана:

— Есть...

Теперь «Ленин» поворачивает. Снова проходит мимо нас, но медленнее.

— Вы получили вести о «Седове» и «Куйбышеве»?

— Нет...

— Когда будете в Юшаре?

— Завтра.

Редактор «Сквозь льды» кричит помполиту «Ленина»:

— Радируйте о работе с активом. Организуйте проработку доклада Жданова на пленуме Саратовского крайкома.

Протяжными гудками прощается «Ленин». Ему басовито отвечает «Ермак».

Какая короткая встреча! Да, в Арктике коротки встречи судов. Слишком дорого время.

Но вот снова раздаются гудки. Это «Крестьянин» и

«Садко» здороваются с «Ермаком». Вот показался норвежский пароход «Фрам», зафрахтованный Главсевморпутем.

В трюмах «Фрама» уголь для «Ермака».

Корабли поднимают флаги, приветствуя друг друга.

Ожило застывшее море.

«Ермак» искусно маневрирует, прокладывая дорогу во льду.

В кильватере — караван судов.

Заканчивается первый этап полярного рейса. Произведена ледовая разведка в западной части Карского моря, на пути к Диксону.

II. Полярный порт

К острову Диксона

Две недели провел «Ермак» во льдах Карского моря.

Теперь мы идем к острову Диксона — полярному порту, в который заходят все корабли, плавающие в западном секторе Арктики. В штурманской рубке Воронин рассматривает карту бухты Диксона.

Бухта расположена в западной части Великого Северного морского пути, у величайшей водной артерии Арктики — могучего Енисея.

С давних пор она была убежищем для кораблей полярных исследователей.

Когда большевики завоевали Великий Северный морской путь, по Енисею пошли корабли на Игарку, начались карские операции и ленские походы, значение далекой гавани выросло. На Диксоне возник первый заполярный порт, Диксон стал важнейшим экономическим и культурным центром Арктики.

Берега бухты извилисты. Вблизи Диксона несколько маленьких островов — Вернс, Большой Олений, Медвежий.

Мы приближаемся к острову. После пятнадцатидневного плавания во льдах — это большое и радостное событие.

Пока кругом — все еще вода и лед.

Небо разрезано красно-зеленой радугой. Море темно-свинцового цвета.

Утомительно тянутся долгие часы ожидания.

Но вот кто-то кричит:

— Земля!

Участники экспедиции и свободные от работы матросы и кочегары, штурмана и механики высыпали на палубу.

Вдали виднеются коричневые горы. Каменистые берега острова Диксона в снегу.

Нас догоняет «Русанов». За ним дымки остальных кораблей.

— Каков сейчас Диксон?— задумчиво говорит гидрограф Лавров. — Интересно увидеть, как он изменился за эти годы...

Двадцать лет назад Алексей Модестович Лавров, плавая на «Таймыре» с экспедицией Вилькицкого, впервые побывал на острове Диксона. Лавров был одним из первых полярников, побывавших на только что созданной зимовке, где жило в очень скромных условиях несколько человек.

— Интересно, интересно, как вам понравится новый Диксон, — говорит Алексею Модестовичу Воронин.

— А вот нас и догоняют, взгляните, Владимир Иванович,— Лавров передает капитану бинокль.

— Это «Русанов»...— говорит Воронин. — А за ним дымки остальных кораблей.

— Флот подходит к Диксону, — замечает Лавров. — Много нынче там соберется пароходов.

— Много, Алексей Модестович, много. Значит, суда уже подбираются... Надо торопиться с разведкой.

— Все зависит от пролива Вилькицкого. Как поведет он себя, — говорит Лавров.

— Как поведет он себя, — задумчиво повторяет капитан.— Судя по метеосводке — поведет плохо.

— Да, прогнозы нам нынче ничего хорошего не сулят, — соглашается Лавров.

«Ермак» замедляет ход.

Большая осадка ледокола не позволяет ему подойти ближе к острову. Безопаснее стать подальше.

С визгом падает за борт якорь.

— Эта возвышенность тут совсем некстати, — жалуется Лавров, — она заслоняет зимовку.

— Я радировал о нашем приходе, — говорит Воронин. — Думаю, скоро к нам приедут диксоновцы.

С этими словами Воронин уходит в кают-компанию.

Скоро к «Ермаку» подошел катер с зимовщиками. Первым взобрался по штормтрапу полный, широколицый человек. Это был начальник острова — Святаков.

Приятно было взглянуть на наших гостей. Все они были чисто выбриты, аккуратно одеты. Это были здоровые, жизнерадостные люди.

Гости рапортуют морякам:

— На зимовке все благополучно. Сто пятьдесят человек живы и здоровы!

Ермаковцы и зимовщики делятся новостями. За чаем шел оживленный задушевный разговор. Жадно глотали новости диксоновцы. Они с увлечением выслушали рассказы ермаковцев о метрополитене, о том, как неузнаваемо изменилась Москва, как проходит навигация в Арктике.

— А на-днях мы ели свежие овощи, — хвастают зимовщики.

— Откуда это на семьдесят третьей параллели?

— Нам привезли их с Игарки.

— Но ведь Игарка — тоже далекий Север!

— Там завели парники, а мы...

— Да, мы сплоховали, но в будущем году мы угостим вас своими парниковыми овощами.

По приглашению диксоновцев мы отправились к ним на зимовку. Катер качало. Этим особенно был недоволен инженер Скорняков, хотевший заснять «Ермака» на фоне невзрачного каменистого берега.

— Вы самолет снимите,—предложил начальник острова.— Это летит наш полярный орел Алексеев.

Самолет шел на снижение.

— Удивительно мягко садится, — заметил секретарь экспедиции Фарберов. Он, занимавшийся в школе летчиков, не плохо знаком с летным делом.

— А это потому, что он везет больную, — ответил Фарберову Святаков. — Иногда нашего врача вызывают по радио на другие зимовки. Врач вылетает немедленно. Если случай тяжелый, самолет доставляет больного на Диксон.

По дороге на остров катер подошел к норвежскому пароходу «Фрам». Воронин поднялся туда для того, чтобы поговорить с капитаном.

На стенах кают-компании норвежского судна — огромные фотографии жены капитана, дочек и любимой собаки. Из клетки испуганно смотрит пестрая тропическая птица. По преданиям, такая птица приносит счастье морякам. И уважающий себя старый норвежский капитан редко отправится в Арктику без счастливой птицы.

Воронин быстро возвращается на катер, и мы продолжаем путь. Редактор печатной газеты просит рулевого пройти поближе к судам.

Катер идет близ «Садко» и «Ванцетти». Редактор кричит вахтенному:

— Передайте команде, чтобы писали в газету «Сквозь льды».

— Ладно! — кричит кто-то с «Ванцетти». — А как передать материал?

— Завезите или на «Ермак» или оставьте на Диксоне в радиостанции.

— Есть...

Вот и «Крестьянин». Здесь мы договорились о совещании рабкоров-моряков.

Когда мы подошли к трапу, кто-то спросил:

— Который час?

— Одиннадцать, — отвечает редактор.

— Что вы, — улыбается один из находящихся в катере зимовщиков, — сейчас три часа дня.

— А у нас на «Крестьянине» — только час.

Пароходы шли, минуя различные пояса времени, и по-разному переводили часы.

— Попробуй сговориться о совместных мероприятиях, когда часы показывают разное время, — смеялся редактор, спускаясь в катер.

В далекой гавани

Кто-то назвал Диксон северным Крымом. Но Диксон не нуждается в сравнении. Он по-своему, самобытно красив и имеет мало общего со слащавыми крымскими пейзажами. В прозрачной воде рельефно отражаются нагромождения камней. Кое-где на них еще не стаял снег, блестит лед. Тут своя красота — скупая, сдержанная, суровая.

В бухте Диксона — оживленно. На якоре стоит несколько пароходов, приведенных «Ермаком». Сегодня пришел караван речных судов из Красноярска. Со стороны Енисейского залива приближается флотилия гидрографических ботов. Снуют катера и лодки.

От воды оторвался самолет. Это Махоткин вылетел на ледовую разведку в пролив Вилькицкого.

— Не узнать Диксона, — говорит Алексей Модестович.

Сегодня солнечный день. На палубе речного парохода «Лесник» матросы развешивают белье для просушки. Закаленные зимовщики щеголяют в легких куртках.

От пристани, которую с успехом заменяет затонувшая баржа, деревянный настил ведет к поселку. Направо от просторного деревянного дома — кают-компании — расположилась

больница. Несколько поодаль—радиостанция и склады. Еще дальше научные лаборатории. Вдоль берега — жилые дома летчиков, научных работников и технического персонала. Воздух разграфлен проволокой. Сколько труда и средств вложено в строительство полярной станции! Появление каждого маленького зданьица на этой мертвой земле — целое событие для зимовщиков.

На деревянной вышке сушатся медвежьи шкуры. Прогуливаются собаки с окровавленными лапами и мордами — только что они лакомились белухой.

— Собачий остров, — шутит кто-то из ермаковцев.

— О, у нас образцовый питомник, — говорит начальник острова.

На прибрежных камнях лежат туши двух белух. Меньшая весит тонну, а та, что побольше, две. Из лоснящейся кожи белух вырабатывают прочные фабричные ремни. Мясо идет на корм собакам.

Дорожка от пристани ведет вверх к деревянному дому. На дверях кают-компании что-то белеет.

— Не театральная ли афиша? — шутя спросил Лавров.

— Вы угадали, Алексей Модестович. Вчера на Диксоне начались гастроли Московского заполярного театра.

— То есть, как театра?

— Те-а-тра, — повторил начальник острова. — Московского заполярного театра Главсевморпути.

Лавров ничего не сказал. Он только развел руками.

Мы зашли в деревянный дом.

Пол кают-компании покрыт линолеумом.

На раскрытом пианино лежат ноты вальса «Ласковые звуки». На столе — патефон и пластинки. Рядом со стенной газетой висит юмористический листок «Подзатыльник».

— Как спектакли — нравятся? — не без тревоги спросил помполит, обращаясь к зимовщикам.

— Замечательные спектакли! — ответили они. — Вы в Москве раньше нас будете?

— Раньше.

— Я прошу вас передать большое спасибо Политуправлению за заботы о наших зимовщиках, — сказал начальник острова.

В кают-компании актеры рассказали нам историю Заполярного театра. Труппа его состоит из молодежи Московского Нового театра. Гастроли начались в Красноярске. Затем артисты побывали в Игарке, Дудинке, Усть-Порту

и направились на Диксон. Передвигались они на одном из пароходов Пясинского каравана, спустившегося по Енисею. По дороге артисты выступали в рыбацких становищах.

— Ну, знаете, — заявил Лавров, выслушав актеров, — если бы двадцать лет назад мне сказали, что я застану когда-нибудь на острове Диксона артистов, я бы назвал своего собеседника сумасшедшим. Кто бы мог подумать в те времена, что в Арктику поедут врачи, киномеханики, наборщики, инженеры и даже артисты...

К Алексею Модестовичу посыпались вопросы об экспедиции Вилькицкого, о том, каким был старый Диксон. Закусив в кают-компании, мы разбрелись по поселку.

Вечером мы сидели в кают-компании — нас пригласили в театр. Мы дружно аплодировали талантливому коллективу артистов. Они показали хорошую концертную программу — отрывки из лучших образцов классического и современного репертуара. Грань между зрительным залом и сценой исчезла. Во время антракта загримированные актеры беседовали со зрителями. На «сцене», по бокам, сидели зрители — места было мало.

Когда спектакль закончился, актеры и зимовщики гуляли по острову.

Ермаковцы эту ночь провели на Диксоне.

Диксоновцы рассказали гостям про жизнь зимовки.

Еще две недели тому назад остров нельзя было отличить от моря. И тут и там был лед. Зимовщики на нартах отправлялись по льду охотиться на медведей, оленей, песцов. Среди охотничьих трофеев — дюжина медведей, несколько белух и свыше трехсот нерп.

Иногда медведи приходили и сами.

Однажды повар Волков чистил картофель. Слышит повар, что кто-то стучит в окно. Он подымает голову и видит... медведя. Тот принюхивался к вкусным запахам кухни. Повар оставил картошку, зашел в комнату за винтовкой, пристрелил медведя и вместе с уже начищенной картошкой приготовил свежий медвежий ростбиф.

...Наконец бухта вскрылась. Лед унесло ветром. Оживилась жизнь на зимовке. Из Мурманска пришла желанная радиограмма — в Арктику вышел «Ермак». С нетерпением ждали появления ледокола зимовщики. Значит, конец зимовке! Значит, приближается возвращение на материк, не за горами встреча с родными, близкими.

...Скудная территория ровной земли окончена. Мы

идем уже по камням. Ветер колышет красные флаги на кают-компании, слышно, как вздрагивают ставни.

Кто-то из нас протяжно зевнул. И мы вспомнили, что уже ночь. Ночь, когда ярко светит солнце.

Я пошел ночевать к парторгу зимовки радисту Пашукевичу.

— А вы знаете, где я живу? — спросил Пашукевич, когда мы шли к его дому.

— Нет.

— Я живу в «академии наук».

Так называют зимовщики дом научных сотрудников и радистов. Дверь в комнату Пашукевича не бывает заперта — на зимовке не нужны замки и дверные засовы.

Мы зашли в комнату. В углу несколько пар сапог — русские, хромовые и болотные. На стене висят охотничьи ружья. На столе патронташ, финские ножи, бинокль. У двери термометр. Здесь тепло и уютно. Но зимой, когда за окном 50° ниже нуля и свирепствует пурга, не очень тепло и в комнате.

Мы долго беседовали с Пашукевичем. Он рассказывал о жизни зимовщиков. Время летело незаметно. Утром, когда я проснулся, постель моего соседа была аккуратно застлана. На столе лежала записка:

«Доброе утро. Я решил не будить вас. Спешу на радиостанцию. Пашукевич».

Я наскоро оделся и вышел.

Питомцы каюра Суворова

Кругом холодный зернистый снег. Я вспоминаю, что сегодня 31 июля и думаю о том, что диксоновская детвора может и в июле играть в снежки...

Скалы круто обрываются в море.

Я стою на самом краю скалы и с интересом смотрю вниз. Там, на снегу снимает ватник какой-то человек. Он расстается с тужуркой, штанами и, раздевшись догола, подходит к воде...

Первый купальщик! Видимо, он чувствует себя отлично. Он ныряет, плавает, ложится на спину...

Прыгая с камня на камень, я спускаюсь к морю.

— Как вода?

— Хороша! Бодрит!

Я пробую воду рукой.

— Ну, как? — спрашивает купальщик. — Градусов десять?

— Да, пожалуй!

Он одевается. Его мокрые волосы блестят на солнце.

— Мы вчера не успели познакомиться, — говорю я, протягивая руку. Незнакомец отвечает:

— Я — Суворов. Каюр Суворов. Начальник собачьего питомника Диксона.

Так начался разговор.

— А вы, видно, не новичок в Арктике? — спросил я.

— Как вам сказать... Эта зимовка десятая по счету...

— Вот как!

— Да, знаете, неспокойный я человек. Люблю новые места!

— А где вы зимовали?

— На Новой Земле, Индигирке, Диксоне, Чукотке...

Суворов перечисляет свои зимовки. Немного таких мест на карте Крайнего Севера, где бы не побывал он. Ему одинаково хорошо знакомы и западная и восточная часть Арктики.

Мой собеседник не очень охотно отвечает на вопросы. Он скуп на слова. Но когда разговор зашел о собаках, он оживился.

— Собаку не умеют ценить, — часто вставлял Суворов, рассказывая о жизни своих питомцев. — Заметьте, недооценивают. А я люблю собак. Больше всего на свете!

Прошлой зимой на Диксоне были большие морозы. Нелегко приходилось собакам-роженицам. В «родильном доме» питомника было 30° ниже нуля.

— Вот беда! Как быть? Подумал, подумал я и нашел выход, — улыбается Суворов, — уступил роженицам свою комнату...

Арктика изменила уклад собачьей жизни. По расчетам собаководов собаке достаточно в день 600 калорий, а диксоновские собаки чувствуют себя хорошо только тогда, когда получают в день около 3000 калорий.

Щенят кормят по расписанию — три раза в день. Завтрак в десять утра, обед в четыре, ужин в одиннадцать вечера. Молодые собаки непривередливы — их пища однообразна. Каждый день в специальной «фабрике-кухне» в двух котлах варят нерпичий бульон. И с утра до вечера около кухни прогуливаются щенки. А взрослых ездовых собак приучают есть лишь один раз в сутки. Зимой их кормили заготовленным

Собачий питомник на острове Диксона.

с осени мясом белух, наваром мяса с ржаной мукой и ячменем.

Весной, когда запасы были на исходе, каюры вышли охотиться на нерпу. Они впрягли в нарты 15 собак. Впереди бежала одна из самых сильных и авторитетных собак — «Садко».

С увлечением рассказывает Суворов о привычках вожака.

Вожак всегда беспощаден и свиреп. Он держит всех собак в «черном теле». Для порядка «во внеслужебное время» он без всякого повода кусает собак, разгоняет их, командует ими. Зато в работе они безоговорочно подчиняются вожаку.

Когда первая пара бежит быстро, лямки натягиваются и все собаки вынуждены равняться по вожаку. Они чутко следят друг за другом. Каждая отлично понимает, что если она начнет саботировать — соседка укусит ее и надолго отобьет охоту увиливать от работы. Даже больная собака старается бежать так же резво, как и здоровые, иначе, едва только наступит стоянка, с ней сведут счеты, ее загрызут.

Мы вышли на дорогу. Навстречу каюру бегут собаки.

— Смотрите, как вырос наш питомник, — говорит Суворов, — а ведь он организован всего год назад.

Теперь на Диксоне 108 собак. Молодой питомник снабжает собаками многие зимовки и экспедиции. Вчера диксоновцы получили радиограмму председателя Новоземельского сельсовета Тыки-Вылки, он просит выделить для Новой Земли несколько собак. Новоземельцы решили, по примеру Диксона, создать у себя образцовый питомник.

— Я все рассказываю вам о своих питомцах, — спохватился каюр, — но пока не представил ни одного из них.

Он посвистывает и машет рукой.

— «Стрелка», ко мне!

Старый пес ласково жмется к каюру. В знак любви и преданности он машет хвостом.

— Будем знакомы! — Это вожак одной из упряжек. На «Стрелке» можно спокойно ехать в любую пургу. Она изумительно знает местность.

— Ах, «Стрелка», «Стрелка», — каюр гладит собаку по спине, — стареем мы с тобой...

«Стрелка» действительно постарела. Она подслеповата, шерсть лезет клочьями. «Стрелка» живет на Диксоне десять лет. Много ледяных троп обошла она. Но и теперь, несмотря на старость, она старается держаться бодро. Хорохорится, ходит задрав хвост, рычит и нет-нет, да укусит какую-нибудь собаку.

Зимовщики берегут старого ветерана. Лишь в крайних случаях, когда выезд особенно рискованный, запрягают они «Стрелку».

«Стрелка» не подведет, не ошибется никогда. Но она не любит итти в нарты.

Под старость собаки начинают ненавидеть нарты.

Слушая каюра, я вспоминаю рассказ Воронина из его прошлогодней арктической экспедиции.

В прошлом году на «Ермаке» была пожилая собака Джек. Джек вертелся под ногами, он был положительно вездесущ. Когда пес чересчур надоедал, ему спокойно говорили:

— Джек, в нарты!

И Джек мгновенно опускал хвост, начинал хромать и незаметно исчезал. Он прятался где-нибудь среди бочек, за ящиками и не отвечал ни на какие свистки и вызовы. Его невозможно было разыскать.

Спустя несколько часов Джек-симулянт выползал на свет.

Сперва он ходил похрамывая, опасливо оглядываясь. Но, убедившись, что его не трогают, принимал независимый и довольный вид.

Когда на корабль приходили гости, ермаковцы любили показывать им, как Джек симулирует болезнь...

Начальник питомника подзывает собак:

— «Садко»!

— «Дружок»!

— «Сережка»!

Три собаки, виляя хвостами, бросаются на окрик. Остальные бегут за ними без приглашений.

В отличие от собак Большой земли, диксоновские дружат со всеми людьми. Ведь обязанности сторожа собакам Арктики нести не приходилось.

— Вот камчатские собаки — помесь пса и волка — те опасны для человека. Повздорив между собой, они могут загрызть и седока...

Каюр продолжает свистать. Со всех сторон сбегаются собаки, белые, серые, пятнистые. Они наперебой лезут к своему кормильцу.

Скоро очередная трапеза.

Мы идем вдоль берега туда, где лежат белухи.

— Все это наша молодежь, — говорит каюр. — Молодые собаки бегают по острову, охотятся за полевыми мышами и птицами. А ездовых мы держим весь день на привязи, чтобы экономить их силы.

Вот и белухи. Каюр рубит плавники и кормит собак. Они жадно набрасываются на пищу. Для молодых щенков он режет мясо мелкими ломтиками.

— Видите, наши питомцы живут дружно. Но посторонней собаке лучше не появляться — загрызут. Такой уж обычай у диксоновских лаек.

Где-то невдалеке пролетела сова, размахивая белыми крыльями, похожими на распущенный веер.

Каюр смотрит в небо, пылающее багрянцем.

— А у вас в городах разве бывает такое небо? — спрашивает Суворов. — Конечно, нет. У вас прокопченное небо.

Я слушал Суворова и любовался небом. Здесь воздух кристаллически чист, и небо имеет какую-то своеобразную яркую и четкую раскраску. В ней мало полутонов, цвета ярки и законченны.

Суворов снова вернулся к любимой теме беседы.

— Да, не умеют ценить собак, — еще раз сказал он, — не умеют. А как велико их значение!

Собака в условиях Арктики — незаменимый транспорт. Резво мчатся по льду и снегу собаки, запряженные в нарты.

Летом при переходе от одной речки к другой две-три собаки отлично волокут лодку. Собака полезна на охоте. Она загоняет зверя, останавливает медведя, ловко кусая его и задерживая до прихода охотника.

Мы подошли к кают-компании. После завтрака ермаковцы поехали осматривать остров Конус.

Скалы и аммонал

К огромному каменному массиву примыкает деревянный причал. Мы вышли из катера и по морскам подымаемся на остров.

На островке несколько деревянных построек. Здесь и механические мастерские, и небольшая столовая, и общежитие строительных рабочих. На стенах плакаты:

«Примем грузы с первых судов на построенном нами причале».

«Наша боевая задача взорвать и скатить 3300 кубометров».

По рельсам катятся вагонетки со взорванной породой. Ее сбрасывают в море. Так создается каменная постель для будущего причала и выравнивается площадка угольной базы.

Ермаковцы подробно осматривают строительство. Диксоновцы рассказывают о замечательном единоборстве зимовщиков со скалами.

Еще недавно Конус был неприступен. Когда зимовщики впервые подъехали к островку, они с трудом взобрались на крутые скалы. Здесь удобное место для порта. Зимовщики решили взорвать тридцать пять тысяч кубометров камня, выравнять площадку аммоналом и построить причалы.

Летом 1934 года приехали водолазы краснознаменного Эпрона—Осипов, Калушкин, Макошин, Ферапонтов, инструктор Ревин, прораб Курлеев и техник подрывных и буровых работ Горбунов.

Диксоновское лето показалось эпроновцам — воспитанникам Балаклавской школы подводников — крымской зимой. На Диксоне было пасмурно и туманно. Порой светило солнце яркое, но не греющее. Курлеев писал в своем дневнике: «как холодно... минус семь градусов...»

Водолазы принялись изучать дно.

Первым спустился Курлеев. Он был разочарован. Он думал, что увидит новое для него подводное царство

Арктики, но дно оказалось так же мертво и безжизненно, как холодная земля. На черноморском дне цвел богатый подводный тропический лес, а здесь бедная подводная тундра...

Утром водолазы одевали скафандр, а вечером помогали строить дом, в котором будут жить.

Приближалась осень. В бухте образовался первый ледок.

Эпроновцы приступили к подрывным работам. Трудно было пробираться на островок по неокрепшему еще льду. Первая перевозка аммонала едва не окончилась трагически— лед проломился, и водолазы чуть не утонули.

Первые взрывы расчистили площадку, на которой начали строить механическую мастерскую.

К Октябрьской годовщине водолазы решили взорвать сто кубометров породы и очистить вторую площадку для компрессорной мастерской.

Выпал снег. Было минус двенадцать градусов. Смерзался песок, и камень едва поддавался бурению.

С каждым днем становилось холоднее, но подрывники не прекращали работу. Они упорно взрывали плохо поддающийся грунт. Тьма полярной ночи часто озарялась огненными каскадами взорванного камня. Стонали в бессильной злобе камни.

Октябрьские обязательства были выполнены досрочно.

Седьмого ноября на острове свирепствовала пурга. Крепко взяв друг друга за руки, шли водолазы на торжественное заседание. Они сбились с пути и только поздно вечером добрались до старого Диксона.

Утром пурга прекратилась. Термометр показывал минус двадцать пять градусов. При ручном бурении начали применять керосин. Вода мгновенно замерзала.

Но все же морозы радовали водолазов: при сухой погоде лучше сохраняется аммонал и легче ходить по льду.

Наступила полярная ночь.

Эпроновцы работали впотьмах. Увлеченные работой, они забывали обедать, и им решили привозить обед на остров. По дороге и суп, и котлеты, и кисель — все замерзло. С большими предосторожностями водолазы разводили костер и разогревали пищу.

Декабрь принес новые трудности.

Начались снежные заносы. Каждое утро эпроновцы расчищали место для буровых работ. Плотно спрессованный снег приходилось скалывать киркой, а иногда взрывать.

В конце декабря заговорил радиоцентр. Водолазы послали радиограммы женам и в Эпрон Фотию Крылову.

Под новый год мороз был минус сорок пять градусов. Идя на работу, бурильщики повязывали лица шарфом.

Январь принес такую пургу, при которой становилось рискованно выйти из дома.

Когда однажды в январе выдался день с температурой минус двадцать пять градусов, обрадованный водолаз Курлеев записал в своем дневнике: «Выдался теплый день». Вот как условны человеческие понятия о тепле и о холоде!

В дни вынужденных простоев порой становилось невыносимо скучно. Мечтали о труде. За работой незаметно летит время и жить веселее.

В конце января пурга прекратилась. И снова взрывы нарушили тишину полярной ночи.

Если верхние слои диабаза все же поддавались бурению, то с глубиной крепость породы все возрастала.

Медленно, но уверенно боролись подрывники с неприступными скалами.

Наступил февраль. При сорокаградусном морозе ломались перфораторы, стыла смазка. Часто ломались буры.

Весеннее солнце тоже принесло неприятности. Узкоколейку, по которой возили камни, залило водой. Отсыревал аммонал.

В апреле возобновились подводные работы. По правилам, водолазы могут работать, если температура воздуха не ниже минус двадцать градусов. Диксоновские эпроновцы работали под водой при минус тридцать три градуса.

Трудно было работать в холодной воде большой плотности. Скафандр поднимало кверху. Чтобы удержаться на грунте, водолазам приходилось держать мало воздуха. Во время работы прозрачная вода становилась мутной. Все же в апреле водолазы выравняли подводную постель, выполнив план на 156 процентов.

В гостях у водолазов побывал прилетевший на зимовку Герой Советского Союза Молоков. Он осматривал остров Конус. Водолазы рассказали про свою жизнь Молокову. Тот— про свой перелет. Он рассказал водолазам, как удивлялись за границей, что советская власть тратит огромные деньги, чтобы спасти «каких-то сто человек челюскинцев». Иностранные журналисты, узнав от Молокова, что у Шмидта нет даже собственной виллы, спрашивали, чем же он заплатит за спасение челюскинцев. . .

В мае потеплело.

Теперь итти на Конус приходилось, перепрыгивая через многочисленные трещины во льду...

Садясь в катер, ермаковцы поблагодарили водолазов Курлеева и Ревина, дополнивших рассказ начальника острова многими интересными подробностями.

С острова Конус виден затерявшийся в диксоновских камнях деревянный крест. На нем по-норвежски написано: «Тессем. Умер в 1920 году». Преодолев труднейший путь с места зимовки Амундсена, отважный спутник великого норвежца погиб у самой цели, когда перед ним открылись огни советской зимовки.

Невдалеке от могилы Тессема большевики строят огромный заполярный город.

Новый Диксон

— Нет, я поговорю с шофером. Всегда наш автобус запаздывает, — огорченно сказал начальник острова, когда катер подошел к пристани.

Мы переглядывались.

Воронин недоверчиво спросил:

— Откуда у вас автобус?

— Не верите? — улыбнулся начальник острова. — А вот, кстати, и он.

Из-за склада послышался шум и грохот. Бороздя бурую землю тундры, к нам подкатил трактор, буксирующий целый состав — огромные сани, какой-то шарабан и нечто вроде телеги, посаженной на лыжи.

— Это и есть наш автобус, — смеясь, сказал начальник острова.

С любопытством осмотрев арктический «автобус», ермаковцы уселись на платформу.

Зивовка Диксона состоит из трех населенных пунктов: старого Диксона (здесь первое здание строилось лет двадцать тому назад), нового Диксона, на северной оконечности острова, и портового поселка — на материковом берегу бухты.

...Чуть захрапев, трактор энергичным рывком увлек за собою состав.

Мы ехали вглубь острова к новому Диксону.

За «автобусом», высунув языки, бежали собаки. Когда мимо летали птицы, собаки бросались в отчаянную, но бесплодную погоню.

Но вот и поселок. Позади несколько километров бездорожья летней тундры. Нас встречает детвора.

— Гости приехали! — кричит краснощекий мальчуган.

Когда прошлым летом на новый Диксон высадилась большая строительная экспедиция, здесь были голая тундра и камень. А теперь тут целое селение: жилые дома, радиомачта, ветряк, электростанция.

— Вот продовольственная база. Зайдем, — предложил начальник острова.

В кладовой солидный запас продовольствия: мука, сахар, сыр, консервы, соленые утки, шпиг местного приготовления.

...Недалеко от продбазы радиоцентр. Диксоновский радиоцентр, несмотря на свою молодость, уже имеет любопытную историю. В прошлом году волны выбросили на подводные камни баржу с оборудованием — баржа затонула. Ее подняли водолазы. Оборудование перевезли на новый Диксон. Не успели его рассортировать, как ударил мороз.

Строители работали при сорокаградусном морозе, в мятель, пургу. Нелегко было взрывать мерзлую землю, чтобы установить мачту высотой в шестьдесят пять метров.

Просто, как о чем-то совершенно обычном, ничем не замечательном, рассказывает о постройке радиоцентра ее начальник — комсомолец орденоносец Ходов.

Из радиоцентра мы отправились на электростанцию. Она прекрасно оборудована. Здесь установлены два дизеля, по пятьдесят лошадиных сил каждый. В массивных ящиках аккумуляторные батареи: они могут понадобиться, если остановятся дизеля.

...Так мы обошли поселок. Мы осмотрели мастерские, склады, баню.

Некоторые зимовщики нового Диксона живут на острове с женами и детьми. Всеобщий любимец диксоновцев — местный уроженец маленький гражданин Вова.

К вечеру Воронин начал торопить нас. Ведь он весь день не был на судне.

Перед тем, как сесть на «автобус», решили осмотреть строительство радиомаяка. Оно скоро закончится. Маяки Диксона и острова Белого будут обслуживать морские и воздушные суда, помогая им определять свое местонахождение.

— Пора, пора! — снова торопит Воронин.

И трактор вновь бороздит бурую мерзлую землю, вновь мелькает перед глазами местами зеленеющая тундра.

Рядом с санями быстро и грациозно бегут лайки.

На санях едут ермаковцы, старые зимовщики и комсомольцы Днепропетровска, шефствующие над Диксоном— зимовщики новой смены.

Трактор уверенно хлюпает в непролазной грязи.

По-разному смотрят пассажиры «автобуса» на рыхлую землю, которую месит «сталинец».

Одни, давно не ощущавшие приятной не колышащейся твердости земли, думают о своеобразной красоте скалистого заполярного острова и о предстоящей борьбе со льдами.

Другие провели на этой земле год, вложили в нее много упорного и самоотверженного труда. Они думают о скором возвращении на материк, и к радости примешивается горечь разлуки с островом, успевшим стать родным.

Третьи, едва ступив на эту бурую сырую землю, мучительно и радостно думают о предстоящих годах жизни на острове.

Кое-где на чуть отмерзшей поверхности тундры цветут хилые арктические цветы. О характере растительности можно судить хотя бы по тому, что ива здесь не выше десяти-пятнадцати сантиметров. Ива здесь такой же высоты, как мак или одуванчик.

Вскоре ермаковцы предпочли отказать себе в удовольствии езды на «автобусе». Сани вздрагивали, покачивались.

Воронин с юношеской резвостью бегал по тундре и собирал невзрачные арктические цветы.

„Театр на 73°5′"

За день до ухода из Диксона ермаковцы выпустили специальный номер газеты «Сквозь льды», посвященный жизни зимовщиков. Передовая называлась «Преображенный остров». Новый начальник острова Боровиков написал о задачах новой смены, старый начальник — о том, как зимовщики провели год; парторг Пашукевич — о партийной работе; водолаз Ферапонтов — о том, как строился порт; новые зимовщики— комсомольцы из Днепропетровска — поделились своими первыми впечатлениями о зимовке.

В этом номере газеты рядом со сводкой о местонахождении пароходов Главсевморпути появился театральный отдел. Первая печатная арктическая газета рецензировала гастроли первого в мире арктического театра. Совершенно необычная рецензия «Сквозь льды» была опубликована под заголовком «Театр на 73°5′». Вот она:

«На острове Диксона появились театральные афиши. Невероятно, но факт. Они расклеены совсем вблизи вышки, где висят медвежьи шкуры.

Для новых зимовщиков и моряков полярной навигации театр на 73°5′ северной широты был приятной неожиданностью; для старых диксоновцев — огромной радостью, красочным праздником, заканчивающим хорошую зимовку.

Но особенно был нужен, насущно необходим театр тем, кто остается на повторную зимовку.

Мы сидели перед импровизированной сценой, ловко сделанной самими актерами, дружно аплодировали талантливому коллективу и думали: еще декаду назад у нас лежал в бухте лед и казалось — Большая земля где-то бесконечно далеко.

Теперь она вот здесь. Московские актеры перенесли нас в прекрасную жизнь, которой живет вся наша прекрасная страна.

Как же не аплодировать, как не благодарить этот небольшой, но дружный коллектив московских актеров, которые не побоялись трудностей далекого пути и приехали сюда, чтобы послужить делу культурного обслуживания работников Арктики! Замечательно и то, что этот небольшой и недавно сколоченный коллектив творчески пошел по пути наибольшего сопротивления. Он привез к нам хорошо сработанные спектакли. На Диксоне он показал Мольера, концертная программа изобилует лучшими образцами классики и советского искусства.

Не хочется говорить здесь о недостатках показанных спектаклей — они естественны в той трудной и непривычной обстановке, в которой прихóдится работать актерам.

Прекрасное начинание Политуправления Главсевморпути — театр Арктики — вызывает большую благодарность и крепкую поддержку всех людей, живущих за шестьдесят шестой параллелью.

Недалеко то время, когда афиши театра будут рядовым явлением на дверях всех зимовок и на вышке с развешенными для просушки медвежьими шкурами».

Клеенчатая тетрадь

В день нашего отъезда, когда мы прощались с зимовщиками, начальник острова показал мне черную потрепанную клеенчатую тетрадь.

Если кто-нибудь захочет написать историю острова Диксона, ему не обойтись без этой тетрадки с пожелтевшими от времени листами.

Начинается тетрадь с нескольких вклеенных бумажек.

Вот служебный «бланк» срочного казенного пароходства по реке Енисей. Командир парохода «Лена» Щербаков свидетельствует, что августа 22 дня 1912 года при осмотре амбара на острове он обнаружил уголь и разбитые ящики.

Вот визитная карточка директора-распорядителя Сибирского акционерного общества пароходства, промышленности и торговли (Лондон) Иогаса Гансовича Лида. По надписи, сделанной на карточке, мы узнаем, что в 1913 году из-за тумана в бухте Диксон простоял пароход «Коррект».

А вот и первая страница клеенчатой тетради. На ней подпись основателя поселка — начальника «экспедиции для оказания помощи гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана» коллежского асессора Кушакова. Он начал тетрадь 21 июля 1915 года, а ровно через месяц строящуюся зимовку посетил транспорт «Таймыр»; на первой странице тетради подписи капитана Вилькицкого, Неупокоева, Евгенова и Лаврова.

Немного людей побывало на Диксоне до революции. Среди них были секретарь императорской христианской миссии, пытавшейся «насаждать» христианство, туруханский отдельный пристав, помощник пристава.

На одной из страниц тетради, под датой 1 августа 1918 года, подпись известного полярника Руала Амундсена.

Затем идут разнообразные надписи, сделанные мореплавателями, врачами, астрономами, рисунок диффракционной короны, наблюдавшейся вокруг луны 1 октября 1920 года, вклеенная в тетрадь записка матроса Анненкова, написанная в один из дней 1920 года. Вот она:

«Дорогие товарищи. Нас, то есть меня и Харченко, постигла несчастная судьба... Мы ехали к вам из Гольчихи на собаках... Застала пурга. Мой товарищ отморозил ноги. Одиннадцать дней мы мерзли без пищи... Я кое-как дополз до норвежской шхуны... Прошу вас приехать за Харченко возможно скорее, чтобы спасти жизнь человека... Поторопитесь... Михаил Анненков».

Многих людей, чьи подписи хранит клеенчатая тетрадка, привели на Диксон несчастья — пурга, штормы. Многие приходили занять у зимовщиков противоцынготные сред-

ства—лимонную кислоту, клюкву, кислую капусту. А сколько людей гибло уже подходя к самым огням зимовки...

Теперь заброшенная далекая гавань превращается в культурный центр.

Вот надпись, сделанная летчиками Чухновским, Страубе и Алексеевым 19 апреля 1929 года:

«Мы все твердо уверены, что порт Диксон в ближайшие годы превратится не только в важный морской, но и хорошо оборудованный воздушный порт».

Капитан Воронин, посетивший зимовку на «Сибирякове» 5 августа 1932 года, отмечает теплый прием сибиряковцев на Диксоне:

«Так встречать могут лишь на Далеком Севере».

Сердечный привет зимовщикам передает Шмидт.

И, наконец, последняя запись на последнем листке тетради, сделанная только что Алексеем Модестовичем Лавровым:

«Вписав первые строки в эту книгу 20 лет тому назад, когда здесь строилась радиостанция, на мою долю выпало счастье в дни грандиозного строительства первого порта на Северном морском пути в Диксоне написать эти уже заключительные слова первой книги, в которую вписано так много славных имен борцов за освоение Арктики. Нет сомнения, что новая книга, отражая приобщение Арктики к социалистическому строительству нашей Страны Советов, будет свидетельницей полного освоения всей трассы Северного морского пути.

То, что видишь в Диксоне в наши дни, вселяет новые силы на новую борьбу с капризной стихией Арктики...»

... Нет старого Диксона. Во время полярной ночи зимовщики занимаются в кружках, слушают политбеседы, лекции, играют в шахматы, слушают концерты из Москвы.

Когда-то зимовщики старого Диксона писали:

Ушли суда. Остались люди.
Нам жутко. Нас берет тоска.
И спать не хочется. Нас поминутно будит
Ворчливая полярная пурга.

Никто из зимовщиков нового Диксона никогда не напишет таких строк безысходной тоски.

Две собаки

Прощаясь с ермаковцами, диксоновцы подарили капитану прекрасного белого пса по кличке «Ермак».

Четвероногий тезка ледокола задолго до того, как попасть на него, получил ледовое крещение. Резвого щенка как-то унесло в море на оторвавшейся от берегового припая льдине. Льдину через двое суток прибило к портовому поселку на материковом берегу. Увидев жилье, ощутив знакомые запахи, собака прибежала в поселок.

Воронин решил взять собаку в Ленинград. Он сфотографировался с «Ермаком» и послал снимок с одним из возвращавшихся на материк зимовщиков сыновьям.

... Подаренного пса с трудом усадили на катер.

Диксоновские собаки, почуяв, что с их приятелем происходит что-то неладное, собрались на пристань.

Воронин ласкал собаку, но она с тоской поглядывала на удалявшийся берег, с которого еще доносился оживленный лай.

На борту ледокола собака боязливо жалась к начальнику острова, провожавшему ермаковцев.

Начальник острова вернулся на берег. Ледокол ушел в море. Скрылась земля.

За первой встречей нашей судовой собаки «Мальчика» с «Ермаком» следила целая толпа.

Здесь я должен сделать маленькое отступление и рассказать про «Мальчика».

На ледоколе «Ермак» был пассажир, имя которого не значилось в судовой книге. Это был обыкновенный мурманский пес, увязавшийся за старшим помощником капитана Жерновым и явившийся без приглашения на корабль. Пса почему-то прозвали «Мальчиком».

Первые дни «Мальчик» дичился, но скоро почувствовал себя полным хозяином корабля. И когда на встречавшихся с «Ермаком» кораблях «Мальчик» замечал собаку, он неистово и ревниво лаял.

Это был пес с характером.

Однажды один из кочегаров, забавляясь, побил «Мальчика». И пес после этой стычки перенес свою ненависть на всех кочегаров.

Мстительный пес подкарауливал чуть ли не каждого кочегара, тихонько к нему подбегал и кусал.

Кочегары чуть было не выбросили злопамятную собаку за борт. «Мальчик» был посажен на цепь.

Но друзей у собаки было больше, чем врагов. И через час-два после того, как «Мальчика» привязывали, безымянные друзья неизменно предоставляли собаке свободу.

Будучи на привязи, «Мальчик» был тих, спокоен и смирен.

Достаточно было отвязать «Мальчика», чтобы сделать его своим другом. А «Мальчик» умел не только ненавидеть. Он умел и любить.

Был еще способ завязать дружбу с псом — надо было его кормить и защищать при стычке с врагами.

«Мальчику» много влетало от кочегаров. Но сражения с ними, видимо, доставляли много удовольствия своенравной собаке. Никакие увещевания и угрозы не могли подействовать на упорного пса, и он даже в день возвращения в Мурманск умудрился порвать штаны у ни в чем неповинного кочегара, едва вылезшего из бункера.

Свиньи жили в хлеву. Ежедневно рано утром «ледовый пастух» выпускал их на палубу погулять. Вот тогда «Мальчик» заставлял свиней упражняться в беге.

Когда на палубе «Ермака» появился медвежонок, «Мальчик» сперва растерялся.

Первые дни от одного только рычания пленника клетки испуганный пес удирал без оглядки. Но медвежонок, сперва державший себя бодро, скоро стал хиреть. Он рассматривал свое проживание в клетке как короткое, временное происшествие. Шли дни, но заключение не кончалось. Медведь жалобно рычал, тщетно пытался сломать прутья клетки.

Когда ледокол вновь вступил в бой со льдом, на медведя нахлынули бурные переживания. С завидным упорством он двадцать четыре часа в сутки тряс прутья железных коек, из которых была составлена клетка. Медведь перестал есть, стал кидаться на подходящих к клетке. Он разбил себе нос и запачкался настолько, что стал бурого цвета.

Почуяв, что у медведя дела плохи, «Мальчик» стал подходить к клетке. Он становился нахальнее день ото дня. Он перестал удирать от рычащего медвежонка, перестал его бояться.

Поняв, что медведь перестал быть страшным, «Мальчик» однажды нерешительно залаял на него. Испугавшийся медведь удрал в угол клетки. С тех пор «Мальчик» стал свободно подходить к клетке и пугать медведя. Впрочем, больше всего тот боялся... свиней. Эти невиданные хрюкающие звери наводили на него панический ужас.

...Итак, «Мальчик» и «Ермак» встретились. На всякий случай «Мальчик» враждебно залаял.

«Ермак» испугался.

Этого было достаточно, чтобы «Мальчик» сменил гнев на милость. Он почувствовал свое превосходство. Это льстило его самолюбию.

Собаки подружились.

Но «Ермак» чувствовал себя на ледоколе плохо. Невзирая на ласки своего нового хозяина и дружбу с «Мальчиком», он тосковал по тундровому простору, по веселой ватаге ровесников.

Тщетно «Мальчик» пытался развеселить меланхоличного «Ермака». Из этого ничего не получалось.

Воронин регулярно кормил «Ермака», гладил его, подбадривал. И постепенно собака привыкла к своему новому хозяину, освоилась с кораблем.

«Мальчик» и «Ермак» стали резвиться вместе. Собаки подружились.

Но ревнивый «Мальчик» не переносил, когда кто-нибудь из его друзей — и особенно повар — ласкал новую собаку. В такие минуты «Мальчик» пробовал ластиться сам, и если его «заигрыванья» не приводили ни к чему, он отходил в сторону и рычал, злобно поглядывая на ни в чем неповинного «Ермака»...

III. Взятие пролива Вилькицкого

Неутешительные вести

Дни и ночи на острове Диксона прошли незаметно. Бункера ледокола снова пополнены углем.

Густой дым нависает над бухтой. Прощальные гудки «Ермака» эхом отдаются на островах.

— Дальше в Арктику!

Но куда?

Чтобы выяснить состояние льда, Воронин поручил летчикам провести ледовую разведку. Вести от них шли неутешительные.

— Пролив Вилькицкого забит льдом!

Вот смысл радиограммы Махоткина, летавшего по маршруту мыс Стерлегова — остров Русский — мыс Челюскина — острова «Комсомольской Правды» — залив Миддендорфа.

— Пролив Вилькицкого забит льдом!

Таковы выводы Алексеева из длительного полета в районе пролива.

— И к проливу Шокальского не подойти, — сообщает Алексеев. — К северо-востоку от острова Воронина до Северной Земли сплошное поле старого массивного льда.

Капитан «Ермака» по радио связался с мысом Челюскина. И оттуда сообщают, что вход в пролив забит сплошным льдом. «Ермаку» итти в такой лед и рискованно и бесполезно.

Куда же итти?

А итти надо!

Надо поскорее открыть путь судам с востока и запада, подходящим к проливу Вилькицкого, судам, идущим в Мурманск, во Владивосток, на Лену, на Колыму.

Надо выполнить первый большевистский транфинплан Северного морского пути, в этом году вступающего в пробную эксплоатацию.

Смелый маневр

Поздно ночью в кают-компании ледокола горит электричество. Никто из участников научной экспедиции не спит. Воронин сумел привлечь к участию в руководстве навигацией гидрографов, метеорологов, весь коллектив экспедиции.

Быстро расхаживает из угла в угол кают-компании помполит Руцинский.

Заложив руки за спину, остановился в раздумье Воронин.

Руцинский подходит к иллюминатору, открывает его. Он видит иссиня-бурлящее море. Местами лед. Тонкий весенний молодой лед. Лед, начинающий таять. Стальное лезвие форштевня ледокола режет лед как папиросную бумагу.

— Если бы и дальше было так! — вполголоса говорит Руцинский.

Воронин предлагает, не теряя времени, итти дальше в пролив Вилькицкого.

Короткий обмен мнениями.

Итти сейчас настречу тяжелым льдам — рискованно. Можно сломать винт, попасть в ледовую ловушку, застрять.

Капитан внимательно выслушал многочисленные возражения.

— Все возможно ... — говорит он. — Можно итти по улице, а на голову камень свалится.

Все ждут, что капитан сейчас скажет что-то веское и убедительное. Но капитан берет меховую шапку и, нахлобучив ее, выходит из кают-компании.

Воронин поднимается в штурманскую рубку. Он долго рассматривает карту «от бухты Прончищевой до архипелага Норденшельда». Он смотрит глубины, легким пунктиром прокладывает курсы, заглядывает в телеграммы летчиков и сообщения полярных станций, стирает резинкой бледные карандашные линии и снова наносит их на карту.

Внимательно прочитав все телеграммы, Воронин чертыхается и выходит на капитанский мостик.

Владимир Иванович с удовольствием вдыхает морозный воздух. Берет бинокль и смотрит по направлению к Северной Земле, у которой он не раз плавал. С радостью вспоминает капитан о «Сибирякове», на котором он ровно три года назад

в августе шел у Северной Земли, там, где до него не плавал ни один корабль. Такие моменты незабываемы для моряка.

Поднимаясь по железному трапу на «бочку», увенчивающую мачту, капитан мысленно сравнивает трап ледокола с сибиряковским.

Ловко перекинувшись с трапа в «бочку», капитан смотрит в бинокль на горизонт.

Через несколько минут в притихшей кают-компании снова появился капитан. Лицо его озабочено, брови насупились, рыжие усы смешно сбились.

— Да, ледок-то тяжелый... — сказал Воронин.

— Решайте, Владимир Иванович... ведь за корабль отвечает капитан, — говорит помполит.

Энергичными шагами идет Воронин к телефону. Резким движением поднимает трубку.

— Штурманская. Машину на полный! Вести наблюдение с бочки. Я скоро выйду сам.

И, уже осуществив решение, капитан говорит:

— Надо рисковать! Рисковать надо! И «Сибирякова» ледок пугал. Прижимал у Северной Земли к восточному берегу. А мы рискнули — и прошли. В Арктику ходить — не на дачу ездить...

И, помолчав немного, капитан продолжает, начиная со своего излюбленного «я и говорю»:

— Я и говорю... раз взялись побеждать Арктику, значит дерзать надо... Где это написано, что мы должны ждать, пока вскроется пролив Вилькицкого? Я и говорю... по пути из Карского моря в море Лаптева нам встретился ледяной затор. Его преодолеть надо. Разбить. Проломать. Нам помогут и течение и ветер. Да, да, будьте уверены. И мы освободим дорогу судам.

Лавров восхищенно смотрит на Воронина.

— Молодец вы, Владимир Иванович. Смелый человек. Дерзкий план задумали. Я считаю, что шансы на успех есть.

— Да, маневр смелый! — заметил помполит.

И наступило молчание.

Конечно, Воронин — капитан опытный. Но задумать брать штурмом замерзший пролив Вилькицкого — не безумство ли это?

И как бы невзначай один из научных работников идет к доске объявлений и с трепетом душевным читает: «Распорядок при случае аварии... при пожаре... при погружении в воду... при ...»

Научный сотрудник хочет списать номер спасательной шлюпки, в которую ему, очевидно, так скоро придется сесть. Он с ужасом замечает, что участники экспедиции планом спасения не предусмотрены.

Неожиданно прозвучал взволнованный голос:

— Владимир Иванович, а в какую шлюпку сесть в случае...

Если бы в Арктике водились мухи, был бы слышен их полет. Но мух в Арктике нет. Слышно, как бьет вода о борта, как сухо хрустит молодой лед.

Капитан невозмутимо отвечает:

— Очень просто... вызовите такси и переночуйте в Европейской гостинице.

Кто-то пробует смеяться. Но смеха не получается.

Воронин теперь уже серьезно:

— Не беспокойтесь! У нас есть запасные шлюпки!

Капитан внезапно веселеет и, обращаясь ко всем, спрашивает:

— Видел ли кто-нибудь из вас зайца на море?

— То есть морского зайца? — говорит молодой синоптик Носов. — Я видел... Он такой коричневый, юркий, с усами.

— Да нет же. Зайца на корабле?

— На корабле? — удивленно переспрашивает синоптик. — Нет, не видел.

Воронин поясняет:

— Не длинноухого зайца. А без билета который едет. Скажем, в трамвае или в поезде.

Один из участников экспедиции, солидный человек с нашивками:

— Но причем тут Арктика? Помилуйте, Владимир Иванович!

И Воронин весело рассказывает, как в одну из его бесчисленных арктических экспедиций на «Седове», уже отошедшем в море, был обнаружен в ящике молодой человек в сандалиях. Он сидел с независимым видом и читал газету. Когда у него спросили, что он тут делает, он невозмутимо ответил: «Разве вы не видите, я занят чтением». Капитану он заявил, что твердо решил украсить своей могучей личностью батальон славных полярников.

«Зайца» пересадили на какой-то встречный корабль, возвращавшийся на материк...

Рассказав историю «зайца», капитан снова посмотрел на научного сотрудника.

— Я и говорю, сколько зайцев бывает в Арктике.

— Вернее, сколько сортов зайцев... — замечает кто-то.

— Вот именно, сколько сортов зайцев плавает в Арктике... усатые, юркие — раз. В сандалиях — два. И еще...

Капитан взглянул на часы и ушел на мостик.

Смутившийся научный сотрудник скрылся к себе в каюту.

Звонок по телефону

Незаметно подкралось утро. На столе появляется пирамида консервных банок. Скоро самым уважаемым человеком станет тот, кто имеет консервный нож...

Из медных чайников идет пар. Суетится Нюра, расставляя блюдца, стаканы, сахарницы.

Во время завтрака в кают-компанию вошел вахтенный матрос.

— Владимир Иванович, вас к телефону.

— Какой голос — мужской или женский? — шутя спрашивает капитан. — Не из Москвы ли случайно?

— Нет, — улыбается матрос. — Звонят с «Русанова».

Воронин спешит в радиорубку. «Русанов» невидим, он где-то далеко. А в рубке Владимир Иванович ясно слышит знакомый голос капитана Храмцова:

— Говорит «Русанов»! Говорит «Русанов»!

На пароходе-собеседнике сомневаются, хорошо ли слышен голос его капитана на «Ермаке». Снова раздается отчетливо и ясно:

— Говорит «Русанов»! Говорит «Русанов»! У аппарата Храмцов.

Капитан подошел к микрофону.

Получив по радио подтверждение, что голос его отчетливо слышен, Храмцов продолжал, обращаясь к Воронину:

— Алло, алло! Добрый день, Владимир Иванович. «Русанов» у северной оконечности острова Русского. Вчера шли чистой водой, встречая лишь отдельные поля льда, должно быть от берегового припая. Лед сильно дрейфует к северу — я даже боюсь, как бы нас к полюсу не отнесло...

Микрофон отчетливо передает смех.

— В проливе Вилькицкого, — продолжает Храмцов, — лед сплошной. Радиограмма Папанина с мыса Челюскина совпадает с моими наблюдениями...

Свое донесение Храмцов закончил так:

— Владимир Иванович, жду указаний — стоять ли «Русанову» или итти вперед.

Заложив руки за спину, капитан диктует радисту Плотникову ответ Храмцову:

— Слышно было хорошо. Спасибо за информацию. Оставайтесь у острова Русского до прихода «Ермака». Сегодня в полдень выходит из Диксона «Седов» с четырьмя лесовозами. По приходе к острову Русскому думаю пустить самолет. Будем у вас часа через четыре. Привет. Воронин».

Ледовая разведка

«Ермак» шел в пролив Вилькицкого выяснить крепость льда. Ледокол шел на разведку.

В красном уголке — экстренное комсомольское собрание. Руцинский рассказал комсомольцам о решении капитана Воронина.

— Наступают решительные дни, — говорит помполит, — дни, которые решат успех рейса «Ермака» и успех всей навигации в Арктике. Сейчас «Анадырь» и «Сталинград» с востока, «Русанов», ленские суда, «Искра» и «Ванцетти» — с запада подходят к проливу Вилькицкого. Их провести во что бы то ни стало через пролив и как можно скорее — вот задача «Ермака».

В эти дни работать лучше, чем всегда, обещали комсомольцы.

А «Ермак» уже подходил к острову Русскому. На сером фоне необитаемого острова одиноко маячил «Русанов».

Мы приближались к проливу Вилькицкого, встречая все более тяжелый лед. Становилось холоднее. Матросы и штурмана уже ежились в шубах.

Помполит поднялся на капитанский мостик. Он сказал Воронину:

— Скорее бы провести разведку. Узнав состояние льда, мы вызовем суда и повернем к ним навстречу.

— Ну, а как «Русанов»? — спросил Владимир Иванович.

— «Русанов» пойдет за нами до кромки серьезного льда.

В ушах свистит ветер. Корабль вздрагивает всем своим туловищем, сталкиваясь с массивными глыбами старого льда.

Уже позади горы Кельха и Свердрупа.

За кромкой еле двигается, с трудом расталкивая быстро сбегающиеся льдины, пароход «Русанов».

Это уже сплошной, выражаясь языком гидрографов, десятибалльный лед. И «Ермак» вынужден замедлить ход.

Он гудками предупреждает «Русанова», чтобы тот не напирал.

Лед не давал итти. Приходилось часто останавливаться. Звенел машинный телеграф. Надо было беспрестанно менять ход — то остановка, то полный вперед, то малый назад, то средний.

Куда ни падает взгляд — всюду лед. Широкий пролив представляет собою сплошное ледяное поле. Годовалый, двухлетний лед преграждает путь «Ермаку». Чуть кряхтя, наваливается он на лед и мягко опускается, превращая его в кашу. Иногда массивные куски льда, поднятые ледоколом, не ломаются, а встают дыбом.

Из труб клубится черный дым. Машины работают полным ходом.

За бортом пенится, клокочет ледяное месиво.

Голубой извилистой лентой ложится за кормой след.

Освещенный солнечными лучами, лед местами хрустально просвечивает.

Воронин поднялся в «бочку». Слышно, как он кричит громко и нервно:

— Полный назад!

Это встретился массив старого льда. Ледокол осторожно обходит его. Теперь капитан дает новое распоряжение:

— Прямо руля!

— Стоп!

— Полный!

Перед нами огромная гора Аструпа. На северных склонах этой красивой и величественной горы сверкает вечный снег.

Лавров не сводит глаз с горы Аструпа.

— Вот она, красавица... За двадцать лет не постарела. Напротив. Тогда вся гора была в снегу и казалась седой...

Телеграмма из зоосада

Завидев родной лед, стал неистовствовать медвежонок. Как всегда при виде льда, он пришел в ярость и стал с новыми силами расшатывать железные прутья клетки.

Сегодня решено выпустить на волю осточертевшего нам медвежонка. Вот почему невдалеке от клетки собралась толпа любопытных.

Не подозревая своего близкого освобождения, зверь ходит взад и вперед по тесной клетке, тычется окровавленной мордой в прутья, яростно трясет их.

Вблизи «Русанов» — там много охотников.

Владимир Иванович вынимает записную книжку, пишет радиограмму Храмцову и посылает ее с одним из матросов в радиорубку.

— Я думаю, — Воронин переглянулся с Лавровым, — они выполнят нашу просьбу и медвежонка не тронут.

Видимо, радиограмма уже дошла. На палубе «Русанова» появились любопытные.

К клетке нехотя подходит старший помощник капитана. Он удивляется, почему Воронин пожалел пленника:

— Зря выпускаем. Разве медведь человека пожалеет?

Монтер Кеванес, страстный охотник, возражает:

— Медведь только тогда кидается на человека, когда голоден. Сытый зверь не тронет человека, а сытый человек...

— Это судком виноват... спать помешал медвежонок...

Резким движением старпом открывает клетку.

Подозревая недоброе, медвежонок отступает назад. Он упорно не хочет выходить на палубу. Тогда его подталкивают палкой. Он рычит, злится и в конце концов выбегает.

Вместо того чтобы направиться к деревянной сходне на лед, он решил свести счеты со своими мучителями. Он кидается на людей.

На палубе поднялась суматоха.

«Пассажир» долго не желал покидать корабля. Его гнали палками. Скатившись по мосткам, зверь очутился на льду. Побуревший от грязи, он вовсе не был похож на белого медведя. Зверь стал валяться в снегу. Навалявшись вдоволь и решив, что прогулка кончается, он вернулся к сходне с твердым намерением взобраться на ледокол.

Воронин, со смехом наблюдавший эту картину с мостика, внезапно дал сирену. Услышав страшные звуки, должно быть напоминавшие о гибели матери, медвежонок побежал.

В этот момент с кормы послышался крик:

— Радиограмма из Ленинграда насчет медведя!

Взволнованный вахтенный передал Воронину радиограмму. Это была весточка из... Ленинградского зоологического сада.

«Привет ледовому капитану Воронину. Просим закрепить за нами медвежонка. Желательно получить еще несколько медвежат».

Воронин раздосадованно чертыхнулся и сказал:

— Повезло медведю-то...

Штурм пролива

Еще один день. А «Ермак» продвинулся лишь на несколько миль.

Мы двигаемся со скоростью черепахи. Пролив Вилькицкого упорно сопротивляется.

Каждый метр берется с бою.

Капитан не спит уже третьи сутки. Он осунулся и похудел. Настроение у него, однако, прекрасное. Больше всего на свете любит преодолевать трудности неутомимый помор Воронин.

— Ничего, что идем медленно, — бодро говорит капитан.— Зато верно...

В этом человеке страстность изумительно сочетается с расчетливостью, смелость с осторожностью, отвага с мудрой предусмотрительностью.

Однажды, когда капитан пил чай в кают-компании, от резкого удара задрожал корпус «Ермака». Капитан немедленно отправился на мостик. Крепко выругал штурманов.

— Вы же губите корабль. Беречь его надо... как человека... Тридцать шесть лет ему... А он плавает и еще много послужит нам, если его щадить... Любить свой пароход надо...

... Сквозь стеклянную крышу в машинное отделение льется белый свет полярной ночи.

Справа земля. Совсем близко побережье Таймырского полуострова. Звенит машинный телеграф. Стрелка показывает полный ход, но машина работает вхолостую — здесь пролив скован исключительно крепким льдом. По узким железным ступенькам, облитым маслом, я спускаюсь в машинное отделение.

— Как работается? — спрашивает помполит у машиниста.

— Плохо. Больно резки переходы. Взгляни — стрелка фокстрот пляшет.

— Ничего не сделаешь, — говорит помполит. — Лед очень тяжелый. Если возьмем это место, значит, победа за нами.

— Проклятый пролив! — ругается вахтенный машинист.— Я был тут на «Красине», когда он в первую ленскую потерял винт.

Жарко. Из топок пышет жар. Кочегары часто пьют воду и утирают лицо сетками. Так вот для чего эти странные сетчатые «галстуки», с которыми не расстаются кочегары!

Пожилой мускулистый Тараск ворочает массу горящего угля. На железную палубу он роняет красные уголья.

На вагонетках подвозят уголь.

Слышна приглушенная песня. Должно быть, из бункера.

— То полный, то малый, — жалуется Тараск. — И корабль лихорадит и нас. Достанется нам...

— Где мы сейчас? — спрашивает молодой кочегар.

— Подходим к мысу Челюскина, самой северной оконечности Евразии, — разъясняет помполит.

Борисов подзывает нас.

— Вот огонь, а?

В топке ровное жаркое пламя.

— Молодец, не зря, значит, ругнули на собрании!

— Теперь никто не скажет, что Борисов не держит «пар на марке»! — с гордостью говорит кочегар.

Глухими отзвуками доносятся до кочегарки удары форштевня о лед и удары льдин о борта корабля. И тут, в глубоком тылу ледокола, ощущается, какой ожесточенный бой с проливом ведет «Ермак».

Ледокол упорно одолевал пролив. Дойдя до мыса Челюскина, Воронин установил, что пролив проходим, распорядился повернуть за судами и пошел — в первый раз за несколько суток — спать.

Радист Мякишев отстукивал спешную телеграмму капитану «Крестьянина» Модзалевскому: «Срочно сообщите, где находитесь». Скоро пришел ответ.

Знакомой дорогой ледокол шел назад, навстречу первому каравану судов. Ночью в облаке серого дыма показались пароходы. Выстроившись за флагманом, они пошли в пролив Вилькицкого.

...Мы снова шли к мысу Челюскина. Сзади осторожно лавировал среди льдов «Молотов». За ним остальные суда.

Шли медленно, ежеминутно останавливаясь. Руша лед, «Ермак» поднимал канонаду. В ушах стоял несмолкаемый грохот. Корабль беспрестанно трясло, как будто это грузовик грохотал по разбитому каменному шоссе.

Над хаосом звуков твердо неслись слова команды капитана:

— Прямо руль!

До мыса Челюскина осталось четырнадцать миль. Работая полным ходом, ледокол делал едва полмили в час.

„Взрывпром“

Полдень.

Вечер.

Ночь.

Утро.

А четырнадцать миль все еще не преодолены.

— Полный вперед!

«Ермак» врезался в ледяное поле и остановился.

— Малый назад!

Но ледокол не может сдвинуться назад.

— Средний назад!

Машина продолжает работать вхолостую.

— Полный назад!

Снова ни с места. Мы застряли во льду.

— Так-с, — говорит капитан. — Бывает и не это. Вахтенный, позовите Гордеича.

Гордеева не надо звать. Он уже на палубе и достает аммонал.

Душа подрывника радуется. Наконец-то понадобился и он!

Второпях он рассыпает желтый порошок аммонала на палубу. Гордеев гневно прогоняет курящих.

— На небо захотели взлететь?

С палубы на лед уже сбрасывают кирпичи, веревки, железные заступы, кирки.

По штормтрапу осторожно спускается Гордеев, держа в одной руке большую банку аммонала. За подрывником спускаются матросы и инженер Скорняков.

— Три метра! — кричит Скорняков, измеряя толщину льда.

Воронин дает распоряжение закрыть компас — ведь осколки льда могут разбить стекло.

— Гордеич, приготовь пирожки повкуснее! — кричит капитан.

После долгих раздумий Гордеев выбрал трещину, углубил ее и принялся закладывать «пирожок с аммоналом». Матросы и инженер помогают подрывнику.

Прошло добрых четверть часа, а Гордеев все еще не собирается поджечь фитиль.

— Да ты поскорее, а то лед растает! — торопит капитан.

Еще несколько томительных минут. Чтобы никого не ранило обломками льда, штурмана отгоняют любопытных от-

В воздух с ошеломительной силой взлетел ледовый фонтан.

релингов. Наконец Гордеев с удовлетворением осматривает трещину, отсылает матросов и Скорнякова и кричит:

— Готовься! Теперь взры-ва-ю...

Становится тихо. Даже «Мальчик» перестал лаять на кочегаров. Но Гордеев опускает руку в карман и... не находит там спичек.

— Ну и «взрывпром»! — смеется капитан.

Кинуть спички нельзя — они отсыреют на мокром льду. Кто-то спускается по трапу и вручает спички подрывнику. В это время на ледоколе перекачали воду из цистерны в цистерну, и он, покряхтев, сдвинулся с места и пошел назад. Увлеченный Гордеев не спеша проверил заряд и крикнул:

— ГотоооВься..:

Но, оглянувшись, он увидел, что «Ермак» ушел.

Оставалось вынуть аммонал и поскорее бежать за ледоколом.

Скоро мы снова застряли, и, получив задание провести несколько взрывов, чтобы ослабить лед, подрывник снова с увлечением принялся за дело.

Снова заложен заряд. Гордеев чиркает спичкой. Но ее тушит ветер. Гордеев снова зажигает спичку. Нагнувшись, он с любопытством смотрит, как тлеет шнур. Из трещины уже ползет серый дымок.

— Убегай, Гордеев! — кричат с ледокола.

Гордеев не спеша отходит от скважины. Едва он отошел, как в воздух с ошеломительной силой взлетел ледовый фонтан, окруженный ореолом дыма. Во все стороны разлетелись обломки льда. Во льду открылось узкое отверстие, от которого побежали трещины.

Второй взрыв произошел под льдом и отозвался лишь глухими толчками.

Третий взрыв превратил большое пространство льда в порошок. Гордеев оказал большую услугу ледоколу. Но в память о первом неудачном взрыве его прозвали «Взрывпром».

Воронин летит на разведку

Прошел день. Злосчастные четырнадцать миль были одолены лишь наполовину.

Торопившийся на Индигирку «Русанов» атаковал Воронина запросами. Тот ответил:

— «Ермак» в полумиле от большой полыньи. Наш канал забило льдом. Мы застряли в тяжелом льду. Как только освободимся, пойдем к востоку. Пока оставайтесь. Ленскому каравану нужна ваша помощь».

«Русанов» выполнил указание Воронина. Но ему не удалось отстоять каравана. С ленских судов телеграфировали, что под большим напором льда они вынуждены были отступить.

В этот вечер штурман Ветров записал в вахтенном журнале «Ермака».

«В 15 час. 50 мин. Форсируем очень тяжелый лед.

В 17 час. 30 мин. Зажало.

В 20 час. 10 мин. Вырвались».

На следующий день утром показалась чистая вода. Но радость ермаковцев была кратковременной, вскоре снова появился лед. Подведя корабль к просторной полынье, Воронин решил вылететь на разведку и приказал завести ледовый якорь.

Проверяя мотор, бортмеханик Косухин завел его еще на палубе ледокола. Сегодня обычно спокойный бортмеханик был озабочен: ведь с Козловым летит не он, а капитан.

Прошло больше часа, пока катер и самолет удалось спустить на воду.

Мы были окружены льдинами. Надо было выждать, пока они проплывут и освободят место. На них спрыгнули матросы. Баграми они отталкивали ледяные паромы от ледокола. На помощь людям пришло течение. Место для катера освободилось, и он, осторожно лавируя среди льдов, направился за матросами.

С другого борта был спущен самолет.

Капитан, одевший поверх малицы серый полотняный балахон, был похож на митрополита. Он быстро уселся в самолет.

Взлет прошел удачно. Беспокойный бортмеханик все слонялся по палубе и, не сводя глаз с удалявшегося самолета, говорил:

— Вдруг забудут проверить мотор? Как это они там без меня!..

Через час самолет вернулся. Как всегда, Козлов мастерски провел посадку. Навстречу самолету вышел катер. Выйдя из кабины, Воронин встал на шасси, ловко поймал брошенный матросом конец, и катер прибуксировал самолет к ледоколу.

В красном уголке на собрании ермаковцев капитан кратко информировал о ходе арктической навигации. Проведенные им наблюдения показали, что впереди еще миль на пятнадцать простирается лед. Ближе к берегу больше водяных просветов. Но там опасно плавать — легко можно сесть на мель. Ледовая обстановка еще хуже, чем мы предполагали.

А время не ждет.

Сейчас мы повернем назад к мысу Вега, где стоят на якоре лесовозы и «Русанов». Попробуем провести «Русанова» через пролив. Если это удастся, «Русанов» пойдет дальше в море Лаптевых и облегчит своей разведкой путь идущим с востока «Анадырю» и «Сталинграду».

Воронину задают вопрос:

— А нельзя ли забрать и лесовозы?

— Можно попытаться. Но стоит ли рисковать? Ведь время работает на нас. Ветер должен угнать взломанный «Ермаком» лед.

...Вечером ермаковцы получили телеграмму с теплохода «Грузия». Из Черного моря в Ледовитый океан пришло поздравление морякам-полярникам с выпуском первой в мире печатной газеты в Арктике.

Проводка „Русанова"

... Стало еще холоднее. Опустился туман. Лед блестит уже не так ослепительно. Мрачное море насупилось. Отчетливее почувствовалась Арктика.

Наверху — в «бочке» — консилиум. Там капитан и старший помощник Макаров.

И обратный путь оказался нелегким. Ночью мы прошли лишь четыре мили.

Туман стал рассеиваться. Теперь Воронин вел судно ближе к берегу. Домики, радиостанция и ветряк мыса Челюскина были видны простым глазом.

«Следуйте за мной», телеграфировал Воронин «Русанову», когда мы подошли к судам, стоящим на якоре.

Для сведения копия телеграммы была послана на ленские суда. Не разобрав, в чем дело, капитаны лесовозов обрадовались и решили, что вынужденной стоянке пришел конец. Ленские суда снялись с якорей и пошли к «Ермаку». Пришлось пустить в ход и радио, и гудки, и сирены, чтобы остановить поспешивших моряков.

... «Ермак» снова идет к проливу Вилькицкого. За кормой «Русанов».

Теперь гора Аструпа кажется еще красивее. Она сверкает гигантским драгоценным камнем.

Мы входим в полосу сплошного льда. «Русанов» с трудом продвигается. Огромные льдины вздымают его, стремятся на палубу. Матросы пытаются оттолкнуть лезущие на палубу льдины, но человеческие руки тут бессильны.

«Ермак» спешит на помощь «Русанову» и обкалывает лед.

Наши фотографы, высунув из нижних иллюминаторов фотоаппараты, снимают зажатого льдом «Русанова».

Когда мы прошли мыс Челюскина и находились, по нашим подсчетам, уже совсем недалеко от кромки льда, спустился туман. Мы остановились. «Русанов» пришвартовался

к «Ермаку», и в гости к Воронину пришел начальник индигирской экспедиции Францевич.

Воспользовавшись предлогом, — «Русанов» рядом, — кочегар Костя Додонов затеял в кают-компании «Ермака» вечер самодеятельности.

Русановцы с удовольствием слушали концерт. В антракте они расспрашивали о жизни ермаковцев и рассказывали о своем корабле.

В роли конферансье выступал кочегар, наш общий любимец, комсомолец Сеня Ушаровский. Публика шумно аплодировала его остроумной импровизации.

Кочегары «Ермака» исполняли на балалайках «Баядерку», танец ковбоев и замысловатый лирический блюз «Голубая ночь». Потом Костя Додонов читал под аккомпанемент рояля сантиментальное стихотворение «Колин папа», матрос Саша Петров с азартом отплясывал «яблочко», машинист Алексей Леонидов исполнял на баяне «Проводы». Ушаровский декламировал стихотворение «Моряк» по Гюи де Мопассану.

Восторженно встретили зрители прекрасный пародийный танец в исполнении пекаря Пайгалика и матроса Романова. Пайгалик в роли старухи был бесподобен.

Вслед за виртуозом на балалайке доктором Розе выступали русановцы.

Всем особенно понравился танец в исполнении кока — полной и грузной Дарьи Анисимовой.

Трудно сказать, как долго продолжался бы этот замечательный концерт, если бы часто выходивший на палубу начальник индигирской экспедиции не заявил неожиданно:

— Туман рассеялся! Русановцы, немедленно на свой корабль!

Снова гудки. Пароходы тронулись в дальнейший путь.

Только теперь нам удалось определить наше истинное местонахождение. Оказалось, что «Ермак» был совсем не там, где мы предполагали. Дрейфовавший лед незаметно отнес нас назад. Мы снова там, где были вчера. С таким трудом преодоленные километры были потеряны. Концерт проходил в дрейфующих льдах.

На следующий день туман снова закутал в свое серое покрывало пролив Вилькицкого. Но Воронин решил не терять времени. Несколько суток не видя берегов, ориентируясь лишь по одним радиопеленгам, капитан искусно повел «Ермака» в море Лаптевых.

«Русанов» исчез в белесом тумане.

Кажется, что мы идем не морем, а маленькими озерами. Видно лишь небольшое пространство волн, окруженное кольцом густого тумана.

Воронин посылает капитану Храмцову телеграмму:

«Полагаем, вышли окончательно на чистую воду. По радиопеленгу наше место широта 77,53, долгота 104,35. Просьба сверить наше место вашим радиопеленгом. Дальше следуйте один, сообщив нам, как думаете, пойти немедленно или переждать туман».

«Русанов» ответил:

«Прошу разрешения следовать по назначению. Ожидать прояснения не буду. Сообщите ваше место сейчас. Наш радиопелент слишком ненадежен, поэтому на него не надеемся. Храмцов».

С «Ермака» пошло в эфир:

«„Русанов“, Храмцову. Следуйте назначению самостоятельно. Наше место на 21 час 5 мин. широта 77,53, долгота 104,57. Истинный курс 104,57. Привет. Воронин».

Так через туман вели между собой разговор два парохода.

...Проведя «Русанова» в море Лаптевых, блестяще осуществив свой смелый маневр, капитан Воронин послал телеграмму Отто Юльевичу Шмидту. Она была коротка:

«Пролив Вилькицкого «Ермаком» взят».

В этот день «Ермак» повернул к Ленскому каравану.

IV. Первый караван

Ночное происшествие

Идя за судами второго каравана, «Ермак» быстро преодолевал лед, еще так недавно труднопроходимый. Суда второго каравана шли нам навстречу.

Поджидая суда, ледокол стал в сплошном льду.

Ночью к самому борту ледокола подошел медведь. Вахтенный решил шепнуть о его появлении охотникам.

До чего любопытны звери Арктики! И моржи, и морские зайцы, и белые медведи считают своим долгом взглянуть поближе на невиданного огромного гостя — ледокол.

Когда медведь заметил ледокол и почувствовал незнакомый, щекочущий запах, зверь бросился вплавь и вылез на льдину, у которой стоял «Ермак».

На палубе появились охотники. Они торопливо заряжали ружья, а медведь попрежнему с интересом рассматривал корабль.

Кто-то из сердобольных матросов решил вспугнуть наивного зверя и бросил в него жестянку. Она не долетела. Медведь подбежал к жестянке, обнюхал ее и присел в ожидании чего-нибудь более съедобного.

Один из охотников выстрелил. Но винтовка дала осечку. Тогда новый «друг» медведя швырнул в него пустой консервной банкой. Банка ударила медведя в нос, и зверь испуганно оглянулся.

Охотники снова взвели курки. «Друзья» медведя решили использовать последнее средство, они свирепо закричали, заулюлюкали, затопали. Это испугало зверя, и он побежал. Вдогонку прозвучал выстрел. Второй... третий... Но охотникам не повезло. Выстрелы не попадали в цель.

Ругая «либералов», охотники спустились по трапу на лед и кинулись вдогонку за медведем. Они перепрыгивали через трещины, балансировали на маленьких плавающих льдинах. Увлеченные охотой, они не замечали опасностей.

Безоблачное, холодное, спокойное и безразличное небо огромной синей шапкой накрывало замерзшее море. «Ермака» с трех сторон окружало ледяное поле, белое и бескрайное. Зеленоватые зеркальные проталины сверкали на солнце.

До нас доносились глухие отзвуки выстрелов.

С капитанского мостика видно, как вдали двигаются три черных точки. В бинокль можно было разглядеть, что люди часто падают, встают и бегут снова. Казалось, что они вот-вот настигнут медведя, но тот бросился вплавь.

Обходить огромную полынью — это значит потерять драгоценное время. И охотники, прячась за ропаками, ползут к воде. Снова раздался выстрел.

Медведь уже не виден. Он уплыл и скрылся за торосом.

Охотники, вернувшись на судно, утверждали, что застрелили медведя. Но разве можно верить охотникам? Над ними посмеивались. Наконец, они сознались в своем поражении, ругали «либералов» и говорили:

— Ну, а застрелили бы, что с него взять? . . Мишка был голодный, худой. . .

За пресной водой

Уже несколько дней на ледоколе нет хорошей воды. Сегодня Нюра подала чайник с мутной солоноватой жижей. Многие не пили чая.

— Совсем вода испортилась, — сказал один из научных сотрудников.

— Трюмы пропускать стали, — оправдывался старший механик. — Вот пресная и смешалась с морской.

— Надо перекачать эту воду, — сказал капитан стармеху. — А цистерны подремонтировать и набрать в них пресной воды со льда. . .

— А много еще простоим тут? — спросил стармех.

— Времени хватит! — ответил Воронин.

За три часа цистерны приведены в порядок. Остается пополнить запасы пресной воды. Это легко сделать — снег уже начал таять, и на поверхности льда образовались лужи.

Матросы спустились на лед. Они волокут за собой выпущенный через иллюминатор шланг.

Первый ленский караван.

Боцман Швецов, вооружившись жестяной чашкой, пробует воду из ближайшей к ледоколу лужи. Он морщится и сплевывает.

— Солона!

«Водолазы» со своим снаряжением переходят к следующей луже.

На лед спускаются научные сотрудники. Они расходятся к лужам и пробуют воду, черпая ее ладонями.

Сделав два-три глотка, инженер Кен кричит остальным:

— Сладкая вода!

К нему подошли гидрограф, метеоролог и радист.

— Неужели совершенно пресная?

— Фомич, а Фомич, сбрось кружку! — кричит радист.

— Ладно!

Фомич зашел на камбуз, и скоро через релинг полетела жестяная кружка. По трапу спустился кочегар Тараск со стаканом.

Все с интересом пробовали воду.

— Ну как, дегустаторы? — спросил сверху капитан.

— Хороша вода! — сказал Тараск.

— Не надул Кен — вода, что надо, — заметил гидрограф.

— Давайте шланг!

— Живее шланг!

Не успели «водолазы» перенести шланг, как с другого места кто-то сообщил о новом открытии.

Найдено два солидных резервуара пресной воды. В один из них погружают шланг. Когда матросы начали качать воду, боцман подошел к форштевню. На нем едва виднеются цифры осадки ледокола. Лед стер эти белые римские цифры. И боцман тщательно выводит: «XXVIII», «XXVII».

— А не пройтись ли нам по льду? — обращается ко мне инженер Кен.

Я охотно принял это предложение, и мы отправились на прогулку. Хорошо пройтись по белой ледяной равнине, границы которой сливаются с горизонтом. Ветер хлещет в лицо. Под ногами хрустит лед. Местами на пути у нас вырастали полыньи. Мы их перепрыгивали или обходили.

Мы далеко ушли от ледокола; он становился все меньше и меньше, и наконец глыбы льда заслонили его от нас — он почти невидим.

Мы были одни на льду. Нам стало как-то не по себе, и мы поспешно повернули обратно к ледоколу.

Едва мы взобрались на палубу, как был поднят штормтрап.

Звуки из тумана

«Ермак» идет за ленскими судами. Они должны быть где-то совсем близко.

Воронин смотрит на карту. Она бессильна помочь капитану — дно в этих местах не измерено. Капитан вынужден вытравить якорь. Это предосторожность: если окажется мель, якорь упрется в нее.

Горизонт задернут туманом.

Гудки и сирены «Ермака» рвут тишину. Но слышит ли кто-нибудь, кроме зверей, эти зычные и протяжные гудки?

Уже трое суток мы определяемся радиопеленгами по одной только станции. Мы не знаем точно своего местонахождения.

Слышны какие-то звуки.

— Что это — шум ветра?

— Нет, не похоже!

Капитан, гидрограф и штурман напряженно прислушиваются.

Пароходы в кильватере.

— Не гудки ли это?

— Ленские суда должны быть где-то рядом. Наверное, это их гудки.

Звуки замерли.

— Тссс... вот там, справа.

— Да, что-то... оттуда.

Снова прислушиваются ермаковцы и повторяют свои гудки.

— Какой-то шум!

— Быть может, это отдаленное эхо наших гудков?

— Нет... вряд ли эхо.

Бинокль приближает лишь бесцветную завесу тумана.

— Я слышу глухие звуки, — твердо заявил Воронин.

— По носу ледокола?

— Да.

— Я тоже слышу далекие гудки, — говорит Лавров.

Воронин тянет рычаг. Снова и снова гудит ледокол. Теперь его гудки продолжительнее. Надежда на скорую встречу теперь больше.

Да, это гудки. Они становятся явственнее, вот они слышны уже совсем отчетливо.

Наконец «Ермак» вырвался из полосы тумана.

Вот и флотилия. Это ленские суда. Они приветствуют ледокол гудками.

Еще и еще раз гудят пароходы. Моряки обрадовались появлению флагмана. Им надоела вынужденная стоянка. Теперь они продолжат свой путь.

«Ермак» останавливается. С грохотом падает на дно многотонный якорь.

„Сенозаготовки"

Когда экспедиционное судно покидает материк, кажется, что все взято, все, что нужно. А когда пройдено две-три тысячи миль, завхоз начинает делать неприятные открытия — обязательно чего-нибудь нехватает. Так вышло и на «Ермаке».

В Карском море стало очевидным, что наши четыре коровы под влиянием чистого арктического воздуха возымели повышенный аппетит. Оставим достоверность этого утверждения на совести ермаковского завхоза, но так или иначе, коровам нехватало сена...

Надо или расстаться со скотом, или немедленно достать сена. Резать коров капитан не разрешил. Прошел только месяц нашего пребывания в Арктике, а сколько месяцев еще продлится наш рейс — никто не знает.

Матрос Межевой — наш «арктический пастух» — отчаивался.

— Чем же я кормить буду скотинку?

— Надо было думать в Мурманске! — сказал капитан. — А теперь что ж... организуйте сенозаготовки.

— Но, помилуйте, Владимир Иванович, где взять сено в океане?

— Ну, ладно, ладно, я помогу.

На лесовозы посыпались телеграммы с «Ермака»:

«Нет ли у вас сена?»

Суда молчали в ответ. Молчали даже те, у кого сено имелось: они не хотели им делиться.

Тогда решили послать «сенозаготовительную экспедицию с чрезвычайными полномочиями». Группе ермаковцев поручено объехать все ленские суда и «любой ценой» достать сено.

Пока опускали на воду катер, пришло радио с «Крестьянина» — там согласились уступить немного сена.

Боцман опускал на кране ледянку. Я спешно подбирал

последние номера газеты «Сквозь льды», редактор поручил раздать газеты на судах.

Пока снаряжали «сенозаготовительную экспедицию», нахлынул туман. Он надвигался быстро. Теперь уходить на катере было не безопасно. Но будет ли время потом, если сейчас не съездить? Ведь скоро ленские суда снимутся с якорей — «Ермак» поведет их через пролив Вилькицкого.

Решаем отправить сейчас же. Катер отваливает.

— Когда будете возвращаться, — кричит старший помощник вдогонку уходящему катеру, — дайте радиограмму. Мы будем гудеть...

Нарастают волны. Низко пролетают кулики. То там, то здесь над водой мелькают мордочки морских зайцев.

Нас настигает туман. «Ермак» перестает быть виден.

Через пятьдесят минут мы были у «Крестьянина». Нам бросают конец.

— Мы к вам насчет сена!

— Так, так... сенозаготовители, значит. А вы бы попробовали покосить траву вон там, на верхушке горы Аструпа.

Дружный смех оглашает палубу «Крестьянина».

Встречают нас радушно. Расспрашивают о ледовой обстановке в проливе Вилькицкого, о том, где сейчас «Русанов» и что предполагает делать «Ермак».

Обещают погрузить сено за час. Оставив у борта «Крестьянина» ледянку, мы отправляемся дальше.

Радостно встречают нас и на «Молотове». Приглашают в красный уголок. Тут многолюдно. Моряки слушают пластинки, взятые «напрокат» у команды стоящего невдалеке «Сакко». На столе — гора книг, это библиотечный актив решил обменяться книгами с одним из судов.

У стенной газеты толпятся гости. Передовая рассказывает о жалкой, бедной и голодной жизни якутов при царе, о том, как эксплоатировали и физически уничтожали их в страшные годы царской колонизации и как расцвела братская Якутская республика с приходом большевиков.

Пять тысяч тонн груза дал Якутии первый ленский поход, семь тысяч пятьсот — второй, двенадцать тысяч тонн генерального груза везут корабли третьего ленского. На них погружены тракторы, автомашины, в их трюмах продовольствие.

Рядом с передовой статья о первом походе, о том, как зазимовали пароходы «Сталин», «Володарский» и «Правда». Тогда Северный морской путь еще не был освоен. Суда треть-

его ленского идут уверенно — опасность вынужденной зимовки теперь меньше.

Недавно молотовцы выпустили не только газету «За транфинплан», но и специальный номер историко-географического бюллетеня. Здесь статьи о великих завоевателях Севера — Норденшельде и Амундсене, об их плаваниях в районе, которым идет «Молотов», о замечательных рейсах «Сибирякова», «Челюскина» и «Литке».

С жадностью набросились молотовцы на газету «Сквозь льды». Расспрашивали — как можно передавать заметки в эту газету. Редколлегия стенновки «За транфинплан» стала коллективным корреспондентом газеты «Сквозь льды».

Перед отъездом мы осмотрели лесовоз. Это корабль советской постройки. Матросы живут тут в удобных светлых каютах. Сейчас каюты ремонтируют. Пахнет масляной краской.

А в красном уголке «Молотова» гостей становилось все больше и больше. Сюда пришли капитаны, парторги и профорги всех ленских судов на собрание, посвященное предстоящей выгрузке в Тикси. Мы раздали газету «Сквозь льды» морякам с этих судов и договорились, что они будут писать в нее.

Матросы с «Сакко» настойчиво приглашали нас к себе на пароход в гости: во время стоянки им удалось съездить на берег и убить несколько уток и гусей. Но мы не смогли воспользоваться гостеприимством наших новых друзей. Заметно поредевший туман стал снова сгущаться, нужно было торопиться «домой» — на ледокол.

Скоро наш катер вернулся к «Крестьянину». Погрузка на ледянку уже закончена, сено укреплено концами — его не смоет волной.

Мы прощаемся с матросами, кочегарами и вахтенным штурманом «Крестьянина». Круто повернув штурвал, мы идем к «Ермаку». Едва катер отошел от лесовоза, как кто-то из нас вспомнил о наставлении старпома Макарова:

— На «Крестьянине»! Радируйте «Ермаку», что мы вышли.

Радист «Крестьянина» немедленно передал на ледокол:

«„Ермак“. Катер и лодка пятью человеками отправились семнадцать часов ноль пять минут».

Корабли таяли на глазах. Они исчезли в тумане. Не видно и «Ермака». Нам остается лишь догадываться, в каком направлении находится берег и где ледокол.

Я посмотрел на часы.

— Двадцать минут шестого... К ленским судам мы шли шестьдесят минут. Следовательно...

— Ты думаешь через час быть на «Ермаке»? — спросил рулевой. — Вряд ли.

Нас окружил густой туман.

— Не пойти ли назад?

— Нет, — твердо сказал рулевой Струков. — Мы можем заблудиться и на обратном пути.

— Но все же там близко берег.

— А если мы берега не найдем?

Волны усиливаются. За кормой мелькнула спина шаловливой нерпы.

Начальник «сенозаготовительной экспедиции» боцман Швецов не на шутку озабочен. Я предлагаю ему папиросу, он наотрез отказывается.

Не хочет курить и Струков.

— Катер относит течением.

— Но куда?

— Вправо!

— Струков, возьми левее, нас несет вправо.

Туман сгущается. Мы идем и идем, а «Ермака» все еще не видно.

Смотрю на часы.

— Мы уже час в море.

— Неужели сенозаготовки закончатся неудачно? — печально сказал один из матросов.

— Не думаю, — неопределенно возразил Струков. — Но... все возможно. Это ведь сенозаготовки в море... Вот какие дела... — задумчиво добавил он и замолчал.

— Зря продуктов не взяли! — сокрушается боцман.

— Не повернуть ли назад? — снова повторяет свое предложение матрос.

Но теперь всем ясно: назад поворачивать совершенно бессмысленно. Кто может сейчас сказать с уверенностью, где «назад» и где «вперед»?

— Не подать ли СОС? — шутливо говорит кто-то.

Все пятеро дружно засмеялись.

— А компас сейчас бы не помешал, — говорит Струков.

— Это верно, — соглашается боцман.

— Почему не слышно гудков?

Завывает ветер. Становится зябко и тоскливо.

— Вон что-то виднеется!

— Где?

Все с напряжением всматриваются в туман.

— Нет, ничего не видно, — боцман раздосадованно чертыхнулся.

И наступило молчание. Его прервал один из матросов.

— Прошляпили мы с компасом, — сказал он. — И винтовок нет. Скучно так, могли бы поохотиться.

— Это где, на волнах?

— А хотя бы и на волнах!

— Ну, допустим, убил бы нерпу. А что бы стал делать с ней? Костра не разведешь на катере.

— Сырая нерпа малосъедобна.

— А разве нерпу едят?

— С голоду чего не поешь!

— Говорят, Нансен ел.

Наш разговор начал принимать мрачный оттенок. Рулевой вспомнил, как в течение нескольких дней скитались на шлюпке моряки потерпевшего аварию спасательного судна «Руслан» и как из всего экипажа удалось спастись только троим.

Саша Петров пробует острить:

— Да, но у них не было сена. А мы в крайнем случае выменяем его у моржей на хлеб.

— На «Ермаке» тоже наверное беспокоятся, — говорит матрос.

— Почему они не гудят? — спрашиваю я.

— Мало вероятно, что радиограмма с «Крестьянина» не дошла.

— Должно быть, туман поглощает звуки. Течение очень сильное, оно могло отнести катер, — говорит Струков и наугад резко поворачивает штурвал.

Еще полчаса. Полчаса, которые кажутся вечностью. Еще гуще туман, еще сильнее волны. Насупился боцман.

— Ничего, поплаваем, пока бензина хватит, — успокаивает Струков, — а потом возьмем с ледянки весла и за них.

— Что же будет с нами?

— Ну, высадимся на льдинке, — говорит матрос, — может на моржей поохотимся.

— Опять же чем? — парирует другой.

— Багром и веслами, — шутит неунывающий Саша Петров.

Мы уже два часа в море. Вдруг что-то промелькнуло в тумане.

— Что это?

Неужели «Ермак»?

— Да, это «Ермак»! — радостно говорит матрос.

— «Ермак»! — подтверждает Струков.

Нам всем казалось, что это ледокол. Мы поворачиваем к нему. Кажется, что он совсем близко...

Увы, это был мираж. Может быть, мы приняли за корабль вынырнувшего из воды моржа. Может быть, тут виновато расстроенное воображение.

Еще полчаса. Где-то вдалеке слышны робкие гудки. Но мы не верим себе.

— Кажется, гудки... — неуверенно говорит Струков.

— А может быть это кричат чайки.

Не знаю, как долго блуждали бы мы в тумане, если бы ветер не разорвал его серую завесу.

Туман отступил в пролив Вилькицкого. И мы услышали пронзительные гудки. Это гудел «Ермак». Он совсем близко.

Струков попросил у меня папиросу. Сладко затянулся согревающим дымом и боцман Швецов.

На ледоколе все были рады, завидев катер.

На радостях коровы получили двойную порцию сена, а сенозаготовители по сто грамм спирта.

Старпом Макаров покачал головой и сказал:

— Хорошо, что добрались, а могло хуже кончиться.

Ленские суда в кильватере

За ночь обледенела палуба. Скользкими стали ступеньки трапа, ведущего на капитанский мостик. Вахтенные матросы отбивают лед и сгоняют воду резиновой щеткой.

Капитан «проворачивает» ручку машинного телеграфа. Из машины отвечают:

— Готовы!

Раздаются долгие гудки «Ермака». Флагман сообщает ленским судам, что мы скоро двинемся в путь через пролив Вилькицкого в море Лаптевых. Едва слышны ответные гудки лесовозов.

Мы не знаем, какова сейчас ледовая обстановка в проливе. Радиостанция мыса Челюскина молчит. Она не отвечает на запросы капитана.

...В кают-компании утреннее чаепитие. К столу, за которым сидят научные сотрудники, забыли подать клюквенный экстракт. Лавров нажимает кнопку—входит буфетчица.

— Нюра, вы забыли дать нам отраву.

...Однажды нам подали на стол бутылки с какой-то красной жидкостью.

— Даешь портвейн! — сказал кто-то.

«Новички» с любопытством придвинулись к бутылкам. Кто-то прочел на этикетке:

— «Инфаскооп».

— Батюшки... ведь это слово пишется на чернилах.

— А дальше, читайте, читайте.

— «Артель инвалидов»...

Аппетит к «инвалидному портвейну» у многих сразу остыл. Но Алексею Модестовичу клюквенный экстракт пришелся по вкусу. И сейчас, когда Нюра принесла бутылку, он не преминул заметить:

— Великолепный напиток.

— Ах, оставьте! — бросил метеоролог.

Разгорелся хорошо знакомый, не раз повторявшийся спор. Некоторые считали, что экстракт полезен, а метеоролог доказывал, что эта, по его выражению, «консервированная клюква» в лучшем случае щекочет наше вкусовое восприятие.

— Экстракт предохраняет от цынги, — сказал кто-то.

— Это предрассудок! — убежденно заявил метеоролог.

— Мы ведь отлично питаемся, причем тут цынга?

— Количественно отлично — и обильно и сытно, — сказал доктор, — но ведь однообразно. И без витамина «С»...

— Цынга подкрадывается к человеку незаметно, как медведь к нерпе.

— Вы мне лучше скажите, — вставил бортмеханик Косухин, — кто из вас видел, как белый медведь охотится за тюленем.

И Косухин начал рассказывать:

— Он хитер, медведь. Осторожно подкрадывается он к тюленю, заслоняя белыми лапами свой черный нос...

Дребезжит телефон. С мостика сообщают, что совсем близко замечены моржи. Пустеет кают-компания. Все выбегают на палубу. В нескольких метрах от ледокола нежатся на полярном солнце рыжие моржи. Скаля клыки, они с любопытством смотрят на «Ермака».

— Эх, пострелять бы! — сказал Кеванес.

Но Воронин запретил охотиться. Сейчас некогда задерживаться.

На судах, идущих позади, тоже толпится народ. И там с интересом смотрят на моржей.

Капитан сладко зевнул.

— Вы не выспались, Владимир Иванович? — участливо спросил у него доктор Розе.

— Я еще не ложился спать, — сказал Воронин. — Разве может уснуть капитан, когда за кормой «иждивенцы»?

Мы в море Лаптевых.

Они очень похожи друг на друга, моря Арктики. Чем, например, отличается внешне море Лаптевых от Карского? Та же то серо-свинцовая, то синяя, то зеленая вода. Те же то белые, то зеленоватые, то голубые льды. То же то голубое, то синее, то бело-серое небо. И изредка серые очертания мрачных безлюдных берегов. Таково мое скороспелое заключение — заключение профана. Иного мнения о морях Арктики гидрографы. Они точно вам скажут, какие цвета преобладают в каком море.

Неожиданное появление самолета

С неба доносится какой-то шум. Скоро он превращается в рокот.

— Самолет!

— Кто это может лететь?

— Алексеев. Нет, ему нечего здесь делать. Он занят разведкой в другом районе.

— Махоткин?

— Нет, Махоткин сейчас на пути в Мурманск.

— Головин?

— Очевидно, Головин.

— Да, это Головин, — авторитетно говорит наш летчик Козлов, посмотрев на самолет в бинокль.

— Отлично. На самолете Головина есть радиоустановка, — говорит Воронин. — Мы свяжемся с летчиком.

Самолет приближается. Он направляется к нам. По распоряжению капитана вахтенный звонит в радиорубку и просит радиста связаться с летчиком.

Самолет уже совсем близко. Он резко идет на снижение. Уж не хочет ли Головин помахать нам рукой?

Огромная радость охватывает людей при виде парящего над ледяной пустыней самолета. Наверное и у летчика от радости сильнее бьется сердце.

... В штурманской рубке зазвонил телефон.

— Слушает Воронин!

— Владимир Иванович, Головин спрашивает, не будет ли ему поручений.

— Как же. Одно небесное дело есть. Пусть нам укажет, где кончается лед.

Самолет делает круги над «Ермаком». Он приветствует дедушку русского ледокольного флота.

Самолет удаляется, превращается в чернеющую далеко на горизонте точку. Черную точку на зеленоватом горизонте с красными отблесками солнца, которого не видно.

За «Ермаком» один за другим, лавируя среди льдов, идут дымящие пароходы. Со льдин смотрят на них моржи.

А над морем, льдом, пароходами, моржами, в эфире несется человеческая мысль. В святилище радиорубки методически отстукивает радист слова Воронина. А там, высоко, в небе, согнувшись в тесной рубке самолета, записывает их летчик-радист.

Лево руля!

Вздрогнул корабль, сильно ударившись о льдину. Задрожали, как струны, ванты.

Лицо капитана озабочено. Он смотрит в бинокль на начавшие отставать суда. Один из пароходов застрял во льду.

— Опять застрял «Сакко», — говорит Лавров. Он наблюдает в бинокль за кораблем.

— Лево руля! — кричит капитан.

Огромный ледокол нехотя поворачивается. Проходим мимо «Крестьянина», «Молотова» и остальных судов, выстроившихся в причудливом беспорядке. Наши фотографы не успевают перезаряжать пластинки.

Грязный старый лед с трудом подается. Не мудрено, что замыкающий колонну лесовоз «Сакко» отстает. К тому времени, пока он настигает след ледокола, прорубленный «Ермаком», канал уже снова забивается льдом.

На палубе ледокола тишина. Слышно, как гортанно вскрикивают кружащие в поисках добычи чайки, как плещет о борт вода, как глухо стукают льдины об расталкивающий их ледокол.

Море Лаптевых спокойно, как будто загипнотизировано. Зеркальная поверхность моря усеяна льдинами.

Обколов «Сакко», ледокол снова занимает ведущее положение в караване. Так повторяется не один раз.

Минуем лесовоз «Крестьянин». Оттуда капитан кричит в рупор:

— Владимир Иванович, веди быстрее. Надоело плестись.

Воронин добродушно смеется:

— Тише едешь — дальше будешь.

Льдины теснятся друг к другу.

— Ну и ледок, — замечает Воронин. — Ну-ка, долбанем. Машину на полный!

— Есть на полный! — отвечает штурман Ветров.

Гидрограф заключает тоном врача, ставящего безошибочный диагноз:

— Мы вступаем в полосу крупнобитого льда.

— Лево руля!—снова раздается на капитанском мостике.

Снова застряло во льду одно из идущих сзади судов.

. . . Еще день шли ленские суда в кильватере. Наконец ледокол вывел их на чистую воду.

«Ермак» гудит три раза: протяжно, коротко и протяжно. Это значит:

«Дальнейший путь продолжайте сами, следуя по назначению».

V. Сквозь туман

Форштевень рассекает лед

«Ермак» повернул за судами второго каравана.

Столпившись на носу, матросы с любопытством наблюдают, как ледокол рассекает лед.

Это особый, ни с чем не сравнимый звук, когда ледокол пробивает лед. В нем слышится и стон льда, и победное дрожание корпуса. Не утихает прибой волн, вечный прибой у форштевня корабля, наступающего на застывшее море.

Крупные льдины «Ермак» обходит. Такова тактика капитана. Привычка плавать на более мелких и хрупких посудинах выработала в нем осторожную бережливость. Когда зимой Воронин проводит во льдах Финского залива суда из Ленинградского торгового порта, тогда он спокойнее. Ведь если там ледокол получит повреждение — можно будет направиться в ленинградские доки или Кронштадт и быстро залечить раны. А в Арктике — малейшая авария, и мощный ледокол—гроза льдов—превратится в беспомощный корабль. И это будет не только неудачей «Ермака», но и поражением по всему фронту арктической навигации.

И ледокол часто кружит, отыскивая лазейки в старом льду — майны. Рыхлый лед трескается легко, как сахар.

Льдину поднимает на льдину.

Как танк, крушит «Ермак» баррикады льда. Слышится хруст льда и ласковый плеск воды.

Лед и вода в вечном движении. Перламутрово сверкают волны. Это ледокол пробивает толстую льдину.

Шарахаются и мечутся на льдинах черные суетливые, обезумевшие рыбешки.

На белом экране льда медленно плывет темная тень ледокола. На ней можно различить трубы, поручни, ванты.

Кругом тишина, не знающая края. И кажется, что ледокол своим форштевнем рассекает эту вековую тишину.

На одной из льдин едва заметно виднеются чайки с темными крыльями.

«Ермак» замедляет ход; останавливаемся, чтобы подождать суда второго каравана. Корабль тихо покачивается на воде. Кажется, что волны и льдины бегут к нему, чтобы посмотреть на редкого гостя.

Горизонт розовеет. Над нами облака, белые и легкие, как пух. Облака проходят и открывают великолепное ясное небо. Где еще в мире можно так предельно ярко ощущать огромность и необъятность неба! На его палитре беспорядочно разбросаны голубые, белые и фиолетовые краски.

На горизонте — нисходящие синеющие полосы. Это где-то далеко хлещет дождь.

Ветрено. Холодно.

Начинаются полярные сумерки.

В „типографии"

Скоро выйдет очередной номер газеты «Сквозь льды». Редактор уже подписал полосы, метеоролог Дзердзеевский прочел корректуру, наборщик Сумин заканчивает правку.

В трюме холодно. Он не отапливается. Сквозь открытый люк свободно проходит морозный воздух.

Кутаясь в полушубок, метеоролог подходит к «американке».

— Ну, давай — начинай!

Наборщик Сумин делает оттиски полос для последней сверки. Он то и дело дышит на руки, чтобы их согреть. Одеться теплее нельзя, неудобно будет работать. Наборщик торопится. В любой момент мы можем выйти изо льда и попасть в качку. А шторм не считается с календарным планом выхода нашей газеты. Качка безжалостно выбрасывает шрифты из наборных касс.

Метеоролог, переступая с ноги на ногу, говорит:

— А у вас тут холодно в типографии!

Наборщик передает корректору оттиски. Рассматривая их, метеоролог надул щеки и многозначительно поднял палец.

— Батюшки, широты нет, и долгота смылась!

В каждом номере газеты рядом с датой мы указывали широту и долготу, на которых появился этот номер газеты в свет. В новом номере широта и долгота отсутствовали.

Чтобы выйти из трюма, я должен был выждать, пока наконец перестали выгружать ящики. Узкий трап был занят.

На мостике на вахте стоял штурман Богомолов. Он зашел в рубку и посмотрел в вахтенный журнал, всегда раскрытый:

— Широта 76°33′, долгота 113°48′, — сказал он.

Записав широту и долготу, я спустился в «типографию».

В этом номере газеты мы публиковали оперативную сводку.

Вот она:

«„Ермак“ провел первую группу ленских судов через тяжелые льды в северо-западной части моря Лаптевых, вернулся к северной кромке льда и стоит на якоре, ожидая второй караван.

«Литке», «Искра». «Ванцетти». «Рабочий», «Десна», «Хронометр» прошли мыс Челюскина и продвигаются к месту стоянки «Ермака».

«Русанов» вышел из тяжелых льдов северо-западной части моря Лаптевых и подходит к Тикси (Лена).

«Ленсовет» приближается к проливу Вилькицкого».

«Когда мы проведем второй караван через льды моря Лаптевых, будет выполнена первая половина всей программы наших работ», — это пишет газета «Сквозь льды» в своей передовой.

— Может быть, переверстать сводку? — спрашивает Сумин у редактора.

— Не нужно... а вот заголовок наберите пожирнее.

Мы выпускаем сейчас восьмой номер газеты «Сквозь льды». Ее первый номер вышел в Карском море, третий у острова Диксона, четвертый в проливе Вилькицкого, остальные в море Лаптевых.

Созданная Политуправлением Главсевморпути печатная газета «Сквозь льды», несмотря на свое техническое несовершенство, сразу же завоевала авторитет и любовь среди читателей. Ермаковцы атаковали работников редакции, спрашивали, когда выйдет следующий номер. Наш наборщик Сумин старался побыстрее набирать, без свежей газеты ему стыдно было появляться в кубрике.

Хорошо встретили газету на кораблях и зимовках. Посылая по радио приветствия ермаковцам, благодаря их за столь неожиданный в семидесятых широтах подарок, читатели спрашивали:

«Когда получим следующий номер?»

Вышел свежий номер газеты „Сквозь льды“

Распространяли газету капитан Воронин, летчик Козлов и бортмеханик Косухин, сбрасывавшие ее с самолета, и, наконец, «заведующий отделом распространения» — подрывник челюскинец Гордеев, посвятивший свой досуг этой общественной нагрузке. Много помогли изданию газеты синоптик Дзердзеевский, бывший ее «штатным» корректором, и сперист Михеев, перепечатывавший материал.

Кто писал в газету? Те же, кто был ее постоянным читателем, — моряки-полярники, зимовщики, летчики, политработники, ученые, радисты...

Как мы организовывали материал? По радио (здесь помог старший радист «Ермака» Плотников), во время стоянок, встреч с другими судами. Героические люди Арктики в горячие дни разгара навигации, смены зимовок, авралов урывали дорогие минуты и писали в «Сквозь льды».

Если перелистать комплект газеты, станет ясной ее тематика. Тут и жизнь нашей родины, и международные события, и навигация, и продвижение судов, и политическая работа, и жизнь зимовок, и высокоширотная экспедиция, и гастроли Заполярного театра...

Доставляя газету на катере и встречных судах, сбрасывая с самолета, мы сделали «Сквозь льды» достоянием не только ермаковцев. Газету читали на «Ермаке», «Ленине», «Красине», «Литке», «Малыгине», восточных и западных «сквозниках», многочисленных лесовозах, теплоходах-речниках, баржах, литерах, гидрографических ботах. Газету читали на Маточкином Шаре, острове Белом, острове Диксона, мысе Челюскина, Индигирке, Игарке, Тикси. . . И в восточный сектор Арктики проникла газета «Сквозь льды» — ее читали на Шмидте, Уэлене, Лаврентии, Провидении. . . Из судов нам не удалось обслужить лишь «Садко» и «Сибирякова».

Коллектив работников, делающий газету, получал огромное удовольствие, видя, с какой жаждой набрасывались на нее люди, оторванные от Большой земли. Вместе со стальным форштевнем ледокола, аммоналом, воздушной ледовой разведкой большевистское печатное слово, впервые зазвучавшее на высоких широтах, помогало штурмовать льды. Газета объединяла и вдохновляла полярников, сплачивала их вокруг партийных организаций, способствовала успешному проведению навигации в Арктике.

Второй караван

Дни попрежнему окрашены в серо-молочный цвет. Вот и сейчас «Ермак» окружен туманом. Может быть, суда второго каравана совсем близко, а мы их не видим. «Ермак» часто и сильно гудит. Но на гудки отвечают лишь крики чайки.

Кто знает, сколько раз безответно звучали гудки флагмана.

Прошла ночь.

Утро.

День.

Воронин расхаживает по мостику угрюмый. Он говорит Лаврову:

— Молчат иждивенцы. Хоть бы дали о себе знать!

Мы шли вслепую навстречу судам.

В штурманской рубке зазвенел телефон. Старший радист Плотников сообщил капитану:

— Есть радио с «Литке».

Через минуту Воронин прочел вслух только что принесенную вахтенным телеграмму: „«Ермак». Слышим ваши гудки. Гудите чаще. Капитан Гуттерштрассе“.

Еще гудок, восьмидесятый или сотый. Еще гудок — сотый

или сто двадцатый. Но туман не отвечал. Он то чуть прояснялся, то, накопив силы, снова заволакивал море. На небе пылали розовые и голубые полосы.

Мы шли навстречу судам. А может быть, мы уходили от них? Штурманы всматривались в туман до рези в глаза. Не отнимал от глаз бинокля капитан.

Наконец послышался слабый звук. Напряженно прислушиваемся. Звук повторяется. Затем снова тишина. Не гудок ли это был?

Полным ходом идет «Ермак» навстречу этим звукам. Они становятся отчетливее. Да, это гудки!

Из тумана вырисовывается силуэт парохода. Мы гудим. Раздаются чуть скрадываемые туманом ответные гудки. Видны легкие, призрачные клубы дыма. Вот уже можно различить очертания парохода.

Туман смягчается, пропадает. Видны красавец «Литке» и еще четыре чинно идущие за ним парохода. «Литке» уже поравнялся с нами и снова гудит. С остальных пароходов раздаются свистки.

Мимо нас проходит «Товарищ Сталин». В первую ленскую экспедицию этот пароход зимовал. В кильватере у него «Рабочий», на долю которого выпал едва ли не труднейший рейс. «Рабочий» должен разгрузиться на далекой Колыме и в эту навигацию успеть вернуться на запад. Это не менее сложно, чем пройти всей трассой Великого Северного морского пути. Подобных рейсов не знает мировая история мореплавания.

За «Рабочим» следует «Искра». Она идет сквозным рейсом из Мурманска во Владивосток. За ней — «Десна». Она сменит людей на нескольких зимовках. На ее палубе бочки, ящики, лодки, бот.

«Искра» вырывается вперед, стремясь обогнать «Десну».

Капитан «Ермака» кричит в рупор:

— Эй, на «Искре»! Каравану двигаться в прежнем порядке. Потрудитесь занять свое место.

Флагман обходит строй кораблей. Какой-то отчаянно любопытный морж плавает совсем близко и все время высовывается из воды.

Снова раздаются гудки. «Литке» поворачивает и скрывается в тумане. Он спешит оказать помощь остальным кораблям, застрявшим где-то в проливе Вилькицкого.

...Снова в кильватере «Ермака» корабли. Но идут они не дисциплинированно, всячески стремясь обогнать друг

друга. «Ермак» гудит одному из них. Отвечают хором все. Ледокол велит остановиться одному чрезмерно ретивому пароходу. Останавливаются... все. Приходится по радио посылать разъяснение...

Порядок восстановлен. Корабли послушно выстроились. «Ермак» проводит их через полосу тяжелого льда в море Лаптевых. Нас догоняет неотступный спутник — туман.

Спустя час мы уже не видим, что делается за кормой. Виднеется лишь бурлящий канал во льду. Туман скрывает все остальное.

Вдруг показывается пароход. К всеобщему удивлению, это «Ванцетти», которого не было в числе судов, переданных нам «Литке». Отставший лесовоз сумел не только догнать караван, но и перегнать его.

Скоро почти рядом с нами появляется «Товарищ Сталин».

Где остальные?

Не затерло ли их льдом?

... «Ванцетти» совсем близко. Один из гидрографов узнал стоящего на капитанском мостике «Ванцетти» начальника сквозного прохода «Ванцетти» и «Искры» товарища Цатурова. Приложив руки ко рту, он кричит:

— Ну, как, Цатурыч, дачу достал?

— Да... В Серебряном Боре!

— Сколько дал?

Грохот льда заглушает ответ Цатурова.

«Ванцетти» торопится больше, чем нужно. Он перегоняет «Ермака». Ледокол может столкнуться с ним. Воронин посылает радиограмму, предлагая капитану «Ванцетти» не торопиться.

Подозрительно долго не появляются остальные суда.

— Не затерло ли их льдом? — говорит Воронин.

Ледокол поворачивает. Полчаса мы идем в тумане. Кроме льда и тумана ничего не видно. Но вот вдали что-то зачернело. Через несколько минут мы узнаем в этом темном пятне застрявшую во льду «Десну».

Ледокол выручает затертый льдами пароход.

Мы направляемся за остальными судами. И они застряли во льду.

Собрав караван, флагман продолжает путь. Лед становится реже, слабее, а дня два тому назад здесь было так трудно итти.

— Видно, нам помогает ветер, — говорит Воронин.

Лавров соглашается:

— Мы расшевелили лед. Ветер уносит его на север.

— Туда ему и дорога! — махнув рукой в сторону полюса, роняет капитан.

— Все это подтверждает, — говорит помполит, — что мы во-время пришли сюда.

— Да, в Арктике дорог момент, — замечает Лавров.

Капитан спешит на край мостика, чтобы посмотреть назад. От строя судов уже не осталось и следа. Пароходы снова стоят как попало.

— Как будто с Мамаем воевали! — ворчит капитан. — Что ж, повернем к «иждивенцам».

Ледокол втискивается в сплошной лед в центре группы беспорядочно мечущихся пароходов. Капитан сразу же составляет план действий.

— Пройдем серединой, чтоб облегчить проход сразу всем судам.

Настойчиво и упорно ледокол штурмует лед. Моряки с судов с уважением смотрят вслед «Ермаку».

По широкому каналу суда спокойно продолжают путь.

Радиограмма капитана Воронина напоминает каждому пароходу его место в кильватерной колонне. Туман скрадывает звуки, поэтому ответы пароходов на гудки флагмана кажутся жалкими и далекими.

Капитан взбирается по трапу в «бочку» и отсюда смотрит то вперед, выбирая путь среди льдов, то назад, на рассыпавшиеся, как тараканы, пароходы.

Сверху раздается голос Воронина:

— Пусть сбавит ход «Десна»!

Голосистая сирена увещевает чрезмерно торопящуюся «Десну».

— Да, — замечает помполит, — пароходы явно не соблюдают дисциплины уличного движения. Хоть милиционера поставь на лед!

Как неопытные новобранцы, неуклюже и невпопад выстраиваются пароходы.

— Много работы задают, — ругается секретарь экспедиции Фарберов по адресу судов.

Секретарь едва успевает записывать исходящие и входящие номера радиокорреспонденций. Он беспрестанно носится между радиорубкой и каютой капитана. Штаб навигации ведет оживленную переписку с кораблями. Воронин получает столько радиограмм, что Фарберову пришлось вытащить из чемодана взятые на всякий случай канцелярские папки. За

время рейса в каюте капитана возникает целая канцелярия. Решения принимаются быстро и еще быстрее осуществляются.

В „парикмахерской"

Фарберов спускается в кубрик проверить, как кочегары готовятся к очередному занятию политкружка, которым он руководит.

В кубрике всегда и день и ночь. Часть его обитателей спит, часть бодрствует. Многие читают книги. Из красного уголка доносится треньканье балалайки. Облокотившись на стол, рисует заголовок для очередного номера стенной газеты «Таран» кочегар Ендрихинский. Редактор стенгазеты кочегар Киселев наклеивает заметки на старую карту. Ему помогают рабкоры.

За одним столом с «редакцией» умещается и «парикмахерская». На скамейке сидит Тараск. «Парикмахер» никак не может закрыть его широкую голую грудь маленьким куском белой простыни.

Наш «парикмахер» стрижет и бреет лишь после легких вахт, когда он не так сильно утомляется в кочегарке. В последнее время «Ермак» все шел тяжелым льдом, «парикмахер» уставал, и ермаковцы обросли бородами. И вот, едва мы вошли в полосу разреженного льда, по настойчивому требованию клиентов «парикмахер» возобновил работу.

На ледоколе бреются далеко не все. Некоторые умышленно отпускают бороду. Ярый «бородоненавистник» — машинист Девятко — ведет борьбу с бородами и пытается даже поднять этот вопрос, как он любит говорить, «на принципиальную высоту». Достаточно Девятко увидеть какого-нибудь бородача, как разгорается спор. И сейчас Девятко уговаривает одного кочегара стать клиентом «парикмахера».

— Не уйдешь. Сбрей, говорят, бороду! — кричит он, не подпуская кочегара Синицына к двери.

— Да ты что! Ты что привязался? — попрежнему с улыбкой, но уже не без раздражения ворчит Синицын.

— Сбрей, сбрей, говорят, — переходит на миролюбивый тон Девятко, — ты людей брось смешить. Не в допетровскую эпоху живешь.

— Отстань. Надоело! — не на шутку возмущается Синицын и рвется к двери.

Но Девятко упорен. Методично и спокойно продолжает он уговаривать кочегара, пользуясь уже знакомыми всем доводами.

— Ведь еще Петр велел бороды брить, — с обычным спокойствием и настойчивостью продолжает он.

— Петр мне не авторитет, — парирует Синицын.

— Почему?

— Петр был царь.

— Это так, — соглашается Девятко. — Но ведь бороду, ты сам посуди, носить ни к чему.

— А если мне нравится?

— И не гигиенично, кроме того. Борода источник заразы.

— Ты отстань по-хорошему. Я кочегар?

— Кочегар.

— А кочегары два раза в сутки моются?

— Так то оно так, но ведь борода — это пережиток.

— Чего это?

— Допетровской эпохи.

— Да ты Петра не тревожь. Я тоже роман Алексея Толстого читал, а домой хочу с бородой приехать. Вот и все.

— Вот и все? — переспросил Девятко и вытащил более увесистый аргумент. — Борода — это атавизм!

— Чихать я хотел на твой атавизм. Я, может быть, жениться собираюсь. Может быть, мне невеста заказала вернуться с бородой.

И «парикмахер» и клиенты смеются. Один из них толкнул плечом Девятко.

— Зачем ты споришь? Что спорить с рыжим? — говорит он, покатываясь со смеху.

— Это верно, рыжего не переспоришь! — соглашается Девятко.

Кочегар вскипел.

— Во-первых, я не рыжий. У меня только борода светлая... — оборвав фразу, он хватает Девятко за шиворот и кричит: — Ты, агитировать агитируй, а на личности не переходи...

И Девятко остается только успокоить Синицына:

— Да что ты, ты брюнет...

Снова хохот. И окончательно рассердившийся бородач уходит из кубрика. Он торопится в библиотеку сменять книги.

А в кубрике, подражая настоящему парикмахеру, кочегар все еще стрижет и бреет и, провожая посетителей, выкрикивает:

—Кто следующий? Клиенты, не создавайте очереди!

Бот „Ленсовет“

Море Лаптевых крепко подружилось с туманом. Который уж день он преследует «Ермака». Чтобы не столкнуться с находящимися где-то вблизи судами второго каравана, ледокол часто дает гудки и сирены.

Не легко двигаться пароходам — канал за кормой мгновенно затягивается льдом.

Кудряво вьющимся дымком отвечает на возгласы труб «Ермака» вынырнувшая из тумана «Десна».

Какой-то пароход появляется справа.

Туман снова сгущается, и «Ермак» остается в одиночестве.

Радиостанция «Ермака» то и дело передает судам распоряжения штаба навигации. Решения принимаются быстро и так же быстро выполняются. Воронин прекрасно ощущает Арктику, ее пульс. Ни одна телеграмма с судов, самолетов, зимовок не остается безответной. Эта оперативность руководства обеспечивает точное выполнение плана.

В радиорубку проведать радистов зашел старпом Жернов.

— Наконец-то в Арктике воцарился порядок, — говорит старпому старший радист Плотников. — Хорошо, что все суда, самолеты и зимовки подчиняются одному центру, единой воле.

Совсем вблизи послышался шум равномерно работающей машины. Но не видно ничего, кроме тумана. Лишь наверху тускло просвечивает облако. Где-то над ним спряталось солнце.

В шуме стармех Малинин угадал двигатель внутреннего сгорания «болиндер». Если прав Малинин, то это зверобойный бот «Ленсовет».

Люди щурятся в неопределенность тумана. Из него выплывает маленькое деревянное судно.

— Да, это «Ленсовет»!

«Ленсовет» уверенно расталкивает льдины и подходит к самому борту «Ермака».

Первым гостем с «Ленсовета» на ледоколе был зимовщик Соколов.

— У вас собаки хорошие, — заметил он, перелезая через поручни. — Готов с вами меняться, но вряд ли вы согласитесь.

Он подошел к четвероногому тезке «Ермака» и ласково потрепал его по спине.

— Да, вряд ли вы согласитесь. У меня дворняжки. Я подобрал их в Архангельске на улице. Придется вымуштровать на зимовке. Зато вожатый у меня с Диксона.

Соколов на «Ленсовете» отправляется зимовать на остров Котельный. Он уже раньше провел два года на этом острове. О нем он говорит, как о чем-то близком, родном.

Когда Соколов впервые приехал на остров Котельный, расположенный в стороне от большой арктической дороги, там не было ничего, кроме изредка попадавшегося плавника. Шесть зимовщиков принялись за работу, построили домик, баню. Потом они вернулись на материк, и остров пустовал. Полтора года Соколов провел в Москве и теперь возвращается на зимовку.

— В Москве я потерял покой, — говорит Соколов. — Все тянуло в Арктику. Особенно весной разгорался арктический зуд. Я решил снова поехать на Котельный на два года.

С «Ленсовета» раздался голос:

— Соколов!

Мы оглянулись. Начальника зимовки звал широкоплечий парень в стеганой ватной куртке.

— Ты спроси на «Ермаке», нет ли у них фотоспецов?

— Как же, у нас есть фотоспец, — сказал инженер Скорняков.

— Вот хорошо. А я взял на зимовку лейку, да вот заело со шторками. А там не исправишь. Так я побегу за лейкой.

Парень исчез за бочками и ящиками, которыми уставлена палуба «Ленсовета». Соколов пошел к Воронину, а я спустился по трапу на палубу «Ленсовета».

На тесной палубе — шлюпка с подвесным мотором, ее везут зимовщики на остров Котельный. Здесь же дубовый катер с мотором, ледянка и деревянный фангсбот.

Моряки охотно показывают свой корабль.

И капитанский мостик, и каюты, и камбуз — все почти игрушечных размеров. Но «Ленсовет» незаменим в арктическом плавании. Под дубовой обшивкой плотный слой сосны, между шпангоутами — толевая прокладка. Корабль отлично выдерживает борьбу со льдами.

— А вы не хотите зайти в мою каюту? — спросил радист.

— Пойдемте.

Каюта радиста одновременно и радиорубка. Радист может лежа на постели ловить и передавать радиограммы. Во время рейса «Ленсовет» был связан с Югорским Шаром, Вайгачом, мысом Челюскина. Маломощный искровой передатчик работал отлично.

— А теперь пойдемте, я вам покажу баню, — предложил радист.

Лишь согнувшись можно мыться в крохотной бане «Ленсовета». Пользоваться ею можно раз в две недели; на корабле всего 24 тонны пресной воды.

Осмотрев баню, мы спускаемся в машинное отделение. Сапоги скользят по облитому нефтью железному трапу. Слышно, как шипит выходящий через выходную трубу отработанный газ. Двигатель «болиндер» работает на нефти.

В иллюминатор, выходящий из машинного отделения на палубу, видны разгуливающие собаки. С ними играет какой-то человек.

— Пойдемте наверх, — говорит радист. — Я познакомлю вас со старшим помощником капитана — Драницыным, а сам пока пойду писать заметку в «Сквозь льды».

Старший помощник капитана, комсомолец Драницын, плавающий на «Ленсовете» три года, рассказывает о том, как зимою на боте промышляют зверя в Белом море, а летом идут за белым медведем и моржом к берегам Земли Франца-Иосифа.

— В этом году, — продолжает свой рассказ Драницын, — «Ленсовет» 25 июля вышел из Архангельска. Через неделю мы поравнялись с островом Диксона. Еще через неделю миновали мыс Челюскина. Путь бота лежал сквозь сплошной туман.

Направляясь в рейс, команда бота прощалась с семьями на два года.

— Скоро мы высадим зимовщиков и повернем к Тикси за деревянным домом для них. С Тикси вернемся на Котельный, поможем зимовщикам собрать дом. Снова пойдем в Тикси. Там зазимуем, а летом будем работать в районе Усть-Ленского порта.

... От палубы бота до льда — каких-нибудь полтора метра. На «Ленсовете» больше ощущаешь близость льдов. Я увлекся осмотром бота и не заметил, что стоянка оканчивается. За это время на «Ленсовет» успели погрузить аммонал и подняли трап.

Комсорг Алексеев, он же штурвальный матрос, присев у бочки, дописывал заметку в нашу газету. Едва я успел взять у него материал, как мне с «Ермака» сбросили штормтрап.

— Постойте, постойте! — кричал радист, когда я был уже на трапе. Он успел передать мне несколько заметок, в том числе свою.

Не прошло минуты — и корабли тронулись.

Быстро просмотрев заметки, полученные с «Ленсовета», я обнаружил, что подпись радиста была совершенно неразборчива. Подбежав к поручням, я крикнул:

— Как фамилия вашего радиста?

В ответ с «Ленсовета» послышалось:

— Гу...

Окончание фамилии заглушил гудок «Ермака», прощавшегося с «Ленсоветом». Фамилию радиста сообщил нам Плотников, другом которого был Гусев.

Борт о борт с „Товарищем Сталиным"

Туман рассеялся.

Мы вышли на чистую воду. Снова почувствовалось море, огромное и бескрайное. Редкие льдинки сверкали на солнце

Гудки. Это маленький «Ленсовет» и «Десна» прощаются с флагманом.

Три судна разошлись в разные стороны. «Ленсовет» повернул налево — к Котельному, «Десна» направо — к бухте Нордвик, «Ермак» пошел назад.

...Скоро состоялась новая встреча. Мы стали борт о борт с «Товарищем Сталиным». Этот пароход шел с зимовщиками в бухту Тикси.

На «Ермаке» побывал новый начальник зимовки Гонцов. В кают-компании, рассматривая снимки наших фотолюбителей, он с увлечением рассказывал о своих планах.

Чего только не думают завести на острове новые зимовщики! И бюро погоды, и теплицы для выращивания овощей, и кружок фотолюбителей.

Зимовать едет 50 человек — радиотехники, механики, синоптики, биологи, аэрологи.

— Вот увидите, мы поживем года два и Диксону фору дадим.

— Фору?— поправляя галстук, переспросил гидролог.

— Ну, если не фору, то догоним и перегоним. Ребята у нас на подбор — молодежь.

В этом году в Тикси будут жить свыше 150 человек — зимовщики и моряки с приписанных к Усть-Ленскому порту судов. В бухту везут коров, свиней, овец.

Чемоданы набиты книжками для библиотеки и патефонными пластинками.

Но время не ждет. «Ермак» спешит во льды за оставшимися там кораблями, «Товарищ Сталин» — в бухту Тикси.

С флагмана погрузили на пароход три ящика с шоколадом и вином. Свидание двух пароходов быстро закончилось.

Моряки и зимовщики крепко жмут друг другу руки.

— Счастливой зимовки!

— Счастливого пути!

— Счастли...

Корабли тронулись в путь. В это время, к нашему всеобщему удивлению, снова показался «Ленсовет». Оказывается, два пассажира зверобойного бота, которые направляются в Тикси, забыли пересесть на «Товарищ Сталин».

— Как бы и вы не забыли, — шутя говорит Руцинский, обращаясь к гидрографам Сендику и Петрову.

Гидрографы ждут встречи с пароходом «Ванцетти», на который они пересаживаются, чтобы попасть во Владивосток.

„Полустанок имени Сендика и Петрова"

Все было очень обычно. Сендик и Петров запаковали чемоданы, завязали ящики и вынесли вещи на палубу. В том, что им предстоит пересесть в море Лаптевых с одного корабля на другой, идущий всей трассой Великого Северного морского пути во Владивосток, они не находили ничего необыкновенного. И когда один из радистов подошел к Петрову и спросил:

— Ну, как? Вы себя чувствуете как на вокзале, ведь правда? — гидрограф спокойно ответил в обычной для него шутливой форме:

— Как на вокзале. Очень волнуюсь... Не знаю... найду ли носильщиков на полустанке Лаптевых.

Рано утром «Ермак» встретился с «Ванцетти», «Искрой» и «Рабочим».

Четыре корабля стали борт к борту.

На «Искре» и «Рабочем» был на исходе уголь. «Ермак» решил пополнить их топливные запасы.

— Снимите свиную тушу — она покроется угольной пылью!— кричит с мостика заботливый Владимир Иванович.

На «Рабочем» сняли висевшую на вантах свиную тушу, и началась бункеровка. Звякали бадьи, передавая с корабля на корабль жирный черный уголь.

Это чертовски приятно: в море, после переходов во льдах, стать корабль к кораблю, борт о борт, и крепко, до боли пожать руки друзьям.

Один из ермаковцев-челюскинцев встретил на «Ванцетти» своего старого друга челюскинца Гаккеля. Они разговорились про своих товарищей по «Челюскину» — все они тут, в Арктике, где-то недалеко, на кораблях и зимовках.

Комсомолец Ушаровский встретил приятеля на «Рабочем».

— Ну, Жора, как жизнь?

— Я женился.

— Да ну!

— Знаешь, на ком? Помнишь прошлым летом. . . — и, присев на ступеньки трапа, он начинает рассказывать.

Во время стоянки я побывал на кораблях. На «Искре» я встретил молодого журналиста Банка, он уже не первый год плавает кочегаром. Сейчас он комсорг «Искры» и направляется во Владивосток, чтобы потом вернуться в Мурманск через тропики.

И на «Искре» и на «Ванцетти», обычных лесовозах, впервые идущих из Мурманска во Владивосток, много груза. В трюмах — неприкосновенный зимовочный запас продовольствия. Моряки уверены в том, что они успешно выполнят рейс, пройдя путь в одну навигацию, но они готовы и к зимовке.

В кают-компании «Ванцетти» начальник сквозного прохода обоих судов Цатуров оживленно беседует с московскими друзьями. Цатуров угощает ермаковцев шоколадным мороженым. Мы с удовольствием едим мороженое, которого нет в нашем меню. Оно приготовлено из сгущенного молока. А во льду недостатка не ощущается. . .

Сендик и Петров перешли на «Ванцетти». Все жалели о том, что от нас ушли два товарища, которых успели полюбить на «Ермаке». Радист в шутку предложил место стоянки пароходов назвать «полустанком имени Сендика и Петрова».

Корабли тронулись.

Теперь первая половина программы наших работ выполнена. Мы пойдем навстречу пароходам, идущим с востока, проведем их через тяжелые льды. Потом наступят спокойные

дни ожидания, пока пароходы прибудут в порты назначения, разгрузятся и пойдут обратно.

Кинооператоры — они шли на «Ванцетти» — снимают расставание западных «сквозняков» с «Ермаком», группу ермаковцев во главе с Ворониным, отход «Ермака» и крупным планом — дым, выходящий из его огромных труб.

...В тот же день представитель Политуправления получил телеграмму из Москвы. Телеграмма заместителя начальника Политуправления товарища Серкина предписывала ему немедленно вернуться в Москву, там много неотложной работы.

— Неужели из Арктики тоже вызывают?..

— Выходит, что да...

— Как же вы поедете?

— В телеграмме предусмотрено и это. Я пересяду на «Сталинград» или «Анадырь». Ведь мы скоро встретимся с ними. Они доставят меня на Диксон. А там — или на самолете, или на пароходе — на материк.

VI. Встреча двух океанов

Телеграмма капитана Мелехова

В числе телеграмм, принятых в тот день вахтенным радистом, была весточка от капитана «Сталинграда» Мелехова.

«„Ермак". 19 августа полдень, широта 76,26, долгота 115,30, маловетрие, густой туман, лед мелко-крупнобитый шесть баллов».

Сравнив координаты «Сталинграда» с нашими координатами, мы убедились в том, что пароходы, идущие из Владивостока в Мурманск, уже совсем близко. Но точно ли знают ермаковцы свое местонахождение? Ледокол идет в полосе сплошного тумана и в расчеты штурманов могла вкрасться ошибка.

Сколько отделяет нас от «Сталинграда» и «Анадыря»? Никто не может точно ответить на этот вопрос, занимающий всех. Но где бы ни были восточные суда, они где-то близко в море Лаптевых. Они скоро встретятся с «Ермаком», который проведет их через последнюю полосу льда в море Лаптевых, а если понадобится — то и дальше на запад. Впрочем, судя по радиограммам с мыса Челюскина, пролив Вилькицкого и Карское море до острова Диксона почти свободны от льда.

Нас окружает холодный туман, которому нет дела до чувств, переполнивших человеческие сердца. Мы еще не видим мужественных дальневосточников, но уже радуемся их успеху и мысленно жмем руки, поздравляя с большой победой.

Ледокол протяжно, зычно гудит в туманную пустоту. От этих гудков веет жаждой встречи.

Медленно движется ледокол навстречу дорогим друзьям из Владивостока. Не так легко встретиться двум пароходам

в море, когда над ним туманные потемки. Кто может поручиться, что мы идем навстречу им? Быть может, мы уходим от них? Или мы идем навстречу друг другу и близки не только к встрече, но, может быть, к столкновению?

Туман давит своим молчанием.

В минуты предстоящей встречи жизнь судна приобретает особый оттенок. «Ермак» часто дает гудки. Слушатели кружков берут слово с руководителей, что при первом ответном гудке занятия «переносятся на палубу». «Парикмахер» отказывается стричь и только бреет. В камбузе спешка — там торопятся поскорее приготовить обед.

Туман окутывает нас мокрой простыней. Назойливый ветер несет несносный мелкий дождь, смешанный со снегом. Ледокол идет молодым льдом. Местами вода лишь подернута поблескивающей ледяной коркой.

Упорно прислушивается несущий вахту на капитанском мостике штурман. Рядом с ним — капитан. Они не слышат ничего, кроме свиста ветра, плеска воды и приглушенного речитатива какой-то песни, ползущей снизу из бункера.

Тому, кто первый услышит гудки восточных пароходов, обещана пачка хороших папирос. В негласном соревновании принимают участие и некурящие. Это большая честь — первым заметить пароход.

На мостике появился сперист Михеев. Лицо его торжественно сияет. Он многозначительно подмигивает штурману Ветрову и просит, чтобы тот выдал ему пачку «Невы».

— Я услышал гудки... вон оттуда... справа.

Но это оказалось лишь запоздалым эхом ермаковских гудков.

Часто гудит «Ермак». Могучие его гудки, не получая ответа, кажутся гласом безнадежно вопиющего в ледяной пустыне.

Незабываемые мгновения

На следующий день вахтенный штурман услышал далекие гудки.

Гудки приближаются. Из тумана выплывает сулуэт корабля. Корабль подошел к ледоколу. На борту надпись — «Анадырь», а чуть пониже — «Владивосток».

Перед нами корабль, совершающий сквозной переход по всему Великому Северному морскому пути. Это не ледокол, а обычный товаро-пассажирский пароход, он уверенно сле-

дует из Владивостока в Мурманск. Это уже не только смелый план, не только будущее, не только мечта.

Радости тесно в сердцах. Люди хлопают в ладоши, машут платками, кидают вверх шапки. С «Анадыря» что-то кричат. Громкие гудки «Ермака» на этот раз кажутся салютом восторга. А в ответных гудках владивостокских судов слышатся радость и уверенность.

На кораблях взвиваются флаги. Но разве можно скупым кодом флажков выразить чувства, которые теснятся в груди? Кто еще, как не моряки-полярники, могут по-настоящему оценить значение победного рейса обычных товаро-пассажирских пароходов по всему Великому Северному морскому пути?

Воронин кричит капитану «Анадыря»:

— Мы пойдем к «Сталинграду». Вы будете следовать за нами.

С бортов «Анадыря» и «Ермака» все еще раздаются возгласы и крики. Многие успели узнать знакомых.

Обойдя встреченный пароход, ледокол продолжает рассекать холодную мглу. «Анадырь» скрывается в тумане.

Вскоре показывается «Сталинград».

Снова флаги и гудки, рукоплескания и крики. Снова волна радости и гордости за свою страну, за партию, которая ее преобразует, за мудрого кормчего, который твердо ведет эту партию от победы к победе.

Воронин кричит капитану «Сталинграда»:

— Поздравляю, Афанасий Павлович!

Восторженные улыбки, восторженные аплодисменты.

Эту встречу с восточными судами никогда не забудут моряки, пережившие ее. Это была встреча двух океанов — Великого, или Тихого, и Атлантического, разлученных холодными водами и льдами Ледовитого океана.

Встреча произошла в 7 часов вечера 19 августа 1935 года в море Лаптевых, невдалеке от бухты Прончищевой.

Сюрприз

Ночью «Анадырь» и «Сталинград» пришвартовались к «Ермаку». Утром над кораблями плыла угольная пыль. Стрелы перебрасывали в бункера ледокола бадьи с углем.

Команды обменивались визитами. Помполиты навещали помполитов, радисты побывали у радистов, фотолюбители у фотолюбителей.

В каюте Воронина я познакомился с дальневосточными капитанами Павлом Георгиевичем Миловзоровым и Афанасием Павловичем Мелеховым.

Когда мы вышли на палубу, Миловзоров, указывая на «Анадырь», сказал:

— Нашего не узнать. Помолодел он.

Мы направились на «Анадырь».

— И как не помолодеть! — рассказывал по дороге Миловзоров. — Зимой, как я уже говорил Владимиру Ивановичу, мы вели переписку с Японией. Мы думали стать на ремонт в порту Хакодате. Но порт запросил полмиллиона золотых рублей. А комсомольцы завода имени Ворошилова пришли ко мне и говорят: «Японский порт дорожится — у него товар залежится, а наш Мишка не берет лишка. Давайте нам — мы отремонтируем». Я поставил «Анадырь» в док, и комсомольцы закончили ремонт раньше срока, а эжектор для выброски шлака они сделали молниеносно, и как сделали...

Когда мы перешли по мосткам, перекинутым с «Ермака» на «Анадырь», и спустились на палубу, Миловзоров взглянул на мачту и сказал:

— Раньше всего я попрошу вас подняться в «бочку».

— В «бочку»? — удивился я.

— Да, да...

— Но зачем?

— Вы должны побывать в моей «бочке», — настойчиво повторил он.

— Что я там увижу?

— Вы увидите... — Миловзоров развел руками и, помолчав минуту, начал рассказывать. — Как-то поднимаюсь я в «бочку». Смотрю штепсель — откуда ни возьмись — шнур, электрический чайник. В чайнике горячий кофе, на тарелке — бутерброды, пирожки, пончики. Вот так сюрприз!

— Да-да! — согласился я. — Кто же электрифицировал вашу «бочку»?

— Это и меня заинтересовало, — ответил Миловзоров. — Но у кого я ни спрашивал, все говорят — не знаем, не мы.

— И вам так и не удалось узнать? — спросил я.

— Да нет, через несколько дней боцман проговорился. Выкинула эту штуку палубная команда. — Миловзоров снова развел руками. Его изрезанное глубокими морщинами лицо залил румянец, в глазах светилась улыбка. — Пришел я в кубрик, — продолжал он, — спрашиваю матросов: «Кто вас надоумил?», а матросы переглянулись и говорят: «Море

в этом году не гостеприимно. Видим, что оно загнало вас в «бочку». Сидите вы там от вахты до вахты, чай не пьете, к обеду запаздываете. И решили: не годится так». Да... С такими ребятами, как мои, не пропадешь, — закончил он, потирая руки.

К нам подошел вахтенный матрос с «Ермака».

— Вы не видели Фарберова? — спросил матрос. — Ах, вот и он!

Фарберов стоял у волнолома и оживленно беседовал с анадырцами. Матрос крикнул ему:

— Вас в радиорубку.

Когда секретаря экспедиции вызывают в рубку, он обычно возвращается оттуда с новостями. И немедленно вслед за Фарберовым в рубку поспешил и я. Я извинился перед капитаном и сговорился с ним, что зайду к нему вечером.

В радиорубке — новость. Получена радиограмма с «Литке». Капитан сообщает, что «Литке» скоро дойдет к нам. Не успели еще все узнать об этой телеграмме, как показался легкий дымок на горизонте.

Необычайный пассажир „Сталинграда"

Мы стояли на капитанском мостике и смотрели в бинокль. Вдали вырисовывались очертания корабля. Доктор Розе предложил мне вместе с ним зайти на «Сталинград».

На досках, перекинутых с «Ермака» на «Сталинград», нас догнал Гордеев. Едва мы спустились на палубу «Сталинграда», как перед нами, словно из-под земли, вырос один из ермаковских механиков.

— Вернитесь, вернитесь... — сказал он, — там...

— Что случилось? — спросил Розе.

— Там гуляет на свободе живой медведь.

— Не верю, — пытался возразить доктор.

В это время из машинного отделения, важно переваливаясь с лапы на лапу, вышел медведь. Ермаковский механик поспешил уйти. Мы остановились в нерешительности. Но проходивший мимо матрос успокоил нас.

— Вы не бойтесь, — сказал он, — медведь ручной. Первое время, еще малышом, он чурался людей, рычал, а потом свыкся.

— Скажите, а где он живет? — поинтересовался Гордеев.

— Где живет? Он у нас барин. Капитан ему каюту отвел, но днем он в каюту редко заходит. С утра до вечера гуляет

по кораблю: в камбузе любит бывать, в кают-компании. Едва буфетчик загремит тарелками, Мишка тут как тут.

Во время нашего разговора медведь с забавным упорством стал преследовать испуганного механика. Спасаясь, тот кинулся в камбуз.

— Готов спорить — он спрятался в шкафу или под столом, — улыбнулся Розе.

Вместе с матросом «Сталинграда» мы подошли к камбузу и заглянули в раскрытый иллюминатор. Найдя тут надежное прикрытие, механик спокойно осматривал дымящиеся котлы.

— Да, не плохой суп, — заметил он и потянулся к ложке. Не успел он взять ложку, как в приоткрытой двери появился медведь. Видимо он решил еще раз взглянуть на незнакомого человека или закусить, если удастся.

Растерявшийся механик бросил в медведя ложку и взобрался на стол. Медведь зарычал.

Тут в дверях камбуза показался кок. Он принялся отчитывать Мишку, подозревая его в очередной краже. Увидев стоявшего на столе человека, кок добродушно рассмеялся.

Механик слез со стола, поправил спецовку, виновато улыбнулся, вышел из камбуза и косо посмотрел по сторонам.

— Позвольте вас проводить, — крикнули в один голос Гордеев и Розе. И подхватив механика под руки, повели его на ледокол.

... Год спустя, когда я снова участвовал в арктической навигации на борту «Сталинграда», его капитан Афанасий Павлович Мелехов рассказал мне дальнейшую судьбу медвежонка. Благополучно завершив свой рейс, «Сталинград», взяв лес в Игарке, направился в Лондон.

В Лондоне пароход, геройски совершивший сквозной арктический рейс, был восторженно встречен. Моряки «Сталинграда» подарили своего необычайного пассажира лондонскому зоосаду. Фотография медведя долго не сходила со страниц английской печати. Даже консервативные газеты поместили его снимок и вынуждены были рассказать читателю об отважном рейсе «Сталинграда», на борту которого прибыл в Лондон белый медведь.

Биография парохода

Тесно сгрудившись, стоят в море Лаптевых три советских судна. На палубах стало грязно. Бункеровка еще не закончена. Левый бункер «Ермака» уже полон угля. На куске фа-

неры, прибитом к ящику из-под папирос, один из кочегаров отмечает мелом количество высыпанных ковшей.

Направляясь на «Анадырь», встречаю у мостков старпома Рудных.

— Вы так и не соберетесь посмотреть наш пароход, — говорит он. —Все своим «Ермаком» любуетесь...

— А я к вам...

Старпом Рудных провожает меня на «Анадырь». Мы поднимаемся на мостик. С чего начинает показ парохода старпом? Конечно, со своего рабочего кабинета — штурманской рубки. На испещренной цифрами тетради счислений — карандаши и большие матовые резинки.

В углу штурманской рубки, рядом с кипой карт, дежурная порция бикфордова шнура.

— Аммонал тоже по моей части, — говорит Рудных. — Лед был тяжелый. Приходилось не раз взрывать.

Владимир Николаевич Рудных — старый соплаватель капитана Миловзорова. В последнее время он был капитаном парохода «Север», ходившего по линии Владивосток — Шанхай. Но Рудных решил еще поучиться у капитана Миловзорова и поэтому охотно вызвался сопровождать своего учителя в столь трудном и интересном рейсе, в какой шел «Анадырь».

— На всякий случай мы всегда готовы к зимовке, — говорит Рудных. — Я уже зимовал раз в Чаунской губе. Жили мы в трюме, завесив его оленьими шкурами. В нем стоял вечный чад от камельков. Когда зазимуешь на корабле, приходится беречь каждый кусок угля.

— Сколько лет вашему «Анадырю»? — спрашиваю я у старпома.

— Он молодой еще, — отвечает старпом и кратко рассказывает биографию парохода.

Сойдя со стапелей ленинградского Балтийского завода имени Орджоникидзе, «Анадырь» южным путем направился во Владивосток. Это было в 1930 году.

С тех пор «Анадырь» бессменно плавает на Дальнем Востоке. Он ходил полярным рейсом в Колыму. Не успев выгрузить всего, что привез, он вынужден был повернуть во Владивосток. Но по дороге туда зазимовал в Чаунской губе.

Весной, приняв в свои трюмы остатки грузов, которые не успели сдать в прошлом году зазимовавшие суда, «Анадырь» снова пошел на Колыму. Оттуда пароход стремился возвратиться во Владивосток.

Тщетно бившись два месяца в тяжелом льду, трижды

повредив лопасти винта и ставя их на плову, прикованный к месту интенсивным замерзанием «Анадырь» снова зазимовал. Осенью 1933 года он стал на зимовку у мыса Якан.

Весной 1934 года он с небольшим остатком угля сумел вырваться из цепких объятий льда и вернулся 1 августа этого же года во Владивосток.

Потом «Анадырь» совершал каботажные рейсы между Владивостоком и Сахалином. А в январе 1935 года стал на ремонт, закончившийся в мае.

Капитан Миловзоров

— Ну, а о том, как мы шли в Арктике, вам лучше расскажет капитан Миловзоров, — сказал старпом. — Осмотрим корабль, а потом зайдем к нему.

Рудных показывает мне пароход, его машинное отделение, каюты, красный уголок, камбуз. Пароход комфортабельно оборудован. Он предназначен не только для груза, но и для перевозки пассажиров. И сейчас на «Анадыре», как и на «Сталинграде», есть пассажиры. Это люди, возвращающиеся с зимовок, стремящиеся попасть на Диксон, Игарку, оттуда в Ленинград и Москву.

Старпом ведет меня к капитану Миловзорову.

— Это замечательный моряк и прекрасный человек, — говорит о своем учителе Рудных. — Команда его не только уважает, но и любит. Он живет морем...

О Миловзорове я много слышал. Из пятидесяти девяти лет своей жизни сорок лет он провел на море и уже двадцать девять лет плавает капитаном.

Много лет назад Миловзоров начал плавать матросом в Каспийском море. Потом учился в морской школе в Поти, ходил на «Святом великомученике Фоке». Трудно перечислить все корабли, на которых плавал Миловзоров. Значительная часть жизни старого капитана прошла в восточной Арктике. Он был пионером колымских рейсов. В 1924 году, доставив в трудных условиях красноармейский отряд в устье Колымы, Миловзоров помог разгромить белогвардейскую банду генерала Пепеляева и был награжден орденом Красного Знамени.

С 1914 года Миловзоров работает на Дальнем Востоке. Осваивая воды восточной Арктики, капитану пришлось не раз зимовать. Он зимовал у мыса Отто Шмидта на пароходе «Колыма», у острова Шалаурова на «Ставрополе» и в Чаунской губе на «Лейтенанте Шмидте».

В 1930 году у мыса Шмидта Миловзоров тяжело заболел воспалением легких. По распоряжению правительства, летчик Слепнев перевез его в Фербенкс. Когда капитан выздоровел, консилиум предложил ему отдохнуть в Калифорнии.

Проведя месяц в Калифорнии, Миловзоров вернулся в Москву. Он и не подумал о том, чтобы перейти на более легкую работу. Он остался верен Арктике. И в 1935 году, имея за спиной шесть десятков лет, пошел на «Анадыре» из Владивостока в Мурманск.

Редкий человек решится справлять свое шестидесятилетие во льдах Арктики. Для этого нужно быть Миловзоровым.

— А вы, я вижу, размечтались, — заметил Рудных, когда мы подошли к каюте Миловзорова, и постучали в дверь.

— Входите, входите! — раздался звонкий голос капитана.

Миловзоров сидел за столом, наливая из термоса чай в китайскую чашку.

— Рад сердечно! — сказал он, отставив термос.

Капитан показал мне свою каюту. Это просторная квартира из трех комнат. На полу ковры. На вешалке целая коллекция шуб медвежьих, оленьих, нерпичьих. В книжном шкафу—искусные художественные костяные изделия чукчей.

— Вот как я живу, — сказал капитан, когда мы вернулись к столу. — Привык жить на волнах. На берегу я как-то не в своей тарелке. Все будто путешествую. Другое дело — на море. А вы присаживайтесь. — Он подошел к буфету и достал чашки.

Мы сели к столу. Миловзоров налил чай, и незаметно завязалась беседа.

— Вы просили меня рассказать о нашем рейсе, — сказал капитан, сделав большой глоток чая. — Но что вам рассказать? Раньше в Арктике трудно было плавать. Раньше мы жались к берегу, а впереди была полная неизвестность. А теперь мы смело идем вперед. К услугам капитана — ледоколы, авиаразведка, радиосвязь...

Помолчав, капитан продолжает:

— Жалко, что стар я. Теперь бы только работать и работать. Вот, если бы можно было скинуть за борт десятка два лет! Мне врачи все советуют оставить сложные рейсы. И верно, мне теперь не легко. Одышка мучает. А ведь приходится каждый день лазить в «бочку». Врачам легко сказать — бросить сложные рейсы. Я же капитан-полярник...

... Чтобы обойти свой возраст, обмануть старость, «сэкономить» сердце, Миловзоров, взобравшись в «бочку», проси-

живал там несколько часов подряд. Опытным, зорким глазом всматривался он в ледяную даль. Внизу, в кают-компании накрывали завтрак, потом обед, ужин... а место капитана за столом хронически пустовало. Внизу сменялись матросы и кочегары, штурманы и механики. А старый капитан все сидел в «бочке»...

... И снова сделав глоток чая, Миловзоров продолжал рассказывать.

Рассказывая, капитан часто вставал и пояснял мне путь своего корабля на карте. Он задерживал взгляд на карте, на хорошо знакомой ему карте Арктики, с каждым клочком которой у него связано столько воспоминаний.

— В основном история самая обыкновенная, — начал капитан.

Обыкновенная история

В ушах еще звучит «Партизанская», еще слышны голоса родственников и друзей:

— Не забывай!

— Радируй!

— Счастливого пути!

... Когда «Анадырь» и «Сталинград» покидали Владивосток, там еще не было свежих овощей. Корабли зашли в японский порт Хакодате и запаслись молодым картофелем и луком.

Тихий океан на этот раз вполне оправдал свое название: стояла ясная, спокойная погода. На «Анадыре» готовился первый номер стенной газеты. Новосибирский писатель Вивиан Итин, не впервые плававший в Арктике и много писавший о Севере, принимал активное участие в работе редколлегии и вел арктический кружок. Регулярно проводились политзанятия...

Когда корабли подходили к Курильским островам, спустился густой туман. Около тысячи миль «Анадырь» и «Сталинград» прошли в тумане. В Петропавловске на Камчатке они пополнили бункера сахалинским углем и подкрепились пресной водой. Ее брали из горного ручья по трубопроводу.

Берингово море встретило корабли туманом и ветром.

Когда моментами туман прояснялся, открывалось море с бьющими фонтанами — это плыли киты. У мыса Олюторского капитан заметил одинокие триангуляционные знаки — и здесь на неприступных горных кряжах бывал человек.

Недалеко от мыса Шипунского моряки встретили небольшое японское судно. Не прошло и часа — и мимо пронеслась целая флотилия японских рыболовов и моторных катеров. В этом районе вплоть до Усть-Камчатска часто плавают японские корабли.

Три августовских дня «Анадырь» и «Сталинград» провели в бухте Провидения.

В гости к Миловзорову пришел капитан комсомольского ледокола «Красин». В то время и его корабль стоял в бухте.

Когда корабли снялись с якорей, над морем попрежнему плыл туман. Падал дождь и снег.

В Беринговом проливе молодые моряки с любопытством рассматривали появившихся кое-где моржей. Едва виднелись американские берега.

Обогнув мыс Дежнева, корабли вошли в Северный Ледовитый океан. Около острова Идлидля показались первые льды. На имя капитана Миловзорова пришла радиограмма с мыса Шмидта. Начальник зимовки сообщал, что у Ванкарема самолет обнаружил полосу чистой воды. Миловзоров и Мелехов использовали это донесение, направив корабли благоприятным путем. Но уже подходя к мысу Шмидта, суда вошли в полосу тяжелого льда. «Анадырь» и «Сталинград» приспособлены к ледовому плаванию. Капитаны решили осторожно форсировать лед. Ледяные перемычки часто заставляли отступать и, потеряв побежденное пространство, наступать вновь.

В это время летел самолет в бухту Нольде, и капитанам удалось выяснить ледовое положение на предстоящем пути до острова Шалаурова.

Затем, вплоть до встречи с «Ермаком», ни Миловзоров, ни Мелехов не получали сведений о льдах. Учитывая изменения обстановки, они меняли курс на ходу, искусно лавируя среди льдов и одновременно производя рекогносцировку. Много приходилось итти на малом ходу — так прошли корабли около двух тысяч миль.

У мыса Сердце-Камень моряки увидели незаходящее солнце Арктики.

— Так мы шли, — продолжал Миловзоров. — Из Владивостока мы доставили две тысячи тонн груза на Колыму. С Колымы до Тикси шли порожняком. В Тикси взяли угля, в том числе и для вас. А теперь идем в Игарку за лесом. Шли мы сквозь туман, воевали со льдами... А в основном

история, как видите, самая обыкновенная,— снова сказал капитан.

В напряженной работе прошла вся жизнь старого капитана. И этот рейс был для него обычным рядовым рейсом.

— Который раз вы в море Лаптевых? — спросил я.

— Да как вам сказать? Здесь я бывал мало. Пять раз. Три раза на речниках и два раза на морских пароходах.

В каюту постучались. Матросы с «Ермака» пришли пригласить капитана Миловзорова в красный уголок ледокола, где сейчас начнется митинг трех кораблей

Легенды и жизнь

Слегка покачивает.

В красном уголке ледокола тесно и душно. Люди сидят не только на скамьях, но и на столах, на палубе. В ожидании начала митинга оживленно беседуют. Некоторые играют в шахматы и шашки.

В углу сидят на корточках трое: два ермаковца и один анадырец. Они продолжают беседу, начатую еще в кубрике.

— Пил он запоем, а теперь женился — и маковой росинки в рот не берет, — рассказывает кочегар о знакомом радисте.

— А Воронин придет на митинг?— перебил его кок с «Анадыря».

— Как же!

— Интересно посмотреть на Воронина. Его я только на фотографии видел.

— О, наш капитан... Он морского рода. У него и братья капитаны, и отец капитаном был.

— Говорят, он строгий? — допытывался гость.

— Строг, зато знающий. Он не только море понимает, но и человека видит насквозь. С таким капитаном не пропадешь.

— А что, мы теперь за «Ермаком» пойдем? — спрашивает анадырец.

— Должно быть. Впереди лед тяжелый.

На трапе показались Воронин, Лавров и капитаны «Анадыря» и «Сталинграда» — Миловзоров и Мелехов. Разговоры смолкли.

Открывая митинг, помполит сказал:

— Совсем недавно появление корабля в далеком море Лаптевых было событием. Имя такого судна облетало весь мир, оно не сходило с газетных столбцов, его рифмовали поэты. А в тысяча девятьсот тридцать пятом году воды моря

Лаптевых бороздят десятки советских судов. И это не является каким-то особым событием.

«О далеком ледяном Севере грезило человечество в легендах. А мы спокойно и планово претворяем легенды в живую социалистическую действительность. Мы осуществляем давние мечты человечества.

«Вы, товарищи, — скромные работники своей страны — выполняя задание партии и правительства, творите легенды.

«Давно ли мы, большевики, принялись за Арктику? А что делаем в ней сейчас! Как же будет грандиозен и велик размах наших дальнейших работ, если уже сегодня мы осуществляем самые дерзкие планы?

«Что обеспечивает наши успехи? Во-первых, советский строй, давший начало плановому освоению природных богатств одной шестой части мира. Во-вторых, то, что армию строителей социализма возглавляет могучий полководец трудящихся — Сталин, вникающий во все детали грандиозного боя с природой, умеющий развернуть перед нами сверкающие перспективы, отыскивающий в каждом факте нашего сегодня зерно будущих еще более грандиозных побед...»

Когда помполит назвал имя Сталина, его покрыл грохот горячих, искренних аплодисментов.

Капитан Воронин начал свое выступление с воспоминаний...

...Это было давно. Тогда капитан был еще юношей. Архангельск провожал в Арктику человека, имя которого носит теперь один из советских пароходов. Архангельск провожал в Арктику Русанова.

Тяжелое молчание стояло на набережной. Знакомые и друзья прощались с Русановым, подавляя рыдания.

— Разве так провожали нас, — спрашивает Воронин, — когда мы отправлялись в пионерский рейс на «Сибирякове»?

Капитан молчит. Слышно, как на корме вахтенный затянул песню.

— Разве так провожали нас? — снова спрашивает Воронин. — Нас провожали радостно. Нас провожали оркестры, улыбки, песни. На набережную пришли колонны трудящихся с красными знаменами. Мы уходили в плавание воодушевленные и обнадеженные.

Характерную деталь вспоминает капитан. Тогда, много лет тому назад, в памятные сумерки, когда прощался с Большой землей Русанов, отважному полярнику приходи-

лось собирать пожертвования среди провожающих. Замечательной экспедиции нехватало средств...

И Воронин пожертвовал тогда полтинник: больше у него не было, он зарабатывал гроши.

Капитан говорит теперь быстрее, глотая слова:

— Когда «Сибиряков» прошел Великим Северным морским путем, мы получили приветственную поздравительную телеграмму от руководителей партии и правительства. В этот день я тоже вспомнил о мрачных сумерках и тишине на набережной, когда уходил на Север Георгий Русанов.

«И сегодня, в большой день истории освоения Северного морского пути, когда «Ермак» стоит к борту с владивостокскими судами, я вспоминаю Русанова, и мне горько, что не живет он сегодня с нами...

«Мы — советские полярники — не нуждаемся в благотворительных подачках. Нам советское правительство дает все — средства, технику, ледоколы, самолеты, радио. Творите и работайте, говорят нам, ищите и открывайте!

«После рейса «Сибирякова» кое-кто говорил мне и Шмидту:

«— Ведь вы еле выбрались...

«Мы отвечали:

«—«Сибиряков» доказал, что путь проходим.

«Сегодня мы чествуем моряков, также доказавших, что Великий Северный морской путь проходим с востока на запад так же, как с запада на восток.

«Много еще нам, полярникам, надо сделать. Надо воспитать и сколотить надежные кадры. Кадры, которые любят свою родину и свою работу. Кадры моряков и зимовщиков для полярных станций, которыми нынче усеяна вся трасса Великого Северного морского пути. Вот, например, радисты Ведь радист порою отвечает за судно так же, как капитан. Здесь часты туманы — мы в течение многих суток не видим земли. Тогда мы полагаемся на радиопеленга, тогда мы доверяемся опытности и добросовестности радиста».

И, пожелав «Анадырю» и «Сталинграду» успешного окончания пути, Воронин сел.

Капитан Миловзоров начал с того, чем кончил Воронин.

— Кадры. Это большое дело — кадры. Чтобы освоить Арктику, нужно придать к нашей великолепной технике преданных и выносливых людей.

«Я давно плаваю на Севере. Помню, как отговаривали нас, молодых моряков, отправляться в северный рейс.

Спуск самолета на воду.

«Нам говорили:

«— Вам угрожает гибель.

«Мы отвечали:

«— Одни погибнут, так придут другие.

«— Для чего мы шли тогда на север? Чтобы купцы могли торговать с местными жителями, обманывать их. Царское правительство никогда не думало о развитии отсталых народностей Севера.

«Когда я однажды появился на реке Колыме на катере, один из якутов спросил у меня:

«— А что, этот пароходик скоро вырастет в большой пароход?

«Теперь среди якутов много культурных, техническиграмотных людей. Великий Северный морской путь несет ослепительные лучи советской культуры в самые уголки Крайнего Севера. Мое старое сердце радуется, когда я смотрю, что делается у нацменов, живущих в Советской Арктике».

Капитан внезапно замолчал. Потом сказал грустно:

— Я стар, товарищи... Но вот, узнав о сквозном рейсе, не выдержал, решил проветрить кости.

И рассказав о переходе, Миловзоров заявил:

— А меня кое-чему научил этот рейс. Я недооценивал, например, значения воздушной ледовой разведки. А теперь мне совершенно ясно, какое это огромное подспорье для капитана.

Потом Миловзоров сказал:

— Да, мы сильны в Арктике. И мы натворим еще на Севере такое, что...

Глаза старого капитана заблестели. Он обвел всех возбужденным взглядом и... сел.

Вслед за Миловзоровым выступил капитан «Сталинграда» Мелехов. Он виновато улыбнулся и признался:

— Выступать я не мастак...

Но Мелехов явно заблуждался. Он сказал совсем не плохо.

— Неудивительно, что все ораторы вспоминают сегодня о маловерах Севера. И мне очень многие говорили: какого чорта вы лезете в Арктику? Вы найдете там лишь лед и смерть.

Мелехов продолжал гневно:

— Мне хотелось бы этим гражданам уважаемым сказать: «Смотрите! Мы нашли в Арктике проходимый путь. И «Сибиряков», и «Челюскин», и «Литке» прошли там. И мы — обычные грузовые суда — идем. Я совершенно уверен, что мы благополучно до Мурманска дойдем и сумеем без ремонта совершить любой рейс».

Одобрительный шопот прошел по рядам.

— Отправляясь в этот ответственный рейс со своим учителем Миловзоровым, я был счастлив, что мне удастся вложить и свою лепту в выполнение правительственного задания. Меня работа на Севере захватывает — она дает мне огромное удовлетворение.

Говоря о пароходах «Сталинград» и «Анадырь», Мелехов заметил:

— Эти выстроенные на советских стапелях суда — большое достижение отечественного судостроения. Но они еще далеко не совершенны.

Кончая свое выступление, Мелехов обращается к морякам с горячим призывом:

— Работа в Арктике плодотворна и полезна. Она и ответственна и напряженна. Надо не забывать, что здесь малейший промах может привести к роковым последствиям. Давайте же работать с особой настороженностью и бдительностью.

Механик «Сталинграда» Тарасюк говорит:

— Наш коллектив в значительной мере состоит из молодых моряков, получающих сейчас полярное крещение. Но для нас Арктика — не дань моде, не очередное увлечение. Мы хотим посвятить жизнь освоению Арктики...

Выступает машинист «Анадыря» Шукшин:

— Наши суда ремонтировались комсомольскими руками. И мы, комсомольцы, клянемся довести пароходы в исправном состоянии до победного финиша.

Машинист «Ермака» Коноплев поздравляет дальневосточников с успехом.

— Ермаковцы приветствуют славных моряков Владивостока и обещают так же ударно работать дальше, как это было до сих пор. Мы вскрыли раньше срока пролив Вилькицкого. Мы провели суда раньше календарного срока на восток. Мы вернемся в Мурманск и Ленинград раньше срока.

В заключительном слове помполит сказал:

— Товарищи, Совет Труда и Обороны обязал нас, уже начиная с навигации 1935 года, приступить к перевозке грузов на коммерческих судах по Северному морскому пути от Мурманска до Владивостока. Я думаю, что нет нужды здесь, на нашем необычном митинге в море Лаптевых, подчеркивать исключительное значение пробной эксплоатации вод Арктики.

«Вспомним: мы начали наступление на льды с Карского моря, с освоения Оби и Енисея, где нас привлекали сибирские хлеб и лес. Мы наладили плавание в Карском море — здесь теперь спокойно курсируют даже иностранные пароходы. Кроме сказочно быстро возрастающих карских операций, мы занялись Леной.

«Мы освоили маршруты в Карском море потому, что привлекли к обслуживанию грузовых пароходов и ледоколы, и авиацию, и многочисленные полярные станции, потому, что оснастили путь маяками и морскими знаками, изучили глубины. Зимовка первого каравана судов, шедших в Якутию, нас не остановила. Второй ленский поход прошел хорошо, а сейчас мы провели досрочно суда третьего ленского похода.

«Больших успехов достигли советские полярники в плавании на реку Колыму с востока. Как шло наступление на этом участке Арктики, слишком хорошо знает находящийся среди нас капитан Миловзоров.

«На фоне общих успехов в Арктике еще ярче выглядит ваша победа, товарищи. Я с большим удовольствием поздра-

вляю весь личный состав «Анадыря» и «Сталинграда» с успешным выполнением задания правительства. И ваш успех вселяет уверенность, что правительственное задание по быстрейшему освоению Великого Северного морского пути будет выполнено с честью и в срок. Ведь Северным морским путем лично интересуется товарищ Сталин».

С большим увлечением говорит дальше помполит о лучезарных перспективах экономического и индустриального развития Крайнего Севера. Он напоминает о соли, угле, нефти, которые уже обнаружены в Арктике. Он напоминает, что на заводах Советской страны закладываются новые сверхмощные ледоколы и суда, приспособленные для плавания во льдах. И он бросает призыв:

— Нам нужны кадры, товарищи! Я обращаюсь к матросам — учитесь на штурманов. Машинисты — учитесь на механиков. Кочегары — учитесь на машинистов. Штурмана — учитесь на капитанов.

В столовой тухнет свет. На белой простыне экрана вспыхивает надпись «Водоворот». Снова слышен говор. Моряки смотрят на экран и тихо шепчутся.

Наши соседи, сидящие на полу двое ермаковцев и анадырец, продолжают прерванный разговор:

— Доволен, что увидел Воронина?

— Да, очень рад. А как вам понравился наш Миловзоров?

— Замечательный человек!

— Золотые же у нас капитаны...

На экране наступает захватывающий момент. Герой, раненый врагом, падает в пучину водопада. Трое друзей умолкают и с увлечением следят за экраном.

Едва кончился киносеанс, широкая палуба ледокола превратилась в оживленный бульвар. Моряки прогуливаются группами. Надо успеть наговориться — когда еще случится встретиться на море-океане. А разлука наступит очень скоро, через несколько часов.

Разными курсами

Это была ночь, которую мало кто заметил.

Утро подкралось незаметно.

Около «Ермака» остался «Сталинград», «Анадырь» отошел чуть в сторону и стал борт о борт с «Литке». Прожорливый «Литке» наполнял свои бункера углем.

Море Лаптевых было спокойно. Появившиеся откуда-то льдины как бы напоминали:

— Не увлекайтесь, товарищи. Море здесь чистое, но совсем недалеко лед.

«Ермак» закончил погрузку угля. Закрыты бункера. Матросы во главе с боцманом скатывают палубу.

Сегодня у нас много новостей. Старейший производственник старший механик Малинин подал заявление в группу сочувствующих. Пять матросов и кочегаров подали заявления в комсомол. Открыта запись в рабкоровский кружок.

... Вечером ермаковцы прощались не только с моряками Владивостока, но и с участником своей экспедиции — политработником. Выполняя предписание Политуправления Главсевморпути, он пересел на «Сталинград», чтобы дойти на нем до Игарки. Пересел на «Сталинград» и находившийся на «Литке» московский журналист Знаменский.

Корабли тронулись в путь.

С отходившего «Сталинграда» недавние ермаковцы махали платком столпившимся на корме ледокола товарищам по рейсу.

VII. Знак на острове Петра

Идея капитана Воронина

Ледокол резко меняет курс. Вместо того чтобы пойти к проливу Вилькицкого, мы почему-то направились дальше морем Лаптевых. «Ермак» шел вдоль берега Прончищева.

Я иду в каюту Воронина за материалом в газету «Сквозь льды».

— А статью в газету я так и не написал,— говорит Владимир Иванович.

Капитан подошел к иллюминатору и посмотрел в него.

— Да,— бросил он, помолчав минуту. — Вот уже восточники и скрылись, а мы...

Он ходит из угла в угол своей каюты и нервно разглаживает усы.

— Я и говорю...

Воронин молчит.

— Конечно, работа на ледоколе прекрасна, — продолжает капитан. — Всякая работа хороша. Но ведь у каждого человека свои думы, свои мечты.

Я сажусь на диван и начинаю дразнить белую ангорскую кошку.

— Осторожно, поцарапает, — предупреждает Воронин. — Впрочем, что такое поцарапанный палец? Когда на душе плохо — это похуже!

— А что такое, Владимир Иванович?..

— Тсс... не торопитесь. Сейчас узнаете. Так вот, я и говорю... Каждый капитан стремится вдаль, и если лаг его парохода отсчитывает новые пройденные мили, он обедает с аппетитом ... А мы... что мы делаем? Конечно, очень полезное дело. Но ведь на нашем Севере еще столько работы в моем духе.

Капитан Воронин за секстаном.

Капитан подошел к карте.

— Смотрите, вот здесь я не бывал ни разу... Здесь только мельком... Тут сильное течение, оно не изучено. А вот сюда скрываются весной тюлени. А вот тут еще не плавал никто. Сюда я чуть не завернул во время поисков Нобиле. Кто знает, могут ли здесь ходить корабли. Но это дело будущего, а пока...

Воронин снова разглаживает свои пушистые усы.

— Владимир Иванович, куда вы пошли сейчас?

— Я об этом и хочу рассказать вам. У меня появилась идея. Теперь мы — как во время антракта в театре. Пока разгружаются в Тикси ленские суда, мы можем посвистывать.

Вот я и решил... В Арктике очень важны навигационные знаки. Для их установки специальные экспедиции посылают. Так почему бы нам не установить навигационный знак, скажем, на островах Петра? На это мы можем потратить свободные от оперативной работы дни.

И, показав на карте острова Петра, капитан рассказывает, почему именно на одном из этих островов полезно установить знак.

Рекогносцировка

«Ермак» шел морем Лаптевых к островам Петра.

На палубе корабельный плотник, челюскинец Баранов принялся обстругивать топором огромный столб. Столб будет установлен на одном из островов Петра.

Острова уже совсем близко. Сегодня утром за чаем охотники утверждали, что они видели в бинокль прогуливающихся на берегу оленей. Кто знает, может быть охотники на этот раз правы.

У всех приподнятое настроение. Побывать на земле, на которой вряд ли «ступала нога человека», — огромная радость для моряка.

В штурманской рубке над картой склонилось несколько человек.

— Хорошо бы знак на горе возвести, — мечтает Жернов,— чтобы он вышел на фоне неба...

— Правильно, — соглашается Воронин. — Так мы и сделаем. А вам, Николай Павлович, я советую приготовить винтовку. Возможно, завтра мы полакомимся гусем или олениной.

— Спасибо за совет, — улыбнулся Жернов, — о винтовке я уже позаботился: протер и на всякий случай принес в рубку. Видите — вот она!

Капитан снова склонился над картой.

— В сущности, — говорит он Лаврову, — берега этих островов нанесены лишь пунктиром. Мы, можно сказать, первое гидрографическое судно, которое приближается к этим берегам.

— Но, позвольте, Владимир Иванович, — возражает Лавров, — я на «Таймыре» плавал в этих краях. Правда, мы занимались лишь морской съемкой...

— А в самом деле, на этих островах бывал человек? — спросил синоптик Носов.

— Да как вам сказать? Возможно, здесь побывали участники Великой Северной экспедиции, — ответил Лавров.

— Это когда?

— Двести лет назад...

Капитан смотрит в раскрытый иллюминатор. Невдалеке повис туман. Виднеются одинокие стамухи и рыжая туша старого тучного моржа.

— Ба... — роняет капитан. — Давайте-ка смерим глубину.

Мы вышли на палубу. Первый штурман перевел стрелку машинного телеграфа на «стоп», второй штурман опустил за борт лот.

— Двенадцать с половиной сажен! — кричит он.

— Двенадцать с половиной? — переспросил Воронин. — Но почему вода желтоватая и песок виден? Попробуем перемерить.

— Есть перемерить!

Снова за борт со свистом падает лот.

— Восемь сажен!

— То-то. Еще раз перемерить. И нельзя ли поточнее!

Проверив глубину в третий раз, штурман подошел к капитану.

— Восемь сажен, — сказал он, застегивая шинель. — На этот раз совершенно точно.

«Ермак» сбавил ход. Мы шли неизвестными глубинами и часто останавливались, чтобы бросать лот. Теперь в воде даже неопытный глаз мог заметить поднятый песок.

Дальше итти рискованно. Воронин приказал бросить якорь. Зазвенела якорная цепь.

Первый снег

Когда мы заканчивали разведку, над морем повисла серая пелена тумана.

Мы стоим на якоре. Экскурсия на острова Петра откладывается со дня на день. Протяжно завывает ветер. По-прежнему туман. За бортом пенятся волны. Выпал первый снег. Кружащиеся хлопья напоминают о приближении зимы. На палубе мокро, скользко, холодно.

Синоптик Носов, держа перед собой раскрытый блок-нот, мечтательно смотрит на волны. Он записывает свои впечатления о походе. Хлопья мокрого снега падают на блок-нот, и химический карандаш расплывается фиолетовыми пятнами.

Надевая на прожектор брезентовый чехол, Баранов говорит мне:

— Чего только не делает матрос! И мыть надо, и убирать, и кранцы вить.

— Тебе, что ж, не нравится быть матросом?

— Да нет, что ты! Я с детства мечтал плавать и особенно на Севере. И еще думаю когда-нибудь написать книгу о моряках... как они живут и что переживают. Только поучиться еще придется...

Слышен мелодичный звон колокольчика — это Нюра приглашает ужинать.

В кают-компании я застал уже накрытый стол. Как всегда, после ужина долго не смолкала беседа.

Летчик Козлов, встав из-за стола, смотрит в иллюминатор.

— Гм! Снова «белые» наступают, — говорит он.

В иллюминатор видны приближающиеся к нам льдины.

Капитан подошел к телефону и отдал распоряжение немедленно потравить якорный канат.

— Хорошо, что ледок появился, — бормочет про себя Жернов.

— Чего же тут хорошего? — удивляется его мыслям вслух молодой гидрограф.

— Где лед — там, говорят, и звери, — отвечает штурман.

— Да, лед серьезный, — соглашается капитан, — завтра мы поохотимся.

Моржи

Капитан и штурман не ошиблись в своих предположениях — рано утром, когда многие еще спали, боцман Швецов убил моржа.

— Вставайте! На палубе морж! На палубе морж! На палубе морж! — суетился Носов, заглядывая в каюты.

Участники экспедиции торопливо одеваются и спешат на палубу. Здесь старший штурман Жернов и электрик Кеванес разделывают кровавую дымящуюся тушу.

— Вот так моржище!

— А посмотрите, какие клыки у усатого чорта.

— Клыки первоклассные.

— Я выдеру на память три волоса из его усов.

— И я, пожалуй.

Научные работники и моряки, впервые плавающие на Севере, с интересом разглядывают моржа.

— А вот и второй! — крикнул сперист Михеев.

Все кинулись к борту.

— Но где же морж?

— В воду ушел!

— Молодец, хорошо, что скрылся, — обрадовалась Нюра.

Три матроса в запачканных кровью сапогах, засучив рукава, принялись помогать Кеванесу и Жернову.

Из камбуза вышел любитель экзотических яств — пекарь Пайгалик. Упершись ногой в жирную тушу, он вырезывает печень. Летчик Козлов облизывается.

— Печень моржа — прекрасное блюдо, — говорит он, — если хорошо зажарить.

Знатоки биологии внимательно изучают содержимое желудка моржа. В желудке они нашли песок, каких-то червей и ракушек.

Закончив разделку, матросы положили шкуру и голову на крышку трюма, а тушу выбросили за борт. По воде разбегаются красные круги. Усатая голова смотрит куда-то безразличным взглядом.

Теперь вахтенные матросы поливают из шланга палубу. Едва они закончили уборку, сперист Михеев снова заметил моржа, и снова у поручней появились любопытные.

— На этот раз не ушел в воду...

— Пули ждет! — раздавались возгласы.

Рыжая туша отчетливо вырисовывалась на льду.

Я вынул бинокль и, пока охотники заряжали ружья и торопили матросов, спускавших на кране шестерку, с интересом разглядывал моржа.

До чего беспечно это огромное, неуклюжее животное! Оно нежится на солнце, забавно хлопает плавниками, вытягивает шею и переворачивается брюхом вверх. Право, наша живая мишень ведет себя более спокойно, чем охотники.

Но вот шлюпка на воде. Оттолкнувшись от борта ледокола, гребцы налегают на весла.

— Счастливой охоты! — кричит с палубы старший штурман.

На льду морж беспомощен, но на воде он силен. И если шлюпка не успеет подойти к льдине, пока морж греется на солнце, охота может кончиться неудачно.

— Ну, как, вы рассчитываете на успех? — спросил синоптик гидрографа.

— Да как вам сказать? Расстояние не маленькое. Отсюда кажется, что близко, а вот попробуй догрести...

— Но вы посмотрите, как они гребут. Нет, они не вернутся с пустыми руками.

— Я с вами не согласен...

Пока гидрограф и синоптик спорили о предстоящей охоте, шлюпка приближалась к льдине.

— Да, изменил свое мнение гидрограф, — видимо, морж не уйдет.

— Не ручайтесь, — возразил на этот раз синоптик. — Он ведь не глух.

— Но он слишком увлечен солнечной ванной.

— Тсс... смотрите.

Вдоволь навалявшись, морж привстал и оглянулся по сторонам. Не приметив ничего опасного, он с большими усилиями передвигается дальше от края льдины, снова поворачивает брюхо к солнцу и начинает почесываться ластами.

— Молодец! — облегченно вздыхают на ледоколе.

— Чем дальше морж от воды, тем легче охотиться.

Гребцам приходится лавировать среди льдов. Они выбрали наиболее длинный путь. Видимо, они решили подойти к моржу сзади и, укрывшись за чуть возвышающейся льдиной, начать стрельбу.

Расстояние между охотниками и моржом все меньше и меньше. На палубе оживление.

— Ну как морж? Пули ждет или удирать думает?

Тех, кто смотрит в бинокль, со всех сторон атакуют просьбами:

— Дай бинокль!

— На минуту!

— Сейчас я верну.

— Да ты постой. Морж заметил охотников.

С любопытством посмотрев на шлюпку, морж похлопал ластами и спокойно улегся на спину.

— Вот молодец! — снова облегченно вздохнули на ледоколе.

Но Нюра была разочарована. Забравшись на самый нос ледокола, она пронзительно крикнула:

— Эй, ду-рак, у-ди-рай...

Морж оглянулся. Я видел в бинокль, как охотники показывали кулаки. А наивный зверь и теперь не тронулся с места.

Еще несколько взмахов веслами, и шлюпка остановилась. Охотники подняли ружья. Морж привстал, потянул воздух ноздрями и застыл. Раздались выстрелы.

Пуля ранила моржа. Видно, как он силится подняться и шевелит ластами.

На палубе тревога.

— Чего доброго, до воды доползет.

— Нет!

Еще выстрел — и морж замер.

Шлюпка подошла к льдине. Один из охотников, держа на всякий случай ружье на изготовке, подошел к моржу, пнул ногой тушу и что-то кричит. Теперь охотники один за другим сходят на лед. Крепко обмотав веревкой клыки моржа, они сталкивают мертвого зверя со льдины. Туша погружается в воду.

— Итак, охота кончилась успешно, — резюмирует синоптик.

— О, да... — соглашается гидрограф.

С трофеем на буксире охотники двинулись в обратный путь.

— А хорошо ли они привязали зверя? — беспокоится Пайгалик. — Сорвется туша, чего доброго.

Видимо, эта мысль занимает и охотников. Один из них наклонился над бортом и в ледяной воде закрепляет узел. Безжизненно свисает поднятая над водой голова моржа.

В тот день от пули погиб еще один зверь. Это был морской заяц. Его погубила любовь к музыке. Любопытный заяц долго плавал невдалеке от ледокола.

Пайгалик, хорошо знающий нравы зверей, стал насвистывать популярную песенку из «Веселых ребят». Теперь заяц, несколько раз показавшись на поверхности, поплыл к «Ермаку» и совсем близко у борта выглянул из воды.

Кто-то из фотографов успел запечатлеть любителя музыки. Но щелкнул не только затвор фотоаппарата, щелкнул и курок.

Заяц погиб от первой пули.

Матрос Петров и водолаз Кирилкин быстро спустили шлюпку. Поднять зайца на палубу не удалось — он затонул.

Пайгалик весь день был не в духе.

— Зачем я свистел? — ворчал он. — Я бессмысленных жертв не люблю.

Пекарь Пайгалик променял спокойную работу в одном из фешенебельных ленинградских ресторанов на скитания по морям полярного бассейна. Он бросил ресторан потому, что ненавидел однообразие. Он не любит шума больших городов. Он любит природу, море, охоту. Чтобы побывать на новом месте, Пайгалик откажется от любых удобств.

Пайгалик много и хорошо работал. Ему приходилось печь

хлеб и булки на 155 человек. Кроме того, Пайгалик добровольно брался печь участникам экспедиции печенье, всяческие крендели, торты и т. п.

— Каждый из нас, — говорил пекарь, — должен стремиться, чтобы все на судне чувствовали себя лучше. Я это делаю, как умею.

Пайгалик не только хороший производственник, но и человек редкой души. Этот скромный, тихий, чудесный человек проявил отчаянную отвагу в гражданскую войну.

Во время встреч с кораблями или посещения зимовок опытный и высококвалифицированный пекарь стремился повидать своих коллег и объяснить им, как надо работать, передать им свой производственный опыт...

— Если бы я только знал, что заяц утонет... — долго сокрушался Пайгалик.

Чтобы утешить пекаря, Воронин показал ему двух моржей, появившихся на льду.

— Жаль, что винтовки у меня нет, — сказал Пайгалик.

— Ружье тебе можно дать, — предложил капитан.

— Хорошо бы пострелять, — оживился пекарь. — Но жалко зверя зря портить.

— Да, мы не зверобойная экспедиция, — согласился Владимир Иванович.

Скоро ветер унес льдину. И мы могли лишь вспоминать о месте, где так недавно хитрые охотники расправились с доверчивым моржом.

Последние новости

Вечером на ледоколе вышел очередной номер газеты. К газете успели привыкнуть, и когда пятидневка истекала, ермаковцы буквально атаковали помполита, наборщика и секретаря редакции расспросами:

— Где «Сквозь льды»?

— Когда выйдет газета?

Наборщик Сумин любил собственноручно разносить газеты читателям. При этом он неизменно приговаривал:

— Есть совершенно свежий номер газеты «Сквозь льды», масса новостей.

Арктическую газету каждый начинал читать с самого главного — с оперативной сводки. Сегодня сводка называлась «Ленские суда разгружаются». Она сообщала следующее:

„«Ермак» стоит у северного острова Петра.

«Литке» провел во льдах «Куйбышева» от мыса Челюскина до бухты Прончищевой и стал на якорь у острова «Комсомольской Правды».

«Крестьянин», «Сталин», «Молотов», «Мироныч» и «Сакко» разгружаются в бухте Тикси.

«Десна» разгружается в бухте Нордвик.

«Русанов» производит разгрузку в устье Индигирки.

«Искра» и «Ванцетти», сдав груз в устье Индигирки, пошли дальше на восток.

«Анадырь» и «Сталинград» Енисейским заливом идут в Игарку. «Рабочий» идет к Колыме.

«Смольный» — на реке Анабаре.

«Хронометр» — в Хатангском заливе.

«Ленсовет» разгружается на острове Котельном.

«Седов» — в Таймырском заливе.

«Сибиряков» стоит у мыса Оловянного в проливе Шокальского.

«Малыгин» на гидрографических работах в северо-восточной части Карского моря“.

В красном уголке Меркурьев прочел сводку вслух.

— Что еще нового в газете? — спросил боцман Швецов.

— Много новостей. Тут целая страница под названием «С востока на запад и с запада на восток идут грузовые суда».

— Это опять про Арктику, а я хочу знать, что на белом свете делается.

— Есть телеграмма о товарище Молотове. Он вернулся из отпуска.

— А что там с планером случилось? Я слыхал...— говорил радист.

— Есть и про планер. Вот. Называется заметка «Новое достижение советского планеризма». Это про полет воздушного поезда в Коктебель... Сорок минут в воздухе продержались.

— А на какой высоте?

— Пятьсот метров.

— А большой поезд?

— Тут сообщается, что в составе одного самолета и семи планеров.

— А вот еще новость. Вчера наши футболисты выиграли у французов со счетом 10 : 3.

— Кто играл от нас?

— Украинцы.

— А что слышно за границей?

— Сейчас, — говорит Меркурьев. — Об этом напечатано под заголовком: «За пять дней»...

В красный уголок входит секретарь комсомольского комитета.

— Эй, Девятко! Тут и для тебя кое-что есть, — говорит Меркурьев, показывая газету.

— А что?

— На материке к МЮДу готовятся.

— Это я знаю. И мы здесь МЮД отпразднуем.

Поминутно раскрывается дверь. Вот зашел пекарь Пайгалик. За ним сперист Михеев и бортмеханик Косухин.

Сейчас в центре внимания старший радист Плотников. Он комментирует оперативную сводку.

— Почему о «Садко» нет известий? — спрашивает кочегар. — Мы как-то ходили выручать «Садко», как бы и теперь не пришлось.

— Ты не волнуйся, — говорит Плотников. — Читал ведь в прошлом номере газеты статью Ушакова. «Садко» продвинулся еще севернее — за Землю Франца-Иосифа.

— А что делает «Куйбышев» в бухте Прончищевой?

— Зимовщиков сменяет. Ты знаешь, кто зимовал в бухте Прончищевой? Журавлев.

— Это не тот ли Журавлев, о котором Лев Кантарович писал в книге «Холодное море»?

— Вот-вот. Он с Ушаковым, Ходовым и Урванцевым зимовал на Северной Земле. Мы его скоро увидим. Я думаю, мы встретимся с «Куйбышевым».

— А зачем «Сибиряков» пошел в пролив Шокальского?

— Он везет Кренкеля на мыс Оловянный.

В красный уголок входит вахтенный.

— Здесь машинист Ерофеев?

— Здесь.

— Скорее к катеру. Капитан отправляется на острова Петра.

Разочарование охотников

В буксируемой на канате шлюпке лежали бревна, доски, топоры и лопаты.

Капитан расположился у штурвала, рядом сидел Лавров с биноклем в руках. Инженер Кен «накручивал» на пленку кинапы удалявшийся от нас ледокол.

— Хорошая погода. Сейчас бы летать и летать! — заметил Козлов.

— Да, погода разгулялась, — согласился Лавров.

Совсем низко над катером пролетают чайки. Теперь хорошо виден берег.

— Смотрите, сколько на берегу моржей! — воскликнул штурман.

— Да-а, тут мы поохотимся, — медленно, как бы прожевывая каждый слог, говорит инженер Кен. — Только вот патронов у нас мало.

Горячая фантазия охотников уже дорисовывает заманчивую картину. Конечно, это богатая лежка моржей. Их много. Некоторые лишь выползают из воды. Как хорошо, что они забираются так далеко на сушу. Предстоит удачная охота.

— Это, несомненно, моржи, — с апломбом говорит штурман. — Я даже различаю клыки.

— Посмотрите... они двигаются.

— А этот вот морж, что стоит справа, наверное их дозорный.

— Подарите мне, пожалуйста, клыки вот этого моржа, что поближе к берегу.

Охотники с жаром наблюдают за лежкой моржей. Кто-то говорит:

— А не поговорить ли в Главсевморпути о создании здесь моржового заповедника?

— Предлагаю инициатора назначить заведующим этим заповедником, — насмешливо предлагает капитан.

Катер чуть меняет направление. Теперь моржовой лежки не видно, ее заслонил высокий мыс.

— А в мешок с продовольствием я так и не заглянул, — говорит Воронин. Он вынул из-под скамейки мешок и развязал его.

— Консервы взяли, — говорит он. — Масло не забыли. Пресная вода запасена. Колбаса и хлеб тоже. А вот есть ли у нас спички?

— У меня есть две коробки, — отзывается Лавров. — Я, когда нахожусь в экспедиции — и спать не ложусь без спичек. Ведь всякое может случиться.

— У меня тоже спички есть, — продолжает капитан, — но интересно, когда нас снаряжали на остров, учел ли завхоз, что необходимы спички.

— Как же. В мешке целая пачка спичек, — сообщает штурман Ветров.

— Это дельно, — хвалит Воронин. — Эх, птахи-черти, не боятся нас совсем.

Пестроцветные зуйчики летят так низко, что хочется привстать, чтобы поймать руками одну из этих дерзких птичек.

— А мы, друзья, воды пресной не мало взяли? — спрашивает капитан.

— Вы не зимовать ли вздумали на островах Петра? — спрашивает у капитана инженер.

— Зимовать не зимовать, — отвечает капитан, — а предусмотреть надо все. — И он продолжает, обращаясь к штурману: — Александр Иванович! Пусть вторая партия захватит на остров боченок с пресной водой.

— Есть, Владимир Иванович.

Острова уже совсем близко. Рулевой уменьшает ход. Замирает мотор. Капитан измеряет багром глубину.

— Можно еще итти...

Катер медленно двигается. Боимся сесть на мель. До берега остается четыре-пять шагов.

— Стоп! — командует Воронин. — Милости прошу прогуляться.

Капитан спрыгивает первым. За ним в воду, достигающую почти до колен, прыгают остальные ермаковцы.

— Итак, приступаем к небольшой проверке качества сапог, — шутит капитан.

— Мои сапоги уже глотнули, — говорит Кен, не забывая при этом вертеть ручку кинапы.

— Ну, вам ничего... два-три глотка и все в порядке. А каково мне! — улыбается Лавров, с сожалением оглядывая свои ботинки.

Подтянув к берегу лодку, моряки разгружают ее. Катер возвращается к ледоколу. Горсточка людей направляется вдоль берега к виднеющемуся вдали мысу, скрывающему моржовую лежку.

Под ногами хрустит галька.

Люди взволнованы. Ведь они идут по земле, по которой, вероятнее всего, никогда не ступала нога человека. Трое идут с винтовками через плечо. Лавров несет небольшой чайник с водой. Остальные несут рюкзаки. Все внимательно смотрят кругом, стараясь запечатлеть эту необитаемую землю в своей памяти...

Лавров нагибается и поднимает что-то.

— Граждане! На острове Петра обнаружен окурок.

Ермаковцы с любопытством обступают Лаврова. Кто-то начинает строить самые немыслимые гипотезы насчет происхождения окурка.

Но не успела еще разыграться как следует фантазия, как Лавров говорит:

— Ба... Эта папироса производства первой Лентабфабрики. Можно ясно различить клеймо.

— Странно.

— Ведь здесь никто не бывал.

— А может быть, кто-нибудь недавно посетил остров?

— Это мало вероятно.

К вящшему разочарованию любителей приключений Лавров устанавливает, что этот окурок родом с... «Ермака». Кто-то выбросил недокуренную папиросу за борт. Остальное сделало течение. При сильном приливе волны далеко заходят на берег.

Летчик Козлов, догнав ушедшего вперед капитана, сообщает ему:

— Владимир Иванович, на острове Петра обнаружен ваш окурок.

Но Воронин увлечен другим. Он заметил на земле каких-то высохших белых раков.

Почти каждый из идущих вдоль берега людей часто нагибается. Они собирают красивые камешки, ловко отполированные морем Лаптевых. Кто-то находит свернувшийся, сморщенный кусок березовой коры. А вот обломки каких-то вылизанных волнами досок, превратившихся в сухой и пористый плавник.

Чуть отойдя от берега, люди ощущают вязкую почву тундры. Сапоги слегка увязают, проваливаются. Некоторые нагибаются и рвут мох. Кто-то заметил олений помет. Помет сухой — видно, олени были здесь давно. Охотники все же снимают ружья и проверяют заряды.

Ледокол уже не виден. Семеро людей ощущают себя одинокими и затерянными на далеком и глухом острове. С нескрываемым любопытством они осматривают его. Он ровен и мертв, как тундра. Местами белеет еще не оттаявший и вряд ли когда-нибудь оттаивающий лед.

Мы чувствуем, что идем в гору. Это хорошо, ведь для навигационного знака нужно самое возвышенное место.

— Вот и мыс. А где же моржи? — насмешливо спрашивает капитан охотников.

— Должно быть, они с другой стороны острова.

— Нет, — возражает капитан, — мы видели именно эту сторону. А за моржей вы приняли вот эти камни и эти выступы.

Неловкая пауза.

— Приходится признать, что...

— ...моржей действительно нет.

— А может быть, они были, да ушли в воду...

— Нет. Моржей нет и не было.

— Зато есть олени.

— Не олени, а оленьи следы.

— Вот это вернее...

У костра

Капитан наводит бинокль на «Ермака» — он виден. Там сейчас снаряжается вторая группа. За борт летят бревна и доски.

Капитан крепко ругается.

— Так повредить можно... что же это вы.

Снова раздается ругательство, которого не слышно там, на ледоколе.

Капитан и гидрограф всячески оценивают мыс со всех точек зрения. Они отходят шагов на двести вглубь острова и смотрят оттуда на море. Лавров остается там, а капитан быстро бежит к самой воде. Потом возвращается к гидрографу.

— Место подходящее! — говорит Воронин.

— Так поставим здесь, — предлагает Лавров.

Гидрограф и капитан тащат камни и складывают из них небольшую пирамиду. Воронин уходит и через минуту возвращается с охапкой сухого плавника.

— Надо костер развести.

Все расходятся за топливом. У будущего очага складывают ружья, фотоаппараты, сумки.

Помполит приносит огромное бревно. Сняв кожаное пальто, капитан берет топор и принимается за колку дров. Куча плавника разрастается. Теперь приходится вытаскивать плавник из сырого песка. Все валявшиеся на берегу куски дерева уже снесены к костру.

Кто-то, устав от работы, усаживается прямо на груду пальто. Инженер возмущается.

— Если уж хотите сняться, так лучше скажите прямо. Ведь вы уселись на киноаппарат.

Капитан аккуратно складывает плавник и приготовляет все для костра. У берега тихо колышется море. Прилив уже кончился, часы отлива еще не наступили. Яркое пламя света на небе выдает спрятавшееся за облаками солнце. Пахнет гарью. Это Воронин разжег костер.

Капитан умело рубит плавник и подбрасывает в костер.

— Чувствуется, что я в деревне вырос? — подмигнув, спрашивает Воронин.

— По-моему, вы выросли в море, — улыбаясь, замечает Лавров.

— Но родился в деревне. Вот, значит, и умею костер развести.

Из-за облаков выглянуло солнце. Сухо потрескивает горящий плавник.

— Теперь отправимся за оставленными там, за мысом, вещами, — предлагает капитан.

Ермаковцы идут обратной дорогой вдоль берега.

— Хороший костер,—оглянувшись, одобрительно говорит Лавров.

Вернувшись, мы принимаемся за еду. Мы вынимаем продукты из мешка. Сушеная колбаса салями, по прозвищу «верблюжья пятка», с трудом поддается перочинному ножу. Жирно лоснятся откупоренные мясные консервы. Некоторые, не дожидаясь очереди на нож, рвут хлеб руками. Хорошо бы вскипятить чай, да маленький чайник, в котором захватили пресную воду, уже опустошен.

— Ничего, —утешает капитан.—Скоро привезут водички.

Летчик Козлов черпает пригоршнями воду из снежной болотистой лужи и кипятит ее в чайнике. Так как чашек не оказалось, чай пьем из крышки чайника. Кипяток обжигает губы. Надо спешить — остальные с нетерпением ждут своей очереди.

Скоро освободилась пара консервных банок, и, вымыв их, мы получили подобие кружек. В это время на пути к острову находился караван. Его возглавлял катер. За ним тащились ледянка и целая связка бревен и досок.

Дым от костра привлек внимание матросов, и они изменили направление катера.

Караван идет на костер.

Допив чай из консервной банки, капитан вытер усы и сказал:

— Как начальник нового порта на острове Петра, я направляюсь встречать первый пароход. . .

Вглубь острова

Капитан быстро пошел к успевшему подчалить катеру. Водолаз Кирилкин в длинных резиновых сапогах, достигающих до пояса, шествует по воде. Он подтаскивает к берегу связку пиломатериалов.

Матросы дружно принимаются за работу. Бревна и доски надо доставить к месту постройки навигационного знака. Туда нужно снести топоры, лопаты, ящики с инструментом, гвоздями и т. д.

Скоро все стройматериалы оказались у каменной пирамиды. Наступила тишина, нарушаемая тяжелым дыханием уставших людей. У многих в сапогах хлюпает вода. Они подпрыгивают, чтобы согреть ноги.

Воронин и инженер Кен ушли вглубь острова. Я решил догнать их.

На стройке знака уже закончена передышка. Матросы приступили к работе. Боцман измеряет расчерченную площадку шагами. Плотники подготавливают инструмент. Каждый занят делом.

Я уже отошел далеко от берега. Одиночество располагает к рассуждениям. Почему-то вспомнилось, как оборвал сегодня капитан инженера, когда тот пытался заснять его. Воронин сказал: «Идите лучше бревна таскать». Капитан скромен. Все значительное просто и бесхитростно. Вот сейчас ермаковцы творят большое дело, устанавливая на глухом острове навигационный знак. Но никто из них не позирует, не декламирует пышных фраз. Все с головой ушли в работу. Как мало бывает похожа жизнь на то, как ее подчас изображают в иных книгах.

Я с наслаждением вдыхаю чудный чистый воздух. Оглядываюсь. Людей уже не видно, ледокола также. Настроение снижается. Прогулка прекрасная. Но ведь это не Лахта или другой какой-нибудь пригород. Еще заблудишься, и никто твоих костей не отыщет.

Размышляя об этом, я убыстряю шаг, то взбираясь на холмы, то скускаясь с них.

Наконец замечаю вдали две фигуры. Пытаюсь догнать их. Кричу. Но голос гаснет в тундре. Пробую бежать. Силы еще не успели иссякнуть, но людей уже не видно.

«Не сбиться бы с пути», думаю я. Ноги вязнут в болоте. Когда прибавляешь шаг, они утопают еще сильнее. Надо приноровить шаг к коварной почве.

Так проходит час. Тишина. Легкий ветерок едва колышет стебли хилых трав. Сырая земля испещрена морщинами трещин.

Впереди за холмом показались двое. Я направляю свой шаг прямо к ним. Иду по обнаженному дну небольшого залива. Гнилой полуистлевший плавник рассыпается от прикосновения. Ил безжалостно затягивает сапоги. Кое-как, часто приседая, одолеваю проклятое место. Мокрый песок беспощадно засасывает.

Двое делают привал. Это облегчает мою задачу.

Капитан предлагает на знаке прибить дощечку, на которой написать, кем он установлен и что это за место. Он вынимает блок-нот и принимается составлять текст надписи.

— А что, долготу и широту указывать будем? — спрашивает инженер.

— Обязательно.

— Определяться придется.

— Можно обойтись и без определения. Проставим местность по карте.

Капитан пишет в блок-ноте: «Знак на северном острове Петра поставлен ледоколом «Ермак» в августе 1935 года. Приближенное место: северная широта 76°42′ и восточная долгота 112°40′.

Пока капитан углубился в составление надписи, инженер щелкает фотоаппаратом, незаметно снимая его.

Мы возвращаемся. Снова вязнут сапоги. Я жалею, что не одел портянок, и проклинаю завхоза, выдавшего непомерно большие сапоги. Я ругаю остров Петра за его подлую почву.

Едва придя на место постройки, начинаем работать. Уже вбиты в землю бревна-подпорки. Чтобы сделать это, пришлось затратить много труда. Лопата и кирка с трудом одолевали вечную мерзлоту.

Постройка знака

Предстоит поднять самый столб с досчатым квадратом верхушки. Весит он довольно много, а никаких подъемных механизмов, кроме человеческих мускулов, нет.

Первые попытки не привели ни к чему. Наконец, дружно запев «дубинушку», под четкую команду капитана, ермаковцы поднимают в небо высоченный столб.

Небо просветлело. Горизонт запылал алым заревом. Море

шелестит волнами. Небо такого же цвета, как море; кажется, что и на нем движутся волны.

— Хорошее место выбрали для знака, — говорит Лавров.

— Да, это самая высокая точка острова, — соглашается капитан.

— Вот, установим знак, — задумчиво произносит Лавров, — и рыхлый оползающий берег мертвого острова заживет. И станет радостно на душе у капитана, который забредет в эти места. Он увидит наш знак и подумает: «А ведь здесь был человек». Увидит знак, сличит его с лоцией и убедится, где судно.

— Да, навигационные знаки — большое дело, — соглашается помполит. — Если бы все моряки так сознательно и культурно относились к своему делу, как Владимир Иванович, мы имели бы не мало таких знаков. Ведь бывают у судна, плавающего в Арктике, моменты вынужденного простоя. Так вот, прояви смекалку и подумай: а нельзя ли здесь на берегу, у которого стоишь, установить навигационный знак?

— Для установления знаков снаряжают специальные экспедиции.

— Пожалуй, наш знак самый дешевый.

— Но далеко не самый плохой, — чуть было не обиделся капитан.

Летят щепы. Забравшись на высокое деревянное сооружение, плотники доделывают верхушку. Скоро бесформенное нагромождение бревен и досок станет похоже на один из рисунков, какими пестрят мореходные лоции.

Я записываю в своем блок-ноте хроникальную заметку для очередного номера печатной газеты ледокола:

«26 августа, по инициативе т. Воронина, на северо-восточном мысу северного острова Петра ермаковцы установили навигационный знак. Высота его над уровнем моря—20 метров, над уровнем земли 10 метров. Работа по установке знака проведена ударными темпами в течение пяти часов. Группа ермаковцев высадилась на остров в пять часов вечера. А в десять часов вечера капитан Воронин прибил металлическую дощечку с обозначением координат. Отныне все суда, плавающие в море Лаптевых, проходя мимо острова Петра, будут ориентироваться по ермаковскому знаку».

VIII. Ленские суда возвращаются

Собрание

Когда в красном уголке ледокола происходят общесудовые собрания, в каютах, коридорах, кубриках, на палубе становится безлюдно. Корабль в такие моменты кажется необитаемым. На общесудовое собрание спешат все, кто не занят на вахте.

Столовая переполнена. Сквозь открытый иллюминатор вливается освежающая струя воздуха. Председатель судового комитета Сорокин, открыв заседание обычными для него прибаутками, дает слово старшему механику Малинину.

В столовой — тишина. Малинин говорит тихо, а то, что скажет старый ермаковский ветеран, должны знать все. Старый механик расскажет сейчас об итогах социалистического соревнования.

— Вы знаете, товарищи, — говорит Малинин, — что так же, как киль корабля обрастает в море ракушками, так и обязательство нашего ледокола после обсуждения на всех вахтах обросло сотней индивидуальных социалистических обязательств.

Заглянув в тезисы, механик продолжает:

— Нарушений соцобязательств было немного. Они все на виду у нас. Был один случай ухода с вахты без разрешения. И потом подогревы...

Из рядов слышится:

— А с пожогами как?

Малинин отвечает:

— Не было пожогов.

Шопот одобрения проходит в аудитории.

— От Ленинграда до Мурманска, — говорит докладчик, — мы шли девять суток. Механизмы работали прекрасно. Было

только одно происшествие — морская стихия сломала капитанский мостик...

Малинин кончил. Председатель судового комитета перечисляет, кто на ледоколе еще не включился в соревнование.

— Радисты — раз. Комсостав—два. Из штурманов —один Ветров взял обязательство.

Капитан с места:

— Радисты работают хорошо.

Предсудкома:

— Я не говорю, что и комсостав выполняет плохо свои обязанности. Но почему социалистического соревнования чураются, как чорт ладана?

Затем председатель судового комитета говорит о кочегарах:

— В первой вахте два производственных нарушения. У кочегаров второй вахты — один случай. А вот в вахте Иостмана...

С места:

— Ты все о нарушениях. Лучше скажи, кто как работает.

Докладчик:

— Всякому овощу свое время. И до работы дойду.

Рассказав про трудовую дисциплину в вахтах Еремина, Полякова и Константинова, предсудкома сообщает, что на совести у матросов шесть мелких нарушений.

С места:

— А как у кочегаров с производительностью труда?

Предсудкома подробно отвечает. И продолжает свой доклад, не отрывая взгляда от табелей с цифрами.

Лавров дает хороший отзыв о работе ермаковского коллектива, в результате которой ледокол досрочно выполняет свой производственный план.

Большой, мускулистый здоровяк, кочегар Тараск всегда говорит громко, с огромным чувством, но не вполне гладко.

— Мы, кочегары, как есть, должны в общем и целом дать образцы в соревновании... Пар держать на марке... С честью работать... чтобы на берегу нас в городе Ленина с музыкой встретили!

Судовой механик выступает рекордно кротко. Он говорит всего лишь одну фразу:

— О чем говорить, — не плохо работали, но надо еще лучше.

Лаконическую его речь моряки покрывают дружными аплодисментами.

Кузьма Петрович Малинин,
старший механик „Ермака".

— Это очень хорошо, что вы так настаивали на точных цифрах, — начинает свое выступление Воронин.—Значит, вы болеете за суть социалистического соревнования.

Речь капитана слушают внимательно.

— Я ухожу с плохим осадком на душе, — заявляет Воронин, — по-моему судовой комитет плохо организует социалистическое соревнование.

Согласившись с большинством выступавших, председатель судового комитета переходит к традиционным на каждом общем собрании вопросам и ответам.

Моряки спрашивают:

— Что делает Главсевморпуть, чтобы закрепить постоянные кадры?

— Как будет в этом году с полярным отпуском?

— Что будем делать, если досрочно закончим план?

— Где сейчас находится пароход «Ванцетти»?

Вслед за завпродом, сообщившим, что фрукты выдадут на днях, а картофеля в супе стало меньше потому, что он на исходе, — капитан подробно отвечает на все вопросы, касающиеся навигации и общей работы Главсевморпути.

А потом слово предоставляется киномеханику Саше Петрову. На экране появляется маленький красный петух — производственная марка старинной кинофирмы братьев Патэ. Мелькают названия короткометражки: «Ермак» — сильнейший в мире ледокол».

Раздаются одобрительные:

— Вот это интересно!

— Откуда раскопали?

Но реплики заглушает струнный оркестр под руководством Додонова. На экране двухтрубный красавец «Ермак» режет лед. На капитанском мостике ледокола появляется, согласно титра, капитан второго ранга в отставке Фомин. Ледокол идет где-то на севере. По льду бегут какие-то островитяне, охотники за тюленями. .

Шторм

От сильного толчка книга вываливается из рук. Нагнуться и поднять ее, даже не вставая с койки, — это свыше сил. Еще толчок: теперь книга и сапоги летят в коридор, а из коридора в кают-компанию. Там сейчас обед. Вместо двух столов накрыт только один, да и за ним сидит не больше шести человек.

Сапоги уже «добрели» до кают-компании. Слышен смех.

— И сапоги есть захотели. . .

— Кто это вместо себя обедать сапоги присылает?

Странно: люди еще способны шутить и смеяться. Видимо, они легко переносят качку.

. . . Уже вторые сутки корабль швыряет из стороны в сторону с методичностью маятника. В моей каюте от стены оторвался плотно приколоченный шкаф, он упал на пол и поминутно заводит причудливый танец, подсказанный ему суматошными волнами моря Лаптевых. В каюте на палубе валяются спички, мыло, синие очки. В чемоданах грохочут

камни с острова Петра, по коридору катятся десятки консервных банок.

Многие научные работники не встают с коек. Надо покрепче охватить железные прутья койки, чуть раскачиваться и привставать, чтобы перехитрить качку и хоть немного поднять баланс своего самочувствия.

Я стараюсь припомнить, где и когда я испытывал подобные ощущения. Вспоминается ленинградский Народный дом с его американскими горами. Я вижу вагонетки, медленно ползущие в туннели. Справа — по-вечернему темная Нева и затерявшиеся в тумане улицы, слева сверкающий огнями сад: ресторан, киоски, клетки зоосада... Вагонетки поднимаются все выше и выше, вот они на вершине горы, еще секунда — и они стремительно оборвутся вниз. Захватывает дух — мы летим в тартарары.

Нет, американские горы лишь легкое щекотание нервов в сравнении с томительным однообразием качки.

Нечто подобное я испытывал месяцев пять тому назад. Это было в трехстах метрах над землей. Мелькали зеленеющие леса, расчесанные полосы вспаханных полей, голубые речушки, широкая белая лента Московского шоссе, игрушечные поезда, разукрашенные флагами здания, отливающие нефтяной радугой Фонтанка и красавица Нева, перехваченная железным корсетом мостов.

Рядом со мной у окна гондолы дирижабля, парящего над первомайским Ленинградом, стоял корреспондент кинохроники.

— Смотрите, какая панорама! — поминутно повторял он, не отрываясь от ручки аппарата.

Когда дирижабль попадал в воздушную яму, казалось, что улицы вместе со зданиями, трамваями и автобусами привстают и кланяются. Эти «приветствия» оператору не удалось заснять. В моменты резких толчков он опускался в кресло и смотрел на меня тусклыми, ничего не выражающими глазами живого мертвеца. Я понимал его без слов...

...В каюту постучались.

Штурман Богомолов прервал мои размышления. Он только что пообедал, потирая руки, рассказывает последние новости.

— На плите опрокинулась кастрюля с компотом: в супе плавали сушеные яблоки.

Богомолов закурил трубку, поднял очки и мыло и присел на край моей койки.

— Даже коровы — и те укачались, — сказал он, — мычат, перекатываются с бока на бок. Когда мы обедали, сильный толчок выбросил корову на палубу. Хорошо, что вахтенные матросы заметили, они успели придержать ее у леeров и, воспользовавшись обратным толчком, загнали в «хлев»... А теперь, — улыбнулся он, похлопывая меня по спине, — одевайтесь. Если вы не выполните мой приказ, я, по примеру Фотия Крылова... Вы читали интересную книгу Михаила Розенфельда «Ледяные ночи»?

— Читал.

— Так вы должны помнить, как начальник Эпрона Фотий Крылов насильно выводил на палубу укачавшихся и как они на берегу благодарили его. Поверьте, вам свежий воздух не повредит.

Я с сожалением покинул койку.

— Ну, а как команда — хорошо себя чувствует? —спросил я, когда мы вышли в коридор.

— Все на местах,— ответил штурман.

— Что же, вы из другого теста сделаны?

— Привычка — раз. Дисциплина — два.

Двое суток волны швыряли корабль из стороны в сторону с такой силой, что человеку было трудно устоять на ногах, но вахтенные матросы, кочегары, механики, штурманы — все были на своих местах.

...К вечеру волны улеглись. Море было покрыто лишь едва заметной мертвой зыбью.

Морская болезнь, как известно, замечательна тем, что проходит быстрее всякой другой. Стоит прекратиться качке — и на столах появляются закуски, на лицах — улыбки.

О чем сообщило радио

Незаметно прошедшая в беседах ночь сменяется утром. Сколько таких бессонных ночей провели участники рейса в кают-компании и на палубе. Они никогда не забудут этих холодных арктических ночей, согретых задушевной беседой.

За утренним чаем старший помощник капитана объявил общую приборку. У кладовой выстроилась длинная очередь моряков и научных работников, меняющих постельное белье, на палубу выносят матрацы и подушки. Реллинги расцветают белыми простынями. На палубе весело, звенит смех.

Скоро смех сменился печалью. Радист поймал телеграмму ТАССа о смерти Анри Барбюса. В полдень 31 августа

1935 года ермаковцы читали в только что выпущенном очередном номере печатной газеты «Сквозь льды» под рубрикой «В последнюю минуту» короткое сообщение:

«30 августа в Москве в Кремлевской больнице скончался великий французский писатель, пламенный революционер, лучший друг и защитник Советского Союза Анри Барбюс».

А через полчаса после выхода газеты в красном уголке появилось объявление, приглашавшее всех ермаковцев на митинг, посвященный Анри Барбюсу.

Радио принесло в тот день и другие вести. Телеграмма из Тикси сообщала, что «Крестьянин», «Молотов», «Сталин», «Сакко» и «Мироныч», закончив грузовые операции, вышли в море из Усть-Ленского порта.

Ленские корабли закончили разгрузку на семь дней раньше срока. За последние дни на «Ермак» в штаб навигации западного сектора Арктики — пришли победные вести со всех кораблей и зимовок.

«Десна» заканчивает разгрузку в бухте Нордвик. «Рабочий» разгружается в Колыме, владивостокские пароходы «Анадырь» и «Сталинград» уже прибыли в заполярный порт Игарку и приступили к погрузке леса, «Сибирякову» удалось пробраться к мысу Оловянному. Команда «Сибирякова» помогла Кренкелю и его товарищам на новой зимовке собрать дом.

«Ленсовет» уже успел свезти Соколова на остров Котельный и сейчас подходит к Тикси.

Лишь «Русанов» очень медленно разгружался на Индигирке. Малые глубины не позволяли ему подойти достаточно близко к берегу. Шторм и туман на целые сутки приостанавливали работу русановцев.

Воронин послал на «Ленсовет» радиограмму-молнию, предлагающую ему направиться в Индигирку, чтобы помочь разгрузке «Русанова».

Полярные сумерки

Судя по сообщению из Тикси, мы скоро встретимся с возвращающимися на материк головными ленскими судами.

Через пару часов после весточки из Тикси состоялась встреча.

Радист передавал в Ленинград в адрес редакции мою телеграмму:

«Произведя ледовую разведку море Лаптевых «Ермак» на семьдесят шестой параллели встретил «Молотова» «Крестьянина» возвращающихся из Тикси тчк Пароходы обрадованно обменялись приветствиями тчк Это начало успешного окончания ленских операций тчк Итоге дружной ударной работы моряков и зимовщиков суда закончили разгрузку у Тикси на неделю раньше срока тчк Через сутки рассчитываем встретить остальные суда ленской экспедиции «Товарища Сталина» «Сакко» «Мироныча» тчк Ленские суда пройдут теперь Игарку за лесом тчк Флагману Ермаку предстоит провести через море Лаптевых и пролив Вилькицкого ленские суда тчк Вечером встретили лед».

Ермаковцы ликовали. Часы пробили полночь, а из кают-компании никто не расходился. Мы оживленно обсуждали предстоящую встречу.

— Суда вышли из Тикси на семь дней раньше срока, — сообщил капитан.

— Толково, очень толково! — сказал помполит.

— У меня сердце радуется, — делился своими переживаниями Лавров. — Я чувствую себя немного пайщиком в этом великом деле. Разве думали мы двадцать лет тому назад, что так скоро в этих местах, где мы шли, глядя в лицо неизвестности, уверенно и спокойно пойдут флотилии судов...

— Пока дела идут неплохо, — потирая руки, сказал Воронин.

— Уже сорок минут первого, — замечает, посмотрев на часы, Лавров. — Это значит, что наступило первое сентября.

— Сентябрь... сентябрь — лучший месяц для отдыха на Кавказе, — сказал Жернов. — Там сейчас жарко и поспевает виноград.

— А у нас здесь осенью пахнет.

— В сентябре в Арктике уже вечереет,—говорит Воронин.

Капитан подходит к иллюминатору.

— Посмотрите, как темно... Уж солнце устало, спряталось. Не пойти ли вам спать?

Участники экспедиции разошлись по каютам. Алексей Модестович, неизменно бодрствующий, вышел на палубу. Он смотрит в темнеющую даль горизонта, обозревает небо, чуть озаренное разноцветными запоздалыми лучами спрятавшегося солнца, и говорит мне:

— Такие ночи не созданы для спанья.

Море окутано робкой темнотой полярных сумерек. За «Ермаком» из серой тьмы весело мигают огоньки «Крестья-

нина» и «Молотова». Корабли идут быстро. Они торопятся домой.

Темнота придает окружающей обстановке новый, своеобразный колорит. Холодные сумерки гармонируют с молчаливым суровым ландшафтом. На темносерой воде белеют бесчисленные льдинки.

Горизонт загорается пурпурным заревом. От него по слепому беззвездному небу стелются багровые дымки.

Лавров обходит палубу. Оказывается, она не так уж пустынна. Кучка матросов слушает вдохновенный рассказ пекаря Пайгалика о том, как наступает здесь осень и в какие цвета она окрашивает море, льды и небо.

Тихо, задушевно и просто рассказывает Пайгалик. Он также чувствует Арктику, переживает каждый ее пейзаж, как и Лавров, как и капитан Воронин, который, стоя на капитанском мостике, мечтательно смотрит вдаль.

Место, которым идет «Ермак», еще не настолько исследовано, чтобы капитан мог долго безмятежно любоваться природой. Не находя ясного ответа на карте, Воронин предлагает штурманам мерить глубину. В воду летит лотлинь. До дна двадцать метров. Еще раз корабль останавливается, и лотлинь ощупывает дно. Девятнадцать метров.

Рано утром на имя Воронина приходит телеграмма с «Литке».

«Вижу вас тчк Кромка примерно 77,15 к весту льда меньше Гуттерштрассе».

Не прошло и часа, и вдали появился едва приметный силуэт быстроходного «Литке», торопящегося в запруженную льдом бухту Прончищевой на подмогу «Куйбышеву». «Литке» должен провести этот пароход до островов «Комсомольской Правды».

Айсберг

Снова сходят с ума вещи. Запертые двери срываются с замков. На обеденных столах появляются деревянные клетки, предохраняющие посуду от падения. Буфетчица Нюра тщательно привязывает самовар, рвущийся в прогулку.

Ледокол ложится в дрейф.

Едва приноравливаешься к нетрезвой походке ледокола, как боковая качка сменяется килевой.

День растворяется в сумерках. За нами в неясной дымке огни «Молотова» и «Крестьянина».

Пароходы, бункера которых пусты, качает еще сильнее, чем «Ермака».

Утром оказалось, что пролив Вилькицкого уже пройден. Но Карское море встретило еще большей качкой.

Где найти место, чтобы укрыться от шторма? Стать на якорь? Близ острова Нансена — рискованно: волны могут выбросить на берег. Остается «топтаться» на месте, едва сопротивляясь бешеным волнам.

Появляется туман.

Сквозь туман ермаковцы заметили не далеко от ледокола огромную глыбу льда. Над этой глыбой немало потрудились ее архитекторы — мороз и ветер. Они создали замысловатую ледяную крепость с фортами и бастионами. Сделанная из синего прозрачного льда, обсыпанного по краям снегом, она блестит. На одном из ее фортов заметны черные точки. Это присевшие отдохнуть чайки.

Неожиданно возникшая льдина кажется неправдоподобной.

Не мираж ли это?

Нет, это не мираж.

Гонимая волнами крепость-глыба двигается. Она спешит неведомо куда. Вот она повернулась. Ермаковцы видят резко обрывающуюся стену.

Заунывно свистит ветер.

Ермаковцы любуются редкой картиной.

— Айсберг втрое выше парохода.

— А под водой он в несколько раз больше своей надводной части.

Матросы спрашивают у гидрографа:

— Откуда родом эта глыба?

Лавров считает, что айсберг, очевидно, путешествует от Северной Земли. «Ермак» сейчас ближе к ней, чем к Таймырскому полуострову.

Алексей Модестович не сводит глаз с окружающего нас моря.

— Родные места, — говорит он. — Когда-то мы шли здесь и открыли Северную Землю. Помню, как удивлялся нашему открытию Свердруп. Ведь до нас ходили тут и Амундсен, и Норденшельд, и норвежцы. Но никто не замечал Северной Земли.

Фотографы не отрывают аппаратов от удаляющегося айсберга. Но мутный дождливый день едва ли способствует их успеху.

— Красивая штучка айсберг, — одобрительно замечает доктор Розе.

— И опасная, — добавляет капитан. — Однажды мне навстречу попался вот такой же айсберг. Мы спокойно любовались им. Вдруг я услышал резкие свистящие звуки. Я почувствовал что-то угрожающее в них и инстинктивно дернул ручку машинного телеграфа, дал задний ход.

Воронин делает паузу.

— Мы быстро отдалялись от айсберга. И уже сделав нужное, я осознал опасность, которую мы счастливо миновали. Спустя мгновение айсберг перевернулся, обрушился своей чудовищной тяжестью на место, где еще недавно был корабль...

Ветер уносил айсберг все дальше и дальше.

„Дальнейший путь продолжайте сами"

Не отрывая глаз от бинокля, Воронин говорит:

— Не земля ли это?

Капитан долго всматривается в горизонт.

— Да, что-то чернеет, — соглашается старпом.

Оба заходят в штурманскую рубку и наклоняются над картой. Судя по предполагаемому местоположению корабля, земли близко не должно быть. Но ведь дрейф и туман могли сбить ориентировку.

Капитан выходит на мостик и, осмотрев внимательно горизонт, командует:

— Стоп!

— Есть стоп.

— Ведь это же земля. Где мы?

Через минуту капитану становится ясно, что это виднеется Малый Таймыр.

Гудки флагмана предупреждают «Крестьянина» и «Молотова» слушать радио. Раздаются гудки — короткий, длинный и короткий. Из предосторожности капитан предлагает выпустить якорь. Проходит две минуты, а якорь еще не выпущен. То ли боцман, то ли штурмана замешкались.

— Почему копаетесь? — кричит капитан.

Штурман растерянно улыбается. Потом необыкновенно расторопно спускается на палубу и помогает боцману выпустить якорь.

Капитан ругает гидрографов:

— Посылают бесчисленные экспедиции. А вот в местах,

где кипит навигация, неясные глубины. Надо оморячить гидрографов, сомкнуть научные планы с практическими интересами.

Лавров соглашается.

— Побольше бы в наши гидрографические заведения моряков, прочувствовавших море, переживших много бессонных ночей на мостике.

Капитан что-то спрашивает у штурмана. Тот неопределенно бормочет в ответ. Воронин ожесточенно:

— Штурман! Вы обязаны иметь свое мнение.

Воронин вспоминает, как он, будучи штурманом, плавал с одним старым капитаном, который глушил инициативу штурманов, бранил их за самостоятельные суждения и даже карту прятал, облекая свой опыт и знания пеленой секретничества.

Уточнив местоположение «Ермака», капитан сообщает его по радио на «Крестьянина» и «Молотова». Ледокол гудками говорит пароходам:

— До свидания. Дальнейший путь продолжайте сами.

«Ермак» поворачивает. Мы идем назад навстречу остальным ленским судам. Широкий пенящийся канал за кормой пуст. Мы снова попали в мертвую зыбь моря Лаптевых.

Зыбь осложняла поиски судов.

Входим в лед. Но качка не укрощается.

— Что это там темнеет вдали? — спрашивает штурман.

— Это льдина, — отвечает капитан.

Лишь спустя два часа непрерывного вглядывания в ледяную пустоту ермаковцы приметили три черных пятна. Вскоре мы услышали отдаленные гудки, похожие на мычание.

Пароходы уже близко. Палуба ледокола становится оживленной, как улица.

Воронин машет капитану «Мироныча» темным платком. У предусмотрительного капитана носовые платки сделаны из темного материала. Ведь белый платок быстро запачкается.

Теперь пароходы кажутся больше, чем были, когда «Ермак» проводил их в море Лаптевых. Облегченные от груза, они высоко сидят над водой.

Снова раздаются короткие гудки взаимных приветствий.

Пароходы дисциплинированно выстраиваются за флагманом. На горизонте белеет ледовое небо. «Ермак» стремится как можно скорее вывести идущие в кильватере пароходы из моря Лаптевых.

На следующий день караван судов во главе с «Ермаком» был уже в Карском море.

Входя в пролив Вилькицкого, мы получили радиограмму с «Крестьянина»:

«Прошу уменьшить ход зпт дав нам возможность догнать вас зпт мы было увидели Ермака зпт но из-за тумана потеряли из вида тчк Модзалевский».

Ледокол уменьшает ход

Гудки — длинный и короткий — и капитаны идущих сзади судов переводят стрелку машинного телеграфа с полного хода на средний.

«Сакко» обгоняет «Ермака». Мы вынуждены еще сбавить ход, чтобы не наскочить на вырвавшегося вперед «Сакко». А сзади нас настигает почти в корму «Товарищ Сталин».

Воронин кричит в рупор капитанам судов:

— Соблюдайте порядок.

Пароходы послушно выстраиваются сзади. У капитана становится легче на сердце. Он смотрит на идущие строем суда:

— Вот и выводим ленский караван назад... Выходит, что скоро конец навигации.

В голосе Воронина проскальзывает нотка сожаления.

— Я слишком люблю море, чтобы радоваться возвращению на берег, — признается капитан.

— Но ведь скоро же опять пойдете в море, — говорит редко покидающий капитанский мостик Лавров.

— Да... — роняет капитан.

— Сейчас сентябрь. Недалеко и до зимы, до зимней навигации.

— Да... — задумчиво повторяет капитан. — В Ленинград мы попадем должно быть в конце октября. Незаметно пройдет ноябрь. А декабрь наверное выгонит «Ермака» в Финский залив.

Вахтенный заносит новую телеграмму с «Крестьянина». Вот она:

«Прошу сообщить точку вашего поворота у Челюскина и каким курсом вы легли Модзалевский».

Вскоре к ледоколу и трем ленским судам присоединилось еще два — «Крестьянин» и «Молотов».

Совсем повеселевший Воронин теперь стал думать о другом. Местоположение пароходов его уже не волнует. Он обдумывает теперь, где бы еще ермаковцы могли установить навигационный знак.

— А в проливе Вилькицкого не мало кораблей ходит нынче, — говорит штурман Богомолов.

— Пора бы подумать о назначении начальника в порт пролива Вилькицкого, — шутит Воронин. — Уж очень пароходов много тут гуляет...

— Доброе утро, товарищи, — говорит, появляясь на мостике, предсудкома машинист Сорокин. Он только что сменился с вахты и вышел подышать свежим воздухом.

— Неужели уже утро? — удивляется Воронин.

— Ночь прошла незаметно, Владимир Иванович.

За борт падает якорь. Воронин, Лавров, Сорокин идут завтракать.

Палубу поливают из шланга. Происходит очередная утренняя уборка.

...К «Ермаку» пришвартовался «Крестьянин». Воронин приглашает его капитана к себе на утренний кофе.

Волны бросают рядом стоящие корабли, и бревенчатые кранцы, проложенные между ними, трещат и превращаются в щепки.

Пока матросы обеспечивают швартовку, кочегары готовятся к бункеровке. Они примериваются к лопатам, как стрелок к винтовке, как скрипач к скрипке. Прищуривая правый глаз, они делают плавные движения, чуть выбрасываясь в сторону. Так красноармейцы на учебной тренировке приноравливаются к штыковому бою.

Еще задолго до работы кочегары входят в ритм, чтобы обеспечить наибольшую производительность труда.

Председатель судового комитета пишет мелом на фанере цифру «248».

По лицам кочегаров струится пот.

Бункера «Ермака» пополняются углем.

IX. Пятнадцать сентябрьских дней

Так рождается гурий

Когда бункера парохода полны угля, у команды превосходное настроение. Прожорливые топки огромного ледокола надолго обеспечены пищей. И сейчас, после того как «Крестьянин» передал «Ермаку» много угля, ермаковцы бодры и веселы.

Воронин и Лавров смотрят в бинокль на едва виднеющийся на фоне возвышенностей материка остров.

— Вот здесь и поставим знак, — говорит капитан.

— А что там торчит справа? — спрашивает Лавров.

— Вижу, вижу! — оживляется капитан. — Вряд ли это природный выступ. Это что-то вроде навигационного знака.

— Так и есть, Владимир Иванович, — говорит штурман Ветров, — это должно быть знак, построенный командой «Крестьянина». Помните, нам рассказывал его капитан...

— Правильно, — соглашается Воронин. — Это знак «Крестьянина». Но он едва приметен. Надо поставить знак получше.

— Да, знак тут будет весьма полезен, — соглашается Лавров.

— На острове Нансена мы построим хороший знак, — говорит Воронин, — чтобы ермаковский знак был издалека виден.

— С вашим выбором трудно спорить, — улыбнулся Лавров. — Только это остров не Нансена, а Гансена. Это я, грешный человек, редактируя карту, спутал название.

— Совершенно верно! — воскликнул Воронин. — Теперь и я вспоминаю. На старых картах он назывался островом Гансена.

— Да будет же знак на острове Гансена, — сказал старпом. — Да воздвигнут ермаковцы гурий. Аминь.

— Занятно, — заметил Лавров. — Слово гурий моряки взяли из священного писания. Гурии — это вечно юные девы, что ждут правоверного мусульманина после смерти.

— Гурий, да и любой навигационный знак делает мертвую землю близкой моряку.

— Да, Владимир Иванович, сердце моряка радуется, когда он видит знак.

Подойдя к острову, насколько позволили глубины, «Ермак» стал на якорь. Второй помощник капитана Ветров снарядил катер для поездки.

Мы направляемся к покрытому снегом острову. Катер подбрасывает на волнах, как трясущуюся по камням телегу.

Капитан успокаивает собаку. Она все еще не может притти в себя. Совсем неожиданно ее схватили сильные руки и поволокли... Видимо, ей казалось, что мы хотим бросить ее в воду. Она отчаянно лаяла.

За кормой катера показалась утка. Забыв обо всем, собака встрепенулась и с интересом смотрит на нее.

Обрывистый, каменистый берег, похожий на стены старинной разрушенной крепости, уже совсем близок.

На берегу глыбы льда и снега. Слышно, как волны бьют о камень.

Борис Николаевич стоит с багром в руках, он измеряет глубину. Здесь много каменистых отмелей.

Мы осторожно подходим к берегу. Первым спрыгнул с катера «Мальчик». Он визжит от радости, виляет хвостом и обнюхивает землю.

Мы поднимаемся по каменным и ледяным уступам. Теперь видна сверкающая снежной шапкой гора Аструпа. Под ногами хрустят камешки. Заметив что-то на земле, Воронин и Кен спускаются взапуски. Они находят оленьи рога.

Остров как бы разделен на две части высокими острыми камнями. Кто это сделал — природа или человек?.

...На восточном берегу мы устроили привал. Прибежал и «Мальчик», долго гонявшийся по холмам и косогорам. Он соскучился по приволью земли и чувствовал себя счастливее всех.

— Где же мы знак поставим? — спросил Лавров, когда мы, разостлав полушубки, расположились на холодной земле.

— Я думаю — здесь, — ответил Воронин. — Можно вторично обойти остров, но более высокой точки не найдем.

— Да, место подходящее, — согласился Козлов. И, помолчав минуту, он добавил: — Ну и мертвая тут земля! Леммингов — и тех даже нет. Чорт и что! — (так сокращенно ругался летчик).

Начертив багром основание навигационного знака, капитан и гидрограф принесли первый камень.

— Этот гурий — не чета знаку с островов Петра, — говорит инженер Скорняков. — Для постройки основания понадобится кубометров двадцать камня. Найдем ли мы столько камня?

— Ничего, — успокаивает Воронин. — В середину насыпем щебня.

— Жаль, что нет лекала! — сокрушается Скорняков.

— А мы по-петровски, на-глазок, — говорит Воронин и что-то упорно подсчитывает.

Определив место, мы предприняли небольшую экскурсию по рыхлому берегу, плоский каменистый обрыв которого напоминал щетку. Через полчаса вернулись к катеру.

— На первый раз хватит, — сказал капитан. — Осмотр острова считаю законченным. Можно возвращаться на корабль. А где «Мальчик»?

«Мальчик» бежал за нами, виляя хвостом, и с интересом смотрел по сторонам. Но когда подошли к катеру, он пустился в глубь острова. Он так соскучился по земле, что не хотел возвращаться на корабль. Поймать пса никак не удавалось. Но едва мы оставили его без внимания, он спустился к берегу.

— «Мальчик», «Мальчик»! — пытался подозвать собаку один из ее закадычных друзей — подрывник Гордеев.

— «Мальчик», не ломайся! — пытался усовестить пса капитан.

«Мальчик» вилял хвостом, но не двигался с места.

— Ну ладно, сукин сын, погоди, проучим тебя! — сердится капитан. — Садитесь в катер.

Все заняли свои места, и катер направился в путь.

Видя, как удаляется катер, «Мальчик» с лаем кинулся к берегу. Он подошел к самой воде и жалобно залаял.

Катер уходил дальше и дальше от острова.

«Мальчик» решил броситься вплавь, но, опустив лапы в холодную воду, тотчас вытащил.

Лай уже еле слышен. Многие начинают жалеть «Мальчика».

— Ничего, проучим, — говорит капитан. — Вот увидите, он не сойдет с места, пока не вернется катер. Но давайте подсчитаем, сколько человек понадобится для постройки гурия.

— Одну минуту, — сказал Борис Николаевич, вынув блок-нот. — Человек тридцать, — добавил он после небольшой паузы.

— Да, примерно, так, — подтвердил капитан.

Едва мы взобрались по штормтрапу на палубу, в катер спустились матросы. Они захватили с собой лопаты, носилки для камней, заступы, веревки, доски.

Катер повез к острову первую смену строителей во главе с капитаном.

Приближаясь к острову, они заметили «Мальчика». Как и предполагал Воронин, «Мальчик» не сошел с места. Теперь он радостно завизжал, сам прыгнул на руки матросу и с радостью уселся в катер.

Матросы пошли на берег. Они звали «Мальчика». Но собака не решилась расстаться с катером. Она просидела в нем до конца смены и была вне себя от счастья, когда вновь очутилась на палубе ледокола, в окружении знакомых предметов и запахов.

Раскрасневшиеся и усталые вернулись строители. Они восторженно рассказывали, как работал капитан.

— И киркой, и заступом, и лопатой орудовал, и камни таскал. . .

— Кто хочет итти на остров, стройся справа! — скомандовал старший штурман.

Желающих оказалось больше, чем мог свезти катер. Матросы сбрасывают за борт связанные между собой бревна и доски.

— Осторожнее! — кричит боцман Швецов. — Слушай мою команду — раз, два. . .

— «Мальчик», поедем с нами! — обращается к собаке кто-то из матросов.

Собака поспешно убегает и прячется.

. . . Теперь катер везет на остров вторую смену строителей.

— Э-э, братцы, — говорит кочегар Тараск. — Ведь наш гурий уже виднее «Крестьянского». . .

— Лево руля! — командует старпом. — Мы подойдем туда, где видна ледянка.

— Сейчас полвторого ночи, пожалуй, наша смена закончит постройку знака. Как вы думаете? — спрашивает Тараск.

— Работы осталось еще смены на две, — неопределенно отвечает старпом.

— Товарищи, я предлагаю проработать обе смены и ...

— Есть другое предложение, — перебил Тараска Девятко.— Давайте поработаем одну смену, а сделаем за две.

Мы подошли к берегу. Там, где несколько часов тому назад Воронин положил первый камень, уже возникло солидное сооружение. В центре — высокий столб с досчатым конусом. На каменном основании гурия стоит Сорокин. По досчатому трапу ему подают камни.

Те, кто остался на острове с первой смены, с жадностью набрасываются на только что привезенную воду.

Теперь Сорокина сменяет Тараск. Мощные его мускулы ходят ходуном. Кажется, вот-вот они прорвут рубаху. Тараск один с улыбкой подносит тяжелые камни, которые снизу подают двое.

Вблизи знака камней уже нет. Их приходится вырывать заступом и лопатой. Металл звенит, ударяясь о промерзлую землю.

— Больших камней достаточно. Требуются поменьше! — уже в третий раз кричит Тараск, но бортмеханик Косухин все еще приносит тяжеленные камни.

— Глеб, зря тащишь тяжелые, — смеется Носов.

— Не перышки ведь носить.

Боцман измеряет высоту каменного основания:

— Братцы, пять с половиной метров. Неплохо поработала наша смена.

Строители из первой смены возражают:

— Вы пришли на готовенькое. Самое трудное мы сделали.

— Шутите! Вы клали камни на землю, а нам приходится поднимать.

Гурий растет на глазах.

Трап уже слишком низок. Матросы, вырыв ямы, вбивают в них бревна и кладут на досчатый настил. Теперь каменное основание навигационного знака окружают ступени. На них — люди. Быстро мелькают передаваемые из рук в руки камни.

Проходит час, два, три.

«Прораб» — старший помощник капитана — кричит:

— Отдохнуть пора!

— Есть отдохнуть.

Уже давно вскипел чай. Мы сели завтракать. Теперь не слышно шума голосов — все заняты консервами и бутербродами с колбасой.

Кругом тишина.

Так тихо бывает лишь в Арктике. Сегодня шестое сентября. В это время на Большой земле вы услышите целую гамму звуков: и шелест колосьев, и стрекотанье кузнечиков, и пение птиц. А на острове Гансена — кладбищенская тишина: ни шороха, ни ветерка.

Молчит мох. Молчаливы одинокие желтые цветы.

Молчит камень.

Сколько раз в столетия ступает тут человек?

...Из-за облаков показалось негреющее солнце. Значит, наступает утро.

Разогретое работой тело не чувствует холода. Кажется, что жарко. Если посмотреть вдаль, на голубое прозрачное небо, на легкую рябь волн, на высокие горы материка, невольно подумаешь: не на Кавказском ли ты побережье? А на берегах острова — снег и вечные льды.

Много миль отделяют остров от материка и горы Аструпа. Красавица-гора прикрыта одеялом тумана. Чуть пониже горы залегли холмы; отражая лучи восходящего солнца, они кажутся красными.

Близко от меня садятся кулики. Они не обращают внимания на человека.

Свисток.

Обеденный перерыв окончен, и снова строители — кто вручную, кто на носилках — тащат камни. Штурман Жернов волочит огромную доску, на спине у него лопнул китель.

На верху гурия все еще кочегар Тараск.

— Эх, ребята, — говорит он. — Я сложил камни непрочно, а вы молчите. — И он снова перекладывает камни.

Прошло еще три часа. Нехотя догорает костер. На острове Гансена нет даже плавника. В костер нечего подбросить, кроме полусгнивших оленьих рогов.

Постройка каменного основания закончена. Строители со всех сторон осматривают его, а наверху все еще суетится неутомимый Тараск.

Теперь за работу принялись плотники. Раздается стук молотков. Плотники прибивают к столбу подпорки.

Кто-то из молодых матросов предлагает провести экскурсию на гору Аструпа.

— А сколько, вы думаете, до нее километров? — спрашивает старпом.

— Пять. А может быть — десять.

— Не пять и не десять, а все пятьдесят будет.

— Неужели? А ведь кажется — совсем рукой подать.

— Больно рука длинна у тебя.

— Что ж, мне мерещится?

Несколько ермаковцев, заинтересовавшись разговором, встают. Они пристально смотрят на гору Аструпа. Один из них говорит старпому:

— Вы что же это человека разыгрываете? Зря глумитесь над ним. Гора и впрямь близко.

— Я не шучу, — добродушно отвечает старпом. — Гора кажется близкой, а в действительности далека.

— Это что же — оптический обман?

— Вот именно.

— Очень интересно, — говорит молодой матрос.— Я читал об этом явлении и много слышал от старых моряков, бывавших на Севере.

— Виноват здесь воздух. Очень уж он чист и прозрачен.

Несколько комсомольцев, закурив папиросы, подошли к Девятко.

— Все хорошо, — говорит Тараск, — вот только МЮД нам не удалось провести.

— Да, помешала качка.

— Жалко.

— В прошлом году мы провели МЮД в один день с молодежью всего мира.

— А вы слышали о телеграмме, которую мы получили из Москвы? — спрашивает радист Мякишев.

— Мы-то слышали. Скажу откровенно — я стащил у наборщика пробный оттиск газеты. — Михеев вытащил из кармана сложенные вчетверо корректурные листы. — «Превратим арктические пустыни в надежную дорогу, — читает он, подмигивая Девятко. — Радио из Москвы. Общее собрание молодежи Главсевморпути, состоявшееся 1 сентября в Москве, посвященное Международному юношескому дню, передает горячий привет всем зимовщикам, всему плавающему составу моряков и ученых».

— Приятно на далеком Севере услышать привет москвичей.

— Приятно.— Помолчав минуту, Михеев снова принялся за газету. — «Успехи навигации 1935 года свидетельствуют

о наших победах на фронте быстрейшего превращения арктических пустынь в надежную транспортную дорогу. Ленинский комсомол послал в Арктику боевые отряды рабочей молодежи и уверен, что комсомольцы под руководством партии Ленина—Сталина будут одерживать одну победу за другой в деле освоения социалистического хозяйства Севера. Президиум торжественного собрания: Серкин, Берестецкий, Муханов, Пастухов, Загрядская».

— А интересно, есть ли в Арктике комсомольская зимовка? —спросил Кен.

— Есть. На мысе Стерлегова, — говорит радист. — Там зимует Костя Званцев. Телеграмму от Званцева не удалось принять полностью — оперативной работы много, а он стал передавать целый очерк...

— Что же напечатано в «Сквозь льды»?

— Сейчас, сейчас. Вы разорвете газету. — И Михеев снова начинает читать:

— Зимовка энтузиастов. Радио с мыса Стерлегова.

«На Стерлегове в этом году впервые организована комсомольская зимовка. Наша зимовка молодая не только по возрастному составу ее участников, но и по сроку своего существования. Совсем недавно, восемнадцатого июля тысяча девятьсот тридцать четвертого года, мы вышли из Архангельского порта на ледоколе «Малыгин». В составе нашей группы пять зимовщиков и четыре строителя. С энтузиазмом участники комсомольской зимовки рвались в ледяные просторы Арктики померяться со стихией, отдать все свои силы, знания, опыт строительству Великого Северного морского пути. Кто они — участники комсомольской зимовки на мысе Стерлегова? Вот краткие штрихи их биографии.

Радиотехник Евгений Наумов, он же метеоролог. Евгений воспитанник ленинского комсомола. Был ударником лесозаготовок Северного края. От сборщика членских взносов до секретаря крупного комсомольского коллектива — вот путь Жени Наумова. Ему всего двадцать два года.

Механик Котов — танкист. Старый комсомолец. Сын машиниста. Спортсмен. Год рождения тысяча девятьсот пятый.

Повару Ивановской — двадцать четыре года. Она — заботливая хозяйка.

Каюр Михаил Румянцев пришел в Арктику из колхоза Энергичный работник.

И, наконец, автор этих строк, начальник зимовки Константин Званцев. Буду работать метеорологом. Мне двадцать

девять лет, из которых десять лет я провел в Арктике. Константин Званцев»...

— Молодец Званцев!

— Еще бы.

— А что еще есть интересного в МЮДовском номере нашей газеты?

— Есть радио с «Красина».

— Неужели? Ведь «Красин» далеко на востоке.

— Для радио нет расстояния.

— Прочти, что пишут с «Красина».

— Ладно, только уговор — за чтение хорошую папиросу.

Откланявшись, Михеев стал читать:

— «Комсомольский ледокол. Радио с ледокола «Красин». Комсомольский ледокол «Красин» отделяют от славных ермаковцев и зимовщиков западного сектора Арктики тысячемильные пространства. Но волею нашей партии и великого, мудрого Сталина эти огромные расстояния побеждены и настолько освоены, что их одолевают обычные грузовые пароходы.

Несколько дней тому назад красинцы торжественно встречали «Ванцетти» и «Искру». Они привезли на восток вашу газету «Сквозь льды», и каждый комсомолец «Красина» с радостью прочел газету, которая рассказала нам о замечательных успехах, достигнутых вами.

И с неменьшей радостью мы спешим сообщить вам о тех успехах, которых мы добились в восточном районе.

«Красин» обеспечил морские операции девяти судов, они полностью закончили свои работы, выгрузили четырнадцать тысяч тонн различных грузов, и в результате побережье нашего района снабжено всем необходимым.

Ледовые операции проведены без единой аварии, без каких-либо даже незначительных повреждений судов.

Кроме того, «Красин» выгрузил в забитой льдами бухте Роджерса продовольствие и снаряжение и сменил зимовщиков. Красинцы провели большую работу по исследованию неизученных районов Чукотского моря. Сейчас «Красин» подошел к юго-западной части острова Врангеля, к мысу Блоссом, на который высажены научные работники для астрономических и магнитных наблюдений.

Два месяца плавал комсомольский ледокол, и два месяца кипела оживленная политическая работа. У нас активно работают политические кружки, организован морской техникум. Осоавиахимовский кружок готовит ворошиловских стрел-

ков. Создан духовой оркестр, превосходно исполняющий сложные партии. Есть у нас и отдельные недочеты, мы боремся с ними и крепим дисциплину. МЮД встретили содержательно и весело. Привет славным товарищам западникам».

Сверху доносится голос Тараска:

— Эй, граждане! Гансенстроя больше нет. Есть гурий на острове Гансена.

— Качать Тараска!

— Больно тяжелый он.

...Синеватый полумрак сентябрьской полярной ночи совсем растаял.

Катер подошел к ледоколу. Штурман Ветров привез на корабль весть, разочаровавшую всех, кто не успел побывать на острове и принять участие в постройке гурия.

— Ничего, и на вас работы хватит, — утешал «обойденных» Воронин. — На-днях мы будем строить знак на мысе Вега.

Катер свез на остров капитана, гидрографа и еще трех членов «приемочной комиссии».

Гурием остались довольны все. Его засняли на кинопленку.

Снова в море Лаптевых

Капитан не ложится спать. Он задумчиво смотрит в ночное осеннее небо цвета увядающей сирени. «Ермак» снова идет к проливу Вилькицкого в море Лаптевых. Снова ледокол огибает мыс Челюскина.

До свидания, чудесная гора Аструпа!

На задернутом темными облаками горизонте возникают робкие розоватые мазки. Небо местами желто светлеет. Облака становятся фиолетовыми. Желтый и розовый цвета растворяются в заливающем горизонте багровом пурпуре. Рисунок неба меняется, как в калейдоскопе.

Невдалеке от этой чернеющей полоски островов, в знаменитой гавани Мод зимовал застигнутый осенью Амундсен.

На этот раз море Лаптевых встречает «Ермака» без льда и качки.

Ледокол подходит к островам «Комсомольской Правды», еще недавно называвшимся островами Самуила. Здесь в позапрошлом году зимовали попавшие в ледовый плен суда первого ленского каравана. Тогда вся эта масса воды была скована холодом.

На одном из островов «Комсомольской Правды» в снегу виднеется деревянное здание и радиомачта недавно возникшей зимовки. У острова чернеет пароход. Это «Куйбышев», с которого «Ермаку» предстоит взять уголь.

Крохотной, жалкой точкой кажется поселок зимовщиков среди необозримого водного пространства.

Архипелаг островов образует большую естественную гавань. И это место, являющееся укрытием для кораблей, блуждающих в Ледовитом океане, до сих пор не имеет промеров. Это заставляет «Ермака» итти с выпущенным якорем.

Меж островами гуляют волны. Не помешают ли они погрузке угля?

Воронин соскабливает ледок с перил капитанского мостика. Внизу, на рычаге якорного блока застыл боцман Швецов.

— Выбрать якорь до брашпиля!

— Есть выбрать якорь до брашпиля!

Лавров смотрит в бинокль. Он рассматривает появившийся вдали голубоватый айсберг.

— Что делает у зимовки «Куйбышев»?

— «Куйбышев» заканчивает погрузку строительных материалов и продовольствия для зимовки, — рассказывает Лавров. — Этот пароход уже сменил зимовщиков первой промысловой зимовки в бухте Прончищевой.

— Среди них очень интересный человек. — говорит Воронин.

— Кто это? — любопытствую я.

— Это один из старейших зверобоев Советской Арктики... Вот освобожусь от вахты, я вам про него расскажу поподробнее.

На одном из соседних островов виднеется деревянная избушка зверобоя.

— Повернем к острову! — командует капитан.

Медленно, с осторожностью двигается ледокол.

— Пора спать, — говорит капитан сам себе. — И вам поспать не мешает, — обращается он к Лаврову и мне. — Ведь уже шесть утра...

Сергей Журавлев

Перед сном мы пили чай в кают-компании. Владимир Иванович сдержал свое обещание. Он рассказал про знаменитого зверобоя.

...Отец его удрал из дому. Он попал в мальчики к купцу Горбунову. Бывая частенько в Сумском посаде по делам купца, молодой приказчик подружился с поморами. Много лет спустя он уже с пятнадцатилетним сыном отправился со своими друзьями-поморами на Новую Землю.

Сергей помогал отцу работать на карбасе.

— А знаете, какие были тогда паруса у карбасов? — обращается ко мне Владимир Иванович. — Цветные, их делали из простынь и матрацных наволочек.

...Поселились отец и сын вдвоем в избушке километрах в сорока от становища. Промышлял отец медведей, песцов. Ему помогал сын. Потом сын два года провел на материке и снова вернулся на Новую Землю. Тут прожил четыре года подряд.

После демобилизации из Красной армии сын сел на парусный корабль Дмитрия Буркова — и опять на Новую Землю. Снова прожил четыре года. Судьба забросила его на остров Кильдин промышлять треску. Но опять потянуло зверобоя на Новую Землю — прожил он тут два года. Побывав на материке, он вернулся в Арктику — на Северную Землю, где прозимовал два года.

— Да вы, наверное, о нем не раз слышали... Зовут его Сергей... Сергей Журавлев, замечательный зверобой, знатный промышленник. Он провел в Арктике восемнадцать зимовок. Завтра Журавлев побывает у меня. Я вас обязательно с ним познакомлю. А пока — спокойной ночи.

...Проснувшись к обеду, я вышел на палубу. Была в разгаре погрузка угля с «Куйбышева». «Ермак» шел спаренно с ним. Погрузка происходила на-ходу.

В огромном трюме «Куйбышева» ударно трудятся ермаковские кочегары. Вспотевшие люди с наслаждением пьют студеную воду из специально захваченного чайника. Стоящий на палубе ермаковский комсомолец Шорохов командует сверху:

— Вира по-малу!..

Мелом он отмечает количество зачерпнутых ковшей. Он машет рукой, подавая условленный сигнал, и ковш с ошеломительной быстротой падает вниз.

— Чуть-чуть майна!

— Стоп!

— Чуть вира!

Сперва медленно ползущий, бешено взлетает переполненный углем ковш. Несясь по стальному тросу, он озорно взвизгивает.

Как и ожидал Владимир Иванович, едва только «Куйбышев» стал рядом с «Ермаком», к капитану пришел в гости Сергей Журавлев. Зверобой был обрадован встречей со старым приятелем.

Воронин познакомил меня с Журавлевым. Это коренастый крепыш с характерным худым лицом, взглянув на которое можно сказать безошибочно, что человек этот в жизни видывал многое. Густые морщины остались на вечную память о восемнадцати зимовках. Рыжие топорщащиеся волосы выдают тяжелый характер упрямого, но веселого человека.

За обедом зверобой несколько раз крепко выразился по адресу Главсевморпути. Этой зимой он вместе со своими помощниками добыл несколько сот моржей. Сердце зверобоя залито горечью. Полтораста моржей так и остались лежать неубранные на берегу бухты Прончищевой.

— Как тебе понравится такое безобразие? — спросил у меня Журавлев.

После обеда, когда Воронин вышел на палубу проверить, как идет бункеровка, Журавлев начал расспрашивать меня о Большой земле. Я рассказывал ему о Москве и Ленинграде. Он слушал меня, не отрываясь от дымящейся трубки, и временами ронял два-три слова. Но постепенно мы разговорились, и он пригласил меня в свою каюту.

Бункеровка на-ходу продолжалась.

— Я вас оштрафую. Прыгать на-ходу с парохода на пароход воспрещается.

Вопреки шутливой угрозе Владимира Ивановича, мы быстро перескочили на «Куйбышева». Палуба этого парохода своими запахами живо напоминала зверобойную зимовку. Здесь и там кормовая часть палубы была заставлена корзинами с ластами моржей и бочками с тюленьим салом. Грязные, лохматые и ласковые собаки, завидев Журавлева, побежали к нему.

— Это мой автомобиль, — сказал Журавлев, дружески потрепав подошедшего пса. — К нартам я приспособил колесо со счетчиком. Удобная штука — всегда знаешь, сколько километров проехал. Совсем как на такси. Я с нартами не расстаюсь и на Большой земле. В Архангельске хорошо знают мою упряжку — куда я только не ездил на ней: и в гости, и по магазинам, и в баню.

Мы подошли к каюте. Кругом — меха, мешки, чемоданы.

— Заходите! — говорит Журавлев, раскрыв дверь.

Рассказы старого зверобоя

На столе лежал огромный череп моржа с четырьмя клыками.

— Ведь, правда, редкая штука, — сказал Журавлев, указывая на череп. — Я на своем веку уложил несколько сот моржей, а вот это первый такой диковинный.

— Где же вы раздобыли его? — спросил я.

Зверобой закурил трубку...

I

...В то утро, как всегда, расположенную в низине бухты Марии Прончищевой зимовку навестил ветер. За ночь из комнат выдувает все тепло, и утро на зимовке обычно бывает ледяным. Но успевшие привыкнуть к любому морозу закаленные люди, невзирая на ошеломительное падение ртути, легко отрываются от постелей. Тем более сегодня, когда предстоит итти на охоту.

Начальник зимовки Свирюев, едва позавтракав, выходит на морозный воздух. Подойдя к развешенным медвежьим шкурам, он по-хозяйски ощупывает их, хорошо ли они просушиваются и вымерзают. Убедившись, что со шкурами все в порядке, начальник идет к собакам. Каюр уже успел растолкать сладко дремавших псов. Несколько минут — и нарты готовы.

Вставший еще раньше промышленник принес с разведки хорошие вести. На моржовой косе — множество зверя. Скорее на охоту!

Две лодки с промышленниками осторожно крадутся вдоль берега. На охоту вышло все мужское население зимовки.

Приблизившись к косе, люди завидели большого белого медведя-самца. Голодный, тощий «казак» крался к моржовой лежке. Он имел в виду похитить одного из неосторожно резвившихся на самом краю лежки наивных белых моржат.

«Неплохо бы заодно пристрелить и медведя», думают охотники. Но выстрел встревожит моржей. Если же оставить в покое «казака», он сам вспугнет и разгонит моржей.

Как быть?

Медведя от лежки еще разделяет порядочное расстояние. Крадется он осторожно, расчетливо, не спеша. Если посильней налечь на весла, можно попытаться обогнать хищника. Ну-ка, ребята, нажми...

Беспечные моржи, не подозревая о подкрадывающейся с двух сторон опасности, томно нежатся на солнце. Лишь один морж, так называемый дозорный, сидит и лениво оглядывает окружающее пространство. Он отвечает за жизнь всех...

А опасность неотвратимо надвигается на моржей: по земле ползет медведь, по воде крадутся люди. Кто из них быстрее достигнет цели? Спешить нельзя — добыча ускользнет из рук.

— Я застрелю «казака», — снимая ружье, предлагает один из молодых зверобоев.

— Не торопись, — спокойно говорит Журавлев. — Твоя пуля — дура: все дело испортит.

— Но ведь медведь приближается...

Хитрый медведь, подкравшись кратчайшим путем, уже вот-вот настигнет моржа. А охотников, как на зло, относит течение. Это совсем некстати. Ведь успех решают секунды.

Замерев, охотники следят за четвероногим конкурентом. Сильными взмахами весел люди гонят лодку к косе.

— Нам не перегнать зверя...

— Что же делать?

— Придется поделиться с «казаком», — говорит один из зимовщиков. — А моржей взять хитростью. Надо не мешать медведю, внимание же вожака отвлечь.

— Ничего не выйдет... Ведь моржонок завопит, подлец...

— Его крик все дело испортит, — соглашается Журавлев.

Медведь почему-то остановился. Как будто раздумывает — которого из моржей схватить. Лодка постепенно приближается. Голодный хищник продолжает путь к моржатам, до которых осталось несколько метров. Он не подозревает, что раньше, чем он ощутит приятное тепло в брюхе, его уложит пуля.

Два выстрела раздаются одновременно.

Меткой пулей Журавлев укладывает дозорного моржей, а начальник зимовки Свирюев расправляется с «казаком».

Среди моржей замешательство. Наиболее осторожные направляются к воде. Но лодка уже подчалила к берегу. Бегут охотники, держа на изготовке заряженные ружья.

Бах-бах-бах...

Пули останавливают бегущих моржей. Огневая засада с берега заслонила им путь к спасению.

Увидев, что передние звери, убитые охотниками, приостановили наступление, глупые животные останавливаются.

А охотники не спеша расправляются с ними. В числе пятидесяти одного моржа, оставленного на месте, оказался и редкостный экземпляр этого зверя с четырьмя клыками.

Чтобы приманить моржей, успевших скрыться в воду, зверобои связали пойманных моржат. Они жалобно рыдают, как дети. А моржи выползают из воды на выручку своих детенышей.

Хрипло залаяв, моржата привлекли внимание какого-то моржа. Его останавливает пуля. Такая же участь постигает и остальных.

Назавтра зимовщики приехали на косу разделывать туши. «Убитый» морж вдруг заревел от удара гарпуном... Невзирая на гибель всех своих друзей, морж беспечно заночевал на косе.

— А вы не попробовали его поймать живьем? — спрашиваю я у Журавлева.

— Как же, пытались. Спутали его металлической сеткой, связали толстыми проволочными канатами. Но морж легко вырвался на свободу...

— А что сделали с моржатами?

— Их перевезли на зимовку. Сейчас они на пути в Московский зоосад.

II

Постепенно Журавлев разговорился. Он рассказывает преимущественно про охоту.

— На медведя я охочусь разно. Бывает, что и случайно попадает мишка. Однажды ехали мы со Свирюевым осматривать песцовые привады. Отрывая из снега закопанный там кусок моржового мяса, песец попадается в капкан. Так вот, значит, запрягли мы двадцать собак и поехали за песцами По дороге пристрелили двух полярных сов — один плотник у нас на зимовке очень ловко изготавливает из них чучела...

...В первой же приваде нашли серо-белого песца. В другой ничего не нашли. В третьей — тоже. И так далее. Знать, медведь поблизости.

— Съел он песцов?

— Да и собака «Машка», лучшая изо всех в охотничьем деле, нервно поводит носом. Чует зверя, сука.

— Определенно медведь!

— Почему ты так уверен?

— Вот увидишь...

Вместо ответа Журавлев освободил из упряжи «Машку»

и еще одного пса по имени «Полюс». Собаки рванулись вперед и скрылись за ропаками. Зимовщики тронулись по их следам. С трудом передвигались нарты. Они тряслись, застревали. Скоро зверобои услышали лай.

— Не иначе, как держат медведя, — спокойно заключил старый полярник.

Начальник зимовки с любопытством смотрел вперед. Журавлев остановил нарты и закурил.

— Не беспокойся, медведь нас подождет.

Въехав на холм, люди увидели стоящего на двух лапах большого белого медведя. Он отбивался от собак. Белая «Машка» и черный «Полюс» подпрыгивали и кусали неуклюжего зверя. Тот стоял и, часто наклоняясь, пытался схватить вертких, неуловимых врагов...

— Я ведь сказал: подождет нас медведь, — повторил Журавлев.

Подъехав поближе к зверю, Журавлев нацелился. Блеснул выстрел. Медведь упал. С радостным воем кинулись на него собаки.

III

Журавлев рассказывает мне эпизоды из жизни зимовки. Неосторожного полярника в Арктике на каждом шагу подкарауливает смерть. Летом, в поисках какого-то минерала, доктор зимовки Кавцович чуть не заблудился. Однажды легко одетого Свирюева застала пурга. Он спасся, зарывшись в снег. Так провел он несколько часов.

Сперва зимовка в бухте Прончищевой не имела своей радиостанции. Чтобы отправить радиограмму в Москву, Журавлев на собаках съездил... на мыс Челюскина. Нежданно-негаданно у островов Самуила он встретил людей. О зимовке в этом месте ничего не слыхивал зверобой. То были зазимовавшие моряки первого ленского похода. Моряки были бесконечно удивлены, заметив смелого путешественника.

Лишь один человек не удивился появлению Журавлева, хотя встретил его теплее остальных. Это был Урванцев, хорошо знавший старого зверобоя по совместной жизни на Северной Земле. Еще задолго до появления Журавлева Урванцев считал, что если у Журавлева на зимовке все в порядке, он обязательно появится.

Моряки сомневались: как это необразованный мужик пустится в длиннейший путь по мертвым местам, где нет вблизи ни одной человеческой души.

— Каков ваш инструментарий? — спрашивали моряки у отважного зимовщика. — Что вы берете с собой в поход?

— А вот... — Журавлев вытащил из кармана компас, величиной с луковицу. — Беру, конечное дело, винтовку. Патроны. Консервы и галеты, запасные подошвы, шило, нитки... Да и вот это — это ведь самое главное, — зимовщик показал на собственную голову.

...Зимой опытный зверобой проделывал рискованные маршруты, ориентируясь во тьме полярной ночи по едва приметным очертаниям берега и лукавой скороговорке ветров. Журавлев на нартах съездил в бухту Нордвик за динамомашиной, и на мыс Челюскина — побывать в гостях у зимовщиков и раздобыть у них патефонные пластинки Леонида Утесова, и на остров Самуила за врачом Урванцевой, и на Северную Землю — поохотиться и проведать знакомые места.

IV

Как-то весной 1935 года, кажется, в апреле, на одной из зимовок потерпел аварию самолет. Больного летчика Прахова от бухты Прончищевой до островов Самуила повезли зверобои Долгобородов и Королев.

Они успешно добрались до островов, день провели там и повернули обратно. По их расчетам, им оставалось совсем уже не далеко до своей зимовки. Но домика все не было.

Продукты были на исходе.

День ото дня уменьшая паек, оставляя полуголодными собак, зимовщики продолжали путь. Они начинали отчаиваться.

Прошло пять дней, десять дней, двенадцать дней.

Зимовщики заблудились в снежной пустыне.

Все нет зимовки. Как будто какой-то гигантский вихрь снес ее с лица земли. Путников подгоняла пурга.

— Что делать?

— Погибли!

— Крепись, осталось немного пути!

— Ты говорил это вчера...

Два человека утешали друг друга, сами не веря в правдивость своих слов.

Кончились консервы, сало, сыр, незаменимый в дальних походах, быстро оттаивающий сдобный хлеб.

Осталось лишь полтора десятка галет. Как ни экономили, есть все же надо было. Когда человек коченеет, потребность в пище еще настойчивее и беспощаднее.

— Эх, была не была!

Пришлось зарезать одну из собак. Худым ее мясом зимовщики кормили остальных. Поджарив его, питались сами.

Через несколько дней зарезали еще одну собаку.

Вскоре Долгобородов заболел. Он просил Королева покинуть и продолжать путь к зимовке. Но Королев не сделал этого.

Собаки выбились из сил, Королев помогал им тащить нарты с больным товарищем. Он гнал собак, хотя не был уверен, что они движутся к спасительному теплу родного крова.

Кончились спички. А это значит — наступил конец последнему источнику тепла. Измученные собаки не могли тянуть нарты.

Укрыв потеплее Долгобородова, Королев решил один продолжать путь.

Через сутки полузамерзший Королев наткнулся на палатку со съестными припасами, поставленную отправившимся на спасение пропавших Журавлевым.

А через несколько часов Журавлев и врач зимовки нашли медленно умиравшего от холода и голода Долгобородова. Обессилевшего человека лизали, пытаясь спасти его, собаки. Здесь же валялись обглоданные трупы околевших собак...

...В каюту вошли два здоровенных человека.

— А вот и они, герои, о которых я рассказывал вам, — говорит Журавлев.

Долгобородов и Королев смущенно улыбаются. Они с благодарностью и уважением смотрят на Журавлева.

— Да, если бы не он — наших бы костей не нашли.

Я интересуюсь — кто был начальником первой промысловой зимовки в Арктике. В бухте Прончищевой Свирюев получил первое свое арктическое крещение. Сюда его направила партия так же, как она посылает своих лучших сынов в деревенские политотделы, на транспорт, в армию.

Биография Свирюева проста. Сын путиловца, он, побывав на фронте гражданской войны, вскоре после смерти Ленина вступил в партию. Побывал на партийной и советской работе. Окончил совпартшколу. Работал по партийной мобилизации в Западном Казахстане. Потом в Московском областном управлении связи. И, наконец, в бухте Прончищевой.

...Журавлев все еще курил. Он привык за многие годы своей жизни в Арктике курить запоем.

Мы успели подружиться. Журавлев познакомил меня со своей женой, рассказал про своих детей.

— Я должен тебе подарить что-нибудь на память о нашей встрече. Хочешь, вот ружье? Бьет без промаха...

Я убедил его, что ружье мне не нужно.

— Ну тогда возьми эту шубу!

Журавлев снял с гвоздя меховое пальто.

— Или, вот, шкуру хочешь...

Мне пришлось долго уговаривать своего собеседника. Я сказал ему, что шуба у меня есть, и убедил, что шкура ему пригодится больше.

— Ну, тогда я тебе подарю очень для меня дорогую вещь...

Он протянул мне большую фотографию в рамке.

— Это мой отец — его знал Владимир Иванович... А это вот мои ребята. Береги эту карточку — второй такой нет.

Я поблагодарил Журавлева за фотографию и рассказы.

— Да... сказал он, как бы резюмируя рассказанное. — В Арктике без сноровки и предусмотрительности трудно. Но самое главное — всегда итти к цели и не отступать ни на шаг.

Теперь рассказываю я. Журавлев и его жена, два года не бывавшие на Большой земле, внимательно слушают меня. Потом Журавлев сказал:

— Сколько новостей у вас там...

В это время в каюту пришел вахтенный.

— Сейчас отходим!

Мы вышли в коридор.

— Но и у нас в Арктике новостей не меньше, — с воодушевлением сказал Журавлев, продолжая прерванный разговор. — Что ни год — новые зимовки, новые районы. Скоро и о бухте Прончищевой заговорят. Места в нашей бухте богатые. Ой, какие богатые... Зверя много, рыбы много. Скоро мы вернемся на зимовку и консервный завод построим... Вот увидишь.

Мы вышли на палубу. «Ермак» стоял теперь на якоре, а «Куйбышев» уже стал отшвартовываться от него. Я едва успел перебраться на ледокол.

Журавлев кричал мне:

— Будешь в Архангельске — заходи чай пить...

Скоро корабли разошлись в разные стороны. «Куйбышев» шел на материк, а «Ермак» к мысу Вега устанавливать навигационный знак.

К мысу Вега

Густо валит ранний сентябрьский снег.

Острова «Комсомольской Правды» становятся белыми.

Ермаковец Шорохов, крикнув в последний раз «вира» и взмахнув длинными руками, как крыльями, спешит на свой корабль.

Довольные, что бункеровка закончена, возвращаются на «Ермак» уставшие кочегары. Они торопятся в баню, чтобы смыть с себя угольную пыль.

В момент прощания двух пароходов, когда они отходят друг от друга, люди вспоминают о самом главном.

— Я забыл написать в своей статье, — кричит с «Куйбышева» начальник зимовки в бухте Прончищевой, — что мы перевыполнили свой производственный план на...

— Товарищ Журавлев, — кричит кто-то с «Ермака», — скажи, когда будешь в Москве. Я...

— Ты письмо черкни. Архангельск. Улица...

И, как обычно, разговор продолжался по радио. Раздосадованные люди спешат в рубку и упрашивают всемогущих радистов передать на «Куйбышев» вот это... А спустя полчаса вахтенный разносит радиоответы с ушедшего парохода.

Снова идем проливом Вилькицкого. Здесь известны глубины, и ледокол спокойно идет полным ходом, оставляя за кормой широкую дорогу вспененной воды.

— Пойдем к мысу Вега, — сообщает капитан. — Поставим там знак.

В штурманской рубке Лавров и Воронин склонились над картой.

— А вы знаете, — говорит Воронин, — если верить биноклю, на Веге песчаные берега, и нам придется построить знак из одних досок и бревен. Но постойте... Ведь вы, Алексей Модестович, были у Веги?

— Да, но с тех пор прошло два десятка лет. Я с трудом припоминаю, как выглядит мыс. Кажется, берег песчаный...— Лавров кусает мундштук и стучит пальцем по столу. — Нет, вру. Там примерно такая порода, как на островах Петра. Вы читали книгу о путешествиях Норденшельда?

— А... Теперь и я припоминаю,—обрадовался Воронин.— В книге на одной из иллюстраций изображен знак на мысе Вега. Он сложен из плоских камней.

— Совершенно верно... Знак из плоских камней... Годы разрушили его, а следов пока не удалось разыскать. Не раз полярники обходили мыс вдоль и поперек, но кроме плавника ничего не находили. Искал знак Амундсен. Несколько раз искали его русские полярники.

— Правильно ли нанесен мыс Вега на карту? — делится своими опасениями капитан. — Может быть, полярники ищут знак не там, где он поставлен?

— Вряд ли, — говорит Лавров.—Впрочем, может быть вы и правы.

— Будем надеяться, что нам повезет больше... — сказал Воронин. — Однако пора спать. Утро уже не так далеко. Мы с вами стали полуночниками.

За утренним чаем Лавров вернулся к прерванному разговору.

— А хорошо бы найти остатки знака, — сказал он.

— Неплохо, но успех мало вероятен, — сказал Воронин.

Он вышел и направился на мостик.

Чаепитие проходит быстро. Каждый торопится по своим делам. Синоптик Носов пьет чай быстрее всех. Он спешит к себе в каюту. Немногие свободные часы он посвящает чтению «Капитала» Маркса. На обратном пути Носов уйдет с «Ермака» и останется на зимовке Маточкин Шар, чтобы провести там два года. С собой Носов везет три тома «Капитала» и толково подобранную библиотечку по историческому и диалектическому материализму. Он решил воспользоваться зимовкой, чтобы повысить свои знания.

Помполит с группой научных работников за столом, с которого еще не убраны чайники и стаканы, обсуждают план культурной работы на оставшееся время рейса.

...Мы приближаемся к берегу.

Со звоном опускается якорная цепь.

— Сколько на клюзе? — кричит капитан.

— Пять смычек, — раздается в ответ голос боцмана.

— Смерьте глубину!

— Двадцать две сажени!

— Стать на якорь! — командует капитан. — Машины в получасовой готовности!

Глубокий пролив дал возможность подойти очень близко к берегу.

На палубе плотники возятся у столба. К ним подходит помощник кока и, собрав в фартук щепки, спешит в камбуз.

Матрос Баранов развязывает цепи, освобождая катер.

Тщетные розыски

За несколько минут катер доставил ермаковцев на мыс Вега. Лавров был прав — на берегу много плоских камней.

Мы идем по земле, где некогда ступал Норденшельд. Где-то здесь, среди вот этих камней, быть может, притаились остатки знака, сложенного великим мореплавателем.

Мы идем и внимательно осматриваем бурую, чуть потрескавшуюся мерзлую землю.

— Вот явные признаки человека, — восклицает инженер Кен, поднимая осколки разбитой бутылки.

Все сбегаются сюда.

— Неужели из этой бутылки пил Норденшельд?

— Надо найти остальные осколки, — предлагает Воронин.

Поиски окончились успешно. Найдено дно бутылки, несколько кусков бутылочного стекла с обрывком выцветшего ярлычка. Из осколков капитан составляет бутылку. Все молча ждут показания ярлыка.

— Госспирт, — после продолжительной паузы прочел Воронин.

— Кто же здесь выпивал? — спрашивает Кен.

— Странно, странно, — роняет Лавров.

— Должно быть, кто-то развлекался на мысе Вега, — подмигивает капитан.

— А может быть здесь во время пурги грелись водкой заблудившиеся зимовщики? — строит предположение Алексей Модестович.

— Но кто здесь мог быть?

— Вероятно, зимовщики с мыса Челюскина.

Мы продолжаем поиски. Каждый выдвигает все новые и новые догадки.

Но вот Лавров нашел помятую консервную банку.

— Граждане, — кричит он, размахивая руками, — я нашел консервную банку, брошенную участниками экспедиции Норденшельда.

Все побежали к Лаврову. На банке этикетка «Консервтрест».

— Ах, Алексей Модестович! Вы все шутите, — разочарованно сказал Кен.

Лавров весело засмеялся.

Вскоре к первым трофеям наших открытий прибавились пожелтевшие обрывки папиросной коробки и замерзшая картофельная шелуха.

— Теперь ясно, — говорит капитан. — Здесь закусывали зимовщики, недавно приехавшие с материка.

— У них еще была картошка...

Мы обошли пустынный, однообразный берег. Среди серых камней изредка попадаются куски белого кварца. На земле — ни травы, ни мха. Тут и там широкие следы потоков воды, сбегающих с возвышенностей во время весеннего оттаивания.

Мы внимательно осматривали плавник, переворачивали камни, но следов знака не удалось найти. У самого берега мы заметили большую груду камней.

— Кажется, знак?

Предположение оказалось ошибочным. Это были камни, сложенные в причудливую пирамиду волнами.

Истлевшая записка

Мы направились вдоль берега. Вдали что-то белеет. Воронин бежит вперед и приносит череп моржа с двумя клыками. Отбив клыки, он кладет их в карман кожаного пальто.

— Интересно, как сюда попал череп моржа? — спросил у Воронина доктор Розе.

— Видимо, здесь когда-то была моржовая лежка, — ответил капитан, нагнувшись за куском сверкающего кварца.

Изрезав мыс вдоль и поперек, мы сделали привал.

— Я думаю — либо от знака Норденшельда не осталось следа, либо историки ошибочно «установили» его на мысе Вега, — сказал Лавров, закуривая папиросу. — Знак мог стоять только на возвышенностях западного берега, а их мы осмотрели внимательно.

— Да, их мы осмотрели внимательно, — повторил Воронин. — Но не слишком ли мы увлеклись историей? Пора подумать и о своем знаке.

Немного отдохнув, мы снова направились к западному берегу. Совсем недалеко от воды Лавров заметил груды камней и белый плавник.

— По-моему, этой палки касался нож, — сказал он, подняв небольшой кусок плавника. — Она безусловно обточена.

Мы осмотрели и плавник и камни, но и на этот раз следов Норденшельда не удалось найти.

— Вы, я вижу, разочарованы, — сказал Воронин Лаврову, когда мы обогнули западный берег залива и поднялись на размытый волнами холм.

Остатки знака Норденшельда на мысе Вега.

— Да, мы разочарованы, — вздохнул Лавров.

— Так разрешите вас обрадовать, — продолжал капитан, осматривая в бинокль берега залива. — Знака Норденшельда мы пока не нашли, но место для постройки нового знака я могу предложить. Мы сейчас на самой высокой точке полуострова. Вы согласны?

— Да, — ответил гидрограф, — я на этот холм давно хотел обратить ваше внимание.

Воронин и Лавров начертили основание навигационного знака, и все мы направились собирать камни.

Под обломками истлевшего плавника штурман Ветров заметил большой белый камень. Разбросав ногой плавник, он подозвал капитана.

— Смотрите, — сказал он, указывая на груду камней. — Не кажется ли вам, что она сложена человеком?

— Так или иначе, камни пригодятся для нашего знака, — сказал капитан.

Сдвинув большой камень, мы заметили покрытую плесенью кварцевую глыбу, под ней что-то черное.

— Владимир Иванович, здесь какая-то железка...

— Это не железка, а сплющенная банка из-под пеммикана, — говорит раскрасневшийся от возбуждения Воронин. — Дайте-ка ее сюда!

Люди замерли в молчании.

Капитан осторожно взял полусгнившую, ржавую консервную банку. Рыхлая старая жесть легко подалась.

— Ба... Да здесь что-то есть! — воскликнул Лавров.

— Здесь записка! — вскричал капитан.

— Все ясно, — сказал Лавров. — Это остатки знака Норденшельда. Это принято — в консервных банках оставлять записки.

— Неужели это неизвестное до сих пор послание Норденшельда?

— Надо прочесть письмо.

Люди сгрудились вокруг капитана. Но едва распечатав записку, Воронин убедился, что листки слиплись. Покрытая рыжей грязью ржавчины, записка полуистлела.

— Неужели мир не узнает, что написал тут Норденшельд?

— Эта записка представляет для полярников большой культурно-исторический интерес, — сказал Лавров.

— Записку надо сохранить, — заметил капитан. — Мы ее свезем в Ленинград, в Арктический институт. Пускай разбираются.

— Это правильно.

Груда камней приобрела огромный интерес. Мы стали тщательно перекладывать камни и вырывать из замерзшей земли кварцевые глыбы. Но больше ничего обнаружить не удалось.

— Норденшельд поставил здесь знак пятьдесят семь лет тому назад, — задумчиво говорит Лавров.

... Тогда здесь была такая же тишина. Так же был безмятежен залив. Или, быть может, он плескался волнами. Так же за полосой земли виднелась изумительная гора Аструпа. Или ее заслоняли туманы. Так же сверкали ослепительные белые глыбы кварца.

Немало труда потратили спутники Норденшельда, чтобы сложить такой каменный гурий. А безжалостное время так расправилось с ним, что несколько десятилетий люди не могли отыскать его.

Кен заснял остатки знака Норденшельда на кинопленку. Мы фотографируемся у этого исторического места.

— А теперь продолжим свою работу. Ведь надо выстроить знак «Ермака»!

Знак на мысе Вега, установленный ермаковцами.

Голос Воронина вывел нас из задумчивого оцепенения.

На землю и море опускается призрачная ночь. Она обливает нас странной, жидкой темнотой, будто разбавленной снегом.

Непривычно видеть пролив Вилькицкого без единой льдинки. Давно ли «Ермак» штурмовал здесь сплошной лед?

Когда к берегу подошел катер с первой группой строителей, мы вернулись на ледокол.

Мыс Вега прячется в легкой дымке тумана. На фоне темного неба рельефно виднеются силуэты людей. Одни поднимают столб, другие несут бревна, доски, носилки с камнями.

Мачта с „Веги“

. . . Утро принесло новое открытие. Еще вчера мы заметили среди плавника, около груды камней, где была найдена банка с письмом Норденшельда, обломки столба. Внимательно осмотрев их, мы решили, что это истлевшая мачта норвежской парусной шхуны или купеческого бота, но за утренним чаем капитан снова вернулся к мысли, что это остатки знака, и решил вторично осмотреть обломки столба при дневном свете.

— Мы еще вчера осматривали этот столб, — оттоваривали Воронина от бесплодной работы инженеры.

Белый, истлевший столб внешне ничем не замечателен. Плавник как плавник. Но внимательно осмотрев его, капитан заметил подозрительную царапину. Он поскоблил ее ногтем. Из царапины посыпался сухой песок. Теперь ясно вырисовывалась прямая палочка.

— Не единица ли это? — сказал Воронин, протирая царапину носовым платком. — Ура, это единица!

— Единица! — воскликнул Лавров. — Возможно — это дата установки знака. Норденшельд установил знак в 1878 году. Давайте проверим, нет ли рядом с единицей восьмерки.

Капитан снова пустил в ход носовой платок. Рядом с единицей он обнаружил кружок, напоминающий часть восьмерки, и чуть подальше — слегка наклоненную палочку. Вскоре палочка приняла форму семерки, и вторая восьмерка появилась справа от нее.

— Тысяча восемьсот семьдесят восемь, — прочитал Воронин. — Теперь несомненно, что это шест с Норденшельдовского знака и где-нибудь скрывается название корабля.

Воронин и Лавров снова принялись рассматривать шест. Матросы и кочегары, положив на землю доски и бревна, с любопытством смотрели за их работой.

— Здесь написано «Вега», — сказал капитан, обнаружив латинское «V», хотя в черточках, расположенных рядом с «V» с трудом можно было угадать очертание букв.

— Да здесь написано — «Вега», — согласился Лавров и, обращаясь к матросам и кочегарам, добавил: — Норденшельд плавал на зверобойном судне. . . и называлось оно «Вегой». . .

Один из матросов предложил передать столб Арктическому музею.

— Так мы и сделаем, — сказал Воронин.

Столб положили в катер и перевезли на ледокол. За

обедом в кают-компании обсуждалась необычайная находка. Кто-то предложил не передавать столб Арктическому музею, а восстановить знак Норденшельда.

— Но будет ли иметь смысл восстановление старого знака? — сказал Кен.

— Практического — нет. Но надо учесть чисто исторический интерес.

— Нет, уж лучше мы свой знак поднимем повыше, а там, где стоял знак Норденшельда, установим столб с мемориальной надписью, — сказал Воронин.

— Да, столб надо поставить, — согласился Лавров.

Катер снова повез ермаковцев на мыс Вега. Навигационный знак гордо возвышался на фоне залива и серых берегов. Шли последние работы по его укреплению.

.... Фотографы снимают новое произведение ермаковцев. На груде камней, сохранившихся от Норденшельдовского знака, мы устанавливаем столб. Сидя у костра, Воронин наносит гвоздем буквы на металлической дощечке, и постепенно возникает надпись:

> **„Место знака экспедиции Норденшельда на „Веге“, установленного**
> **19—20 августа 1878 года.**
> **Остатки знака и почта, обнаруженные ледоколом „Ермак“ 7—8 сентября 1935 года, взяты для передачи Арктическому музею в Ленинграде“.**

Закончив постройку знака, «Ермак» направился к мысу Челюскина навстречу возвращавшимся на запад кораблям.

Вечером старпом Жернов сделал в вахтенном журнале «Ермака» следующую запись о постройке навигационного знака:

«8 сентября в проливе Вилькицкого на мысе Вега ермаковцы установили второй деревянный навигационный знак. Он представляет собой четырехгранную усеченную пирамиду высотой в 7,5 метра, на ней установлена трехгранная пирамида высотой в 2 метра с четырехметровым визирным шестом. На визирном шесте топовая фигура из досок. Пирамида обшита досками с просветами. Высота знака от основания — 12,5 метра».

В тот же вечер радиостанция «Ермака» понесла в эфир телеграммы в адрес ТАСС и редакций московских и ленинградских газет о необыкновенной находке ермаковцев.

X. У северной оконечности Евразии

Зимовка

Холодным ранним утром «Ермак» стал на якорь у мыса Челюскина.

Пролив Вилькицкого попрежнему тих и спокоен.

На материке, за холмами, торчат в небо радиомачты зимовки. Невдалеке от ледокола, на берегу виднеется самолет. Над самолетом встает нежный, розовый восход. Он отражается в воде, и хмурый, темный пролив ласково краснеет.

На рейде дымит собирающийся отойти пароход. Это «Куйбышев». Он забрал с мыса Челюскина последнюю партию зимовщиков и сдал кое-какие грузы.

У берега повисла снежная глыба. На нее держит курс рулевой катера, везущего ермаковцев на материк. Катер подошел. Ноги скользят по льду. Этот лед и снег никогда не покидают берега мыса Челюскина — самой северной в мире материковой зимовки.

. . . Мы подошли к серому обелиску. К вершине его прибит пропеллер, рядом — мемориальная доска со скорбной надписью:

25 сентября 1934 года
при катастрофе самолета погибли на боевом посту зимовщики полярной станции мыса Челюскина — летчик Воробьев, род. в 1896 году, и базовый авиаинженер Шипов, род. в 1903 году.
Вечная память героям!

Мы смотрим на чуть изогнутый коричневый пропеллер. Он уцелел, а люди погибли.

Воля к победе над природой сильнее, чем катастрофа, чем смерть.

Слышен рокот заводимого мотора. Вылетает мощный самолет. Кажется, что пропеллер отделился от обелиска, ожил и поднялся ввысь.

На пути к рации на земле стоят самолеты. Под одним из них копошится человек в синем комбинезоне. Заметив ермаковцев, он удивленно и обрадованно приветствует их.

Бывают ли где-нибудь еще так крепки рукопожатия, как на зимовках?

— Наконец-то ермаковцы в гости к нам пожаловали, — говорит бортмеханик. — Обидно было смотреть. Ходите мимо нас взад и вперед, а носа не кажете.

— Вот мы и приехали, — улыбается Воронин. — А это что? — спрашивает он, указывая на ящики, спрятанные под брезентом.

— В них, должно быть, запасные баки, — высказывает предположение летчик Козлов.

— Нет. Это грузовые ящики, — объясняет бортмеханик, — подвешивая их к крыльям, мы возим в них пассажиров.

Осмотрев ящики и ознакомившись со способом прикрепления их к крыльям. Козлов заглянул в кабину.

— А вы знаете, мы летаем без перчаток, — говорит, обращаясь к Козлову, бортмеханик, — у нас кабина отеплена.

— Но, я вижу, у вас нет ангара. Вы ремонтируете самолеты на морозе.

— Ангара у нас пока нет, но маленькие передвижные ангары мы смастерили.

Из ящиков, в которых на зимовку привезли самолеты, бортмеханики построили передвижные ангары. Они остеклены и похожи на ларьки по продаже вод.

— Много ли у вас тут летного состава? — спрашивает Козлов.

— Семь человек. В том числе летчик Линдель.

— Линдель здесь. . . . А где он сейчас? Ведь Линдель — мой учитель.

— Он сейчас в воздухе.

— А-а, — говорит Козлов и, улыбаясь, смотрит в небо, — как будто Линдель заметит его приветливую улыбку.

Снова пожав крепко руку бортмеханику, мы пошли дальше.

Навстречу ермаковцам идет зимовщик в кожаном меховом пальто и теплом авиационном шлеме.

— Начальника зимовки Рузова нет. Он уехал. А я заместитель начальника рации Челюскина — Петров.

— Очень приятно с вами познакомиться! — воскликнул один из ермаковцев. — Ты, значит, здесь?

— Ну да...

— Не правда ли, мир узок? Где только не встретишь друга!

— Тем более узок Север. А у нас много нового, товарищ Воронин, — продолжает зимовщик, обращаясь к капитану. — Идемте, вы должны осмотреть нашу зимовку!

— Мы это и собираемся сделать, — сказал Воронин.

И мы направились к станции.

На земле лежат доски и бревна — зимовка строится.

— Как много зданий у вас теперь, — замечает Лавров, — а ведь в 1932 году был всего лишь один домик.

— Приезжайте в будущем году. Не то увидите!

Петров оживленно беседует со своим приятелем.

— Я в Москве скоро буду, — говорит он. — Видимо — в марте.

— Как в марте?

— У нас зимой намечен опытный перелет с мыса Челюскина до Красноярска. А из Красноярска до Москвы недалеко.

— Вместе сходим в Большой театр.

— Обязательно!

— Скажите, сколько у вас зимовщиков? — спросил Воронин.

— Пятьдесят человек, — ответил Петров.

...Невольно вспоминается каменный гурий с медным шаром, установленный на мысе Челюскина великим Амундсеном в честь Норденшельда. Еще недавно на кораблях, достигавших мыса Челюскина, мачты украшались флагами, раздавались салюты, в кают-компании поднимали бокалы с шампанским. Достичь мыса Челюскина было событием. А теперь тут живут и работают полсотни отважных советских полярников.

Мы проходили мимо высокого металлического ветряка. Силу ветров, часто гуляющих над мысом, он превращает в электроэнергию. Рядом с ветряком на одноэтажных деревянных зданиях стоят потухшие прожекторы. Полярной ночью они заливают селение светом.

— А как подвигается у вас строительство радиомаяка? — обращается Воронин к Петрову с новым вопросом.

— В январе закончим, — отвечает Петров.

— Каков радиус действия?

— Маяк будет «слышен» за триста километров...

— Толково... А мы в начале лета не могли пеленга добиться от вашей радиостанции.

— В тридцать шестом году легче будет.

Ермаковцы атакуют Петрова все новыми и новыми вопросами.

— Кстати, — спрашивает Козлов, — если подняться на самолете — весь полуостров виден?

— Весь полуостров. И Северная Земля тоже видна.

— А что это за дом ремонтируется?

— Это больница. А вот и доктор Этингер.

Мы познакомились с доктором. Он присоединился к нашей экскурсии и по пути рассказал о работе больницы.

— Итак, больница расширяется. Ее намечено сделать районной,— сказал Петров, резюмируя рассказ доктора.

— Но помилуйте, откуда у вас пациенты возьмутся? — удивился Козлов.

— С близлежащих зимовок, — ответил Этингер.

— Так. Скажите, доктор, а хорошо ли снабжают вашу зимовку? — снова начал свои расспросы Воронин.

— Отлично, — ответил доктор. — Снаряжения и продуктов у нас больше чем достаточно. Правда, плоховато с луком, чесноком и лимоном.

— Чеснока и лука мы вам немного дадим, — перебил доктора капитан. — Нас овощами угостили анадырцы...

— И нам досталось овощей с «Анадыря».

— Постойте, что это за здание?

— Это «двадцатичеловечный» дом— так прозвали его у нас. В нем живет двадцать человек. Здесь же лаборатории— гидрологическая, аэрологическая, магнитная... А это покрытое толем здание — продуктовый склад, за ним дом летчиков; впрочем, кроме летного состава там живут радисты и бухгалтер. Еще дальше — радиорубка. Справа от нее — электростанция и механическая мастерская. А внизу у берега — баня и авиасклады. Вот и все, пожалуй. Всего в нашем «городе» двенадцать зданий.

Покатый берег опускается к проливу. У воды мелкий серый песок.

— Со временем пляж сделаем, — шутит доктор.

На «пляже» снег. Его обнюхивает собака. Услышав протяжный крик чайки, она начинает настороженно следить за птицей. Но внимание собаки отвлекают пролетающие низко над водой кулики.

Мы приближаемся к окраинному домику зимовки — магнитному павильону. За ним на каменистом мыске возвышается гурий, высотой в человеческий рост. Это знак Дождикова. Он назван так в честь сложившего его зимовщика. Верхний слой гурия — из порыжевшего кварца. Вдаль, к самому горизонту, уходят бесконечные пустынные берега Таймырского полуострова. Вспыхивают дымки. Кто-то охотится.

У магнитного пункта резвятся щенята. Они виляют короткими хвостиками и всячески ластятся к матери. Сука, шутя, хватает одного зубами за шею. Тот злобно рычит. Это доставляет матери удовольствие, но, когда щенок не в шутку сердится, мать ласково лижет его, и умиротворенный щенок валяется в снегу.

Обогнув магнитный павильон, мы направились к механической мастерской. На пути будки с барометрами, наземными и воздушными термометрами и флюгерами. В мастерской мы встретили старого механика зимовки Шаломоуна.

— Вот мой любимый станок, — говорит он, указывая на универсальный станок системы Краузе. — На нем мы вытачиваем детали самолета, двигателей. Делаем поршни, валы, шестеренки...

Чего только не делают в заполярной механической мастерской? Здесь лечат и самолеты, и вездеходы, и автомобили, и научные приборы. Мастерская снабжена генераторами Норда и электродвигателями с моторами. Под одной крышей с механической мастерской — электростанция.

Здесь, в механической мастерской, золотые руки старого механика смастерили ледовый бур. Чтобы произвести промеры пролива Вилькицкого, зимовщикам приходится буравить многометровый лед. Стремясь облегчить эту кропотливую работу, общественные организации зимовки объявили соревнование на лучшее механическое приспособление по бурению льда. Из представленных проектов лучшим оказался Шаломоунский. Бур Шаломоуна помог зимовщикам просверлить во льду пролива свыше тысячи лунок.

За время осмотра зимовок ермаковцы не встретили никого, кроме бортмеханика, заместителя начальника рации, доктора и Шаломоуна.

— Где же ваши зимовщики? — спросил капитан, когда мы подошли к кают-компании.

— Вы не удивляйтесь, — ответил Петров. — Сегодня они легли спать в семь утра. Ночью шла авральная переброска грузов с «Куйбышева». Я еще не ложился.

Самая северная зимовка на материке—полярная станция мыса Челюскина.

Мы входим в самое большое здание зимовки.

В обитой фанерой передней ермаковцы сняли полушубки и пальто. Тут пахнет картофелем, который хранится в подвале.

В кают-компании веет уютом. Его создают кисейные занавески, развешенные на стенах мандолины и гитары, мягкая мебель, покрытые белоснежными скатертями столы. На деревянных подмостках для оркестра — пианино и барабан.

Со стен смотрят родные лица Ленина, Сталина, Кирова.

На окне глобус. Между окнами висит стенгазета «Северный форпост», «орган партийной, комсомольской и профсоюзной организаций мыса Челюскина». Передовая начинается цитатой из Ленина: «Коммунистом можно стать лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество».

В статье под названием «Штурмуем Арктику» начальник зимовки Рузов пишет:

«Вступительный период нашей зимовки подходит к концу... на очереди — подготовка аэродрома, очистка тер-

ритории зимовки от досок, мусора, тары... Режим станции должен быть нерушимым... В полярную ночь особое внимание уделить работе кружков... Два года — срок вполне достаточный, чтобы освоить ту или иную специальность... Итак, вступая во второй основной и длительный этап нашей полярной жизни, будем смело и бодро глядеть вперед...»

Стенгазета посвящена двадцать первому Международному юношескому дню.

Рядом с газетой большой макет термометра с передвижной черной лентой, изображающей ртуть. Зимой у этого градусника собирается вся зимовка. Прежде чем сесть позавтракать или пообедать, каждый подходит к макету...

Запах жареного мяса манит в камбуз.

— Вы не хотите познакомиться с коками? — спрашивает Петров, обращаясь к ермаковцам.

— Идемте!

Над плитой, над кастрюлями и горшками висит плакат:

«Новому шефу добро пожаловать — старый шеф Василий Иванович».

— Это что значит? — удивился Алексей Модестович.

— Это меня уважил коллега, — улыбаясь, поясняет польщенный вниманием старик в белом халате. — Тут до меня работал старшим поваром Василий Иванович, он старших поваров шефами величает. Вот он и написал, когда я приехал: «новому шефу добро пожаловать»... и вернулся на Большую землю.

Я спросил повара, Сергея Яковлевича Кругликова, впервые ли он в Арктике.

— Нет, я полярничаю второй год, — ответил старик. — В прошлом году зимовал на островах «Комсомольской Правда» с Урванцевым. А сам я из Ярославской. На-днях мне стукнуло шестьдесят. Потянуло на старости лет в Арктику...

Старик говорил медленно, в такт весело шипели кастрюли. Помощник повара Александр Викторович Кирсанов нарезал свинину. Сегодня на ужин — отбивные.

Осмотрев камбуз, Воронин подошел к окну.

— Это не скотный двор? — спросил он, указывая на просторный сарай.

— Так точно, — ответил Сергей Яковлевич. — Скота у нас много, идемте я вам покажу...

Скотный двор невдалеке от кают-компании. За коровами, свиньями и козами ухаживает скотник. В отдельном малень-

ком сарайчике на плите варится месиво из картофельной шелухи и отрубей.

— Как видите, скот упитанный,—весело улыбался повар, когда мы вернулись в кают-компанию. — Я зимовщиков хорошо кормлю. Продукты у меня первоклассные...

— А не однообразна ли пища?

— Что вы! — обижается Сергей Яковлевич. — Взгляните, вот меню. Я выполняю его строго.

— Разве медведь иногда вносит поправку, — вставил Петров. — Как подстрелят мишку охотники, мы несколько дней лакомимся свежим мясом.

— Итак,—начал читать меню капитан,—завтрак: рыбные консервы, чай. Обед: щи кислые мясные, макароны с сыром, компот. Ужин: яичница. Завтрак: паштет куриный. Обед: селянка мясная, оладьи с вареньем. кисель. Ужин: манная каша с вареными фруктами.

Не успел Владимир Иванович дочитать, как за окном зазвенел колокольчик и раздался шум голосов.

— Это возвращается, — говорит выглянувший в окно повар, — наша экспедиция... А вот и начальник, товарищ Рузов.

Вернулся начальник

К кают-компании подъехал вездеход. На нем — ящики, спальные мешки, свернутая палатка.

Люди с обветренными загорелыми и обросшими лицами поднимаются на крыльцо.

— Рад гостям! — Сухощавый, энергичный, седой человек в военной шинели крепко пожал руки ермаковцам и, обращаясь к Петрову, спросил:

— Как с углем?

— Еще пятьдесят тонн погрузили с «Куйбышева».

— Хороший уголь?

— Весьма.

— А как ваше настроение, доктор Этингер?

— Отличное, товарищ начальник, как всегда...

— А «младший доктор»?

— Спасибо, и сын чувствует себя хорошо.

— Больных нет?

— Ни одного!

— Так. — Сняв шинель, Рузов зашел в кают-компанию.— Никак баня топится? — сказал он, раздвинув занавеску и

заметив дымок, повисший над трубой прибрежного деревянного домика.

— Да, затопили, — кивнул Этингер.

— Превосходно... сейчас помоемся.

— А съездили мы хорошо, — говорит он, пожав руку вошедшему в кают-компанию Воронину. — Программу установки знаков перевыполнили. Половили рыбку. Да, кого я должен благодарить за пирожные и свинину? — обращается он к зимовщикам. — Чья это идея? Сознавайтесь, товарищи.

— Это идея Линделя, — улыбнулся Петров.

— Вот как... Вы понимаете, Владимир Иванович, Линдель сбрасывал нам с самолета пирожные и свинину. Мы были тронуты, честное слово. Но я все рассказываю о своих делах. А что нового у вас?

Выслушав наши рассказы о работе «Ермака», Рузов зашел к себе в комнату, снял дорожные сапоги, прозодежду и, надев валенки на босу ногу, в одних штанах, повязав голую грудь полотенцем, побежал в баню. В бане мылись женщины, и Рузов вскоре вернулся.

— Вы не боитесь простуды? — спросил его кто-то из ермаковцев.

— Нет. Я достаточно закален. На Челюскине второй раз зимую.

— Значит, вам хорошо знакомы эти места?

— Да. Я исколесил их вдоль и поперек... Вернее — обошел на собаках. Люблю я эти места. Страстно хотелось снова побывать здесь. Меня посылали в Париж, работать в полпредстве. Но я предпочел Арктику.

В комнате начальника многолюдно.

Вернувшиеся с ним зимовщики рассказывают о своих санных походах, о поездках на грузовике и вездеходе.

— Вездеход незаменим, — говорит шофер. — Вот, к примеру, думали мы поехать устанавливать знаки на грузовике, но пришлось повернуть. Грузовик не сумел карабкаться по замерзшим холмам и косогорам.

— А вездеход?

— О... С этим не пропадешь. Он и при разгрузке парохода здорово выручал. А вы знакомы с историей нашего вездехода? Нам его привезли с Диксона на «Крестьянине».

В памяти всплывают многочисленные эпизоды арктического рейса, встречи с пароходами, моряками, зимовщиками.

Отчетливо, ясно вспоминается вездеход, валявшийся в поселке Нового Диксона, вспоминается, как эту ржавую, разболтанную машину грузили на палубу «Крестьянина». Теперь она здесь...

— Случайно в механической мастерской оказались недостающие части, — рассказывает шофер, — и мы воскресили мертвеца.

— Воскресили мертвеца, — повторил Рузов. — И это неудивительно. Народ у меня замечательный, золотой народ. Один, правда, попался нытик. Так мы его вернули обратно с тем же пароходом, на котором прибыли. Плохих у нас нет. Если кто окажется непригодным — мы высылаем с зимовки на Большую землю.

Зимовщики оживленно рассказывают нам о своей жизни.

Узнав о том, что они уже около года не видели кинокартины, помполит предложил съездить на «Ермак» за передвижкой.

Когда я и синоптик Носов накинули полушубки, чтобы вернуться на ледокол за киноаппаратом, в окно постучался рослый парень в синем комбинезоне.

Помахав мочалкой в направлении берега, он дал понять, что баня свободна.

— Постойте. Мне с вами по пути! — крикнул Рузов.

По дороге к берегу он встретил мальчика, бегущего за собакой.

— Здравствуй, Володя. Ты опять на озеро? — спросил Рузов.

— А куда же? — солидно отвечает мальчуган. — Хочу сегодня коньки испробовать.

— Ты что же это — в сентябре выдумал на коньках кататься. Смотри, не провались под лед!

— Ничего, не провалюсь, — ответил Володя. Окликнув убежавшую собаку, самый молодой зимовщик Челюскина устремился за ней.

— Володя! — кричит вдогонку ему Рузов. — Приходи сегодня пораньше в кают-компанию, кино будем показывать,

Мальчуган останавливается и скептически спрашивает:

— Это где кино? У нас-то?

— А то где же?

— Ну, ладно, меня ты не разыграешь...

И пронзительно свистнув, он побежал к озеру. А вечером Володя сидел в кают-компании перед импровизированным кино-экраном.

Вечера на мысе Челюскина

Матросы под руководством Саши Петрова установили в кают-компании экран, скрепив две аккуратно сшитые простыни.

Гаснет свет. Яркий луч падает на экран, на нем колышется зелень, светит солнце. А за окном кают-компании мороз. Прихваченные им стекла покрылись ледяными узорами.

Слышно, как шепчутся восхищенные зрители первого в мире киносеанса на семьдесят седьмой параллели.

— Совсем как в Москве!

Разные чувства овладевают людьми. К радости примешивается щемящая грусть, навеянная воспоминаниями о близких. Каюр Мещерский тихо говорит соседу:

— Накануне отъезда я был с Лидой в кино... Где она сейчас...

С волнением смотрят на экран старый повар Сергей Яковлевич и механик Шаломоун. Они не были в кино уже полгода и смогут лишь через полтора или два года в нем побывать. Когда кончилась картина, Шаломоун с чувством благодарности пожимал руку своему соседу-ермаковцу.

После сеанса киномеханик комсомолец Саша Петров не знал, куда деваться от смущения: его благодарили так, как будто он был автор фильма или изобретатель кино. Он краснел и отвечал совершенно невпопад:

— Да ладно, товарищи... в чем дело... Я киномеханик в порядке комсомольской нагрузки... Чего особенного...

Кто-то запел. Песню подхватили многие. В нее включился баян.

Подвыпив, радист неожиданно пустился в пляс, перевернул стул, остановился и погрозил себе пальцем:

— Товарищ Рыжов, — говорит он, — как не стыдно! — Свою речь он перемежает знаками телеграфного кода. — Товарищ Рыжов тэчэка. Довольно тэчэка. Вы находитесь в общественном месте зэпэтэ. Категорически довольно тэчэка!

Доктор Этингер под наплывом впечатлений убеждал кого-то из ермаковцев в исключительном значении кино для полярников:

— Вот если бы на каждой зимовке да по кинопередвижке...

— Так и будет. А мы устроим еще пару сеансов... пока будем стоять у Челюскина.

— Замечательно. Спасибо, товарищи...

...На следующий день в красном уголке «Ермака» висело отпечатанное в судовой типографии объявление:

Сегодня в 19 часов по судовому времени на мысе Челюскина в кают-компании полярной станции состоится вечер встречи молодежи „Ермака" с зимовщиками, посвященный XXI МЮДу.

На мысе Челюскина комсомольцы не успели во-время провести свой праздник: они были заняты авральной разгрузкой стоявших на рейде пароходов.

Встреча началась с товарищеского банкета. В кают-компании сдвинули столы. Многие уселись рядком с новыми друзьями. Ведь дружба в Арктике возникает быстро, как нигде.

За ужином я разговорился с каюром Мещерским. Что из себя представляет этот парень, занимающийся уходом за собаками?

Не так давно он работал в Москве, на станции Москва-Павелецкая, секретарем коллектива комсомола десятого вагонного участка. Челюскинская эпопея пробудила в нем неспокойную мечту об Арктике. Сдав дела и оформив в райкоме принятых им в комсомол молодых стрелочников и слесарей, Мещерский сложил баян и уехал в Арктику.

Работа на зимовке показалась ему суровой. Нелегко было с непривычки таскать многопудовые мешки, шагая по холодной воде, но нужно, — и он взял себя в руки.

Деловитость Мещерского забавно гармонирует с мечтательностью и сантиментальностью. По пути на зимовку будущий каюр посылал с парохода по радио в Москву своей невесте-студентке нежные лирические стихи. Вернувшись в комнату после утомительных санных переходов, отмыв от рук желтое белужье сало и кровь, он с увлечением читает Верхарна, Верлена и Маяковского.

Рядом с Мещерским сидит Девятко. Он оживленно беседует с комсоргом мыса Челюскина Бартошевичем.

Бартошевичу — двадцать три года. Он в грубых русских сапогах, ватных штанах и свитере. О работе в Арктике он мечтал еще на школьной скамье.

Расспросив подробно о комсомольской работе на «Ермаке», Бартошевич говорит:

— И у нас создана комсомольская политшкола. В последнее время мы углубленно изучаем историю партии. Школа работает неплохо: комсомольцев я прикрепил к опытным полярникам, и успехи налицо. Знаешь, у нас половина зимовщиков — члены партии и комсомольцы.

Бартошевич рассказывает, как в горячие дни разгрузки пароходов работали партийцы и комсомольцы зимовки, не вылезая по нескольку часов из ледяной воды.

Боцман Швецов и Саша Петров снова устанавливают экран. В это время молодые зимовщики распевают свои частушки.

Рузов взял гитару и, настроив ее, запел на мотив из «Веселых ребят»:

Бодры, веселы, ласковы лица.

Хор подтягивает:

Легок труд, когда виден итог.
Открываем на мысе больницу,
Провода понесут в нее ток.

Слыша знакомый мотив, в песню включаются ермаковцы. Теперь поет вся кают-компания:

Вырос новый маяк, самолетам
И судам путь открыл коллектив,
В добрый путь, капитаны, пилоты, —
Вас радушно встречает пролив.

Кто-то подсел к пианино. Каюр Мещерский взялся за любимый баян. Пуста стенка — с нее сняты все музыкальные инструменты. Стихийно образовавшийся оркестр присоединяется к хору.

...Боевым и усердным авралом
Подготовимся честно к зиме...

Бодро, горячо звучит песня. Такая песня может плавить лед. Такая теплая, дружная обстановка делает нестрашной любые морозы. И не даром поют зимовщики:

Нам не страшны полярные ночи,
Не боимся свирепой пурги...

Правдиво и искренно звучат эти слова. Да, вам, товарищи, не будет страшна полярная ночь. Мы верим вам. Теперь

Знак Амундсена на мысе Челюскина.

коварный пролив Вилькицкого поневоле станет радушнее. Горсточка партийных и непартийных большевиков, поселившаяся на далеком мысе, выведает все тайны пролива, и смело пойдут вперед суда и самолеты.

...Начинается сеанс. Идет «Пышка». Потом на экране появляются кремлевские часы. Отделенные тысячами километров от Большой земли, зимовщики видят на экране Красную площадь, заполненную танками, макушки старинных кремлевских башен, над которыми реют самолеты, и товарища Сталина, близкого, родного, любимого Сталина — великого инициатора освоения Северного морского пути.

Люди жадно ловят каждый взгляд великого человека, каждое движение мускулов его лица.

В темноте неожиданно раздается голос кочегара Додонова:

— Товарищи! Получено радио с «Ермака». Предстоит шторм. Капитан приказал немедленно вернуться на корабль.

Не хочется расставаться с вами, простые, дружные и мужественные люди. Говоря по совести, не хочется уезжать с такой зимовки.

Прощаясь, Рузов говорит:

— До свидания, товарищи-ермаковцы. Надеюсь, в будущем году побываете у нас снова...

Ермаковцы торопливо выходят из кают-компании.

Холодная тусклая ночь спустилась на Таймырский полуостров. Мы сели на грузовик. Он уверенно рванул и повез нас к оконечности мыса, где уже поджидает катер. Моряки машут шапками высыпавшим из кают-компании друзьям.

Это было незабываемое чувство — мчаться на грузовике по промерзшей земле еще недавно пустынного мыса.

Сперва машина скользила по серому хрустящему песку. Потом она загрохотала по мелким камням и, вырвавшись на простор тундры, быстро помчалась.

Автомобиль на мысе Челюскина!

Еще вчера это казалось бы фантазией. Само сочетание этих слов звучало бы как парадокс.

Еще несколько лет назад эта местность, по которой так уверенно мчится советский грузовик, была овеяна ореолом таинственности.

Был здесь Челюскин или нет? Конец это земли или дальше на север тянутся еще какие-то острова?

Теперь это уже давно решенные вопросы. Ермаковцы мчатся на отечественном грузовике мимо глыб вечного снега, мимо исторического знака Руала Амундсена, установленного его спутниками в честь Норденшельда.

Здесь в проливе Вилькицкого торжественно громыхали выстрелы с «Веги». Это Норденшельд радовался, что достиг мыса Челюскина. А сидящий рядом с шофером комсомолец Култашев не находит ничего особенного в том, что он забрался на самую северную оконечность материка.

Отважные спутники Амундсена провели здесь несколько дней. Комсомолец Култашев проживает здесь два года. Комсомольская ячейка прикрепила его к шоферу для учебы, и через полгода Култашев будет сам управлять этим грузовиком.

Тревожные дни

Короткая арктическая осень больше напоминает зиму.

Недавно улегся шторм. Палубу едва успевают очищать от снега.

Рассеялся туман. Воздух стал по-зимнему ясен. Пейзаж окрашен в мрачные, холодные тона. Небо и море темносвин-

цового цвета. Заснеженный мыс выступает над водой, как огромная льдина.

Впервые по возобновлении огромная луна освещает темное небо. От корабля к земле бежит лунная дорожка. Кажется, что по ней можно пройти.

— На горизонте замечен корабль!

Это сообщил капитану вахтенный матрос.

Ермаковцы несколько дней не встречали уже судов. Каждый корабль, появляющийся с востока, торопящийся на запад, домой, приближает сроки успешного завершения арктической навигации. Вот почему так рады появлению «Десны», возвращающейся из Нордвика.

«Десна» подходит совсем близко.

Корабли приветствуют друг друга протяжными гудками и поднимают флаги.

Палуба «Десны» усыпана людьми. Они машут шапками, руками.

Капитан Воронин жестами изъясняется с капитаном «Десны».

Скоро «Десна» скрылась в оранжевом зареве.

На берегу у полотняного «Т» одиноко горит костер. Снижается самолет. Через полчаса на «Ермак» возвращается с берега бортмеханик Косухин. Он сумрачен. Воронин озабоченно слушает его донесение.

— Разведка ничего не дала. В воздухе пробыли полтора часа. Шли, примерно, по тому пути, по которому отправился Козлов. Признаков самолета не обнаружили.

Ермаковцами овладела тревога.

Вылетевшие вчера на «У-2» вглубь Таймырского полуострова летчики Козлов и Линдель, вместо того чтобы возвратиться через три часа, до сих пор еще не вернулись.

Многие не ложатся спать. Встревоженные, они не сводят глаз с неба. Но кроме вспыхнувшего на нем багряно-красного костра, ничего не видно. Его отблески розовой тенью ложатся на облака.

Какова судьба самолета? Совершили летчики вынужденную посадку где-нибудь в глухом уголке пустынного полуострова или, что еще хуже, на льду? Или, может быть, самолет разбился, и Козлова и Линделя нет в живых...

— Ведь Козлов хороший летчик!

— И Линдель опытный пилот!

Может быть, вынужденная посадка закончилась благополучно. Но на самолете нет радио, и летчики бессильны что-

либо сообщить о себе. Чем они будут питаться? Первые дни их скитаний будут обеспечены имеющимся на самолете неприкосновенным запасом продовольствия. Потом поохотятся — у них есть ружья.

Но есть ли в районе посадки Козлова плавник? Может быть, и его нет.

Что будут делать тогда летчики? Ведь жечь бензин — значит лишить себя возможности полета.

В штурманской рубке звонит телефон. Ответы штурмана односложны:

— Самолета не видно!

— Самолета не слышно!

И в радиорубке на телефонные звонки отвечают так:

— О самолете сообщений нет.

Хотя шторм улегся, снова поднялись волны, и сообщение с берегом ни на катере, ни на шлюпке невозможно.

Между капитаном «Ермака» и зимовкой Челюскина идет оживленная радиопереписка. Как спасти летчиков?

Бортмеханик Косухин сидит над картой Таймырского полуострова и вычисляет, где, примерно, мог спуститься самолет.

На следующее утро расстроенный повар пересолил суп.

На занятиях арктического кружка Лаврова засыпают вопросами о судьбе летчиков.

— Где сейчас Матвей Ильич Козлов?

Этого обаятельного человека на корабле любят все. Мужественный летчик, не раз бывший в Арктике, награжденный орденом Красного Знамени за спасение больных цынгой на одной из отдаленных зимовок, он исключительно скромен. Он хороший, уживчивый человек с простым, открытым характером. Прекрасный товарищ, чуткий, внимательный и заботливый.

Козлов охотно помогал матросам в любой работе. Он заботился о том, чтобы человек, промочив ноги, обязательно обтер их спиртом.

В свободное время Козлов читал комсомольцам лекции об авиации в Арктике. Он охотно занимался в кружке по истории партии. Он — непременный сотрудник стенной газеты «Таран» и печатной «Сквозь льды». Он много и жадно читал.

Воронин отправил телеграмму на Диксон летчику Алексееву с просьбой немедленно вылететь на розыски Козлова и Линделя.

Алексеев! Кто в Арктике не знает этого замечательного летчика, с необычным спокойствием отправляющегося в любой полет. Одно его имя вселяет покой и уверенность. Ведь Алексеев великолепно знает Север. Из каких только положений он не выходил в своей богатой летной практике. Пожалуй, нет такого рейса или перелета, от которого бы он отказался. И сейчас, узнав, что выяснением судьбы Козлова и Линделя займется летчик Алексеев, ермаковцы уверены, что через несколько часов после его вылета они узнают судьбу самолета «У-2».

...Корабельная жизнь идет своим чередом.

Буфетчица Нюра торжественно разбудила штурмана Ветрова и сперисста Михеева к утреннему чаю. Дело в том, что оба они называются Александрами Ивановичами и родились хотя и в разные годы, но в один день.

На столе Александры Ивановичи застали блюдо с небывало приготовленными селедками. Однообразие пищи и невысокое качество воды сделали селедку лакомым блюдом. И, чтобы порадовать юбиляров, буфетчица Нюра приготовила им посильный сюрприз. Селедки были выбраны отменные — жирные, с серебристой чешуей. Поверх каждого кусочка красовалась клюква. Хвосты селедок опушены тщательно сделанными бумажными веерами. На торчащих из селедочных ртов палочках укреплена бумажка с надписью:

„Александрам Ивановичам с днем рождения“.

Кто-то преподнес дорогим юбилярам бутылку розовой водки, настоенной на сушеных вишнях. По случаю торжества за утренним чаем радиорупор передает любимые штурманом и сперистом патефонные пластинки. Друзья обоих Александров Ивановичей, состоящие членами столовой комиссии, специально постарались так, чтобы за обедом оказались вместо надоевшей соленой трески телячьи отбивные котлеты.

Некурящие и даже курящие дарили именинникам лучшие папиросы.

За обедом штурман Ветров сказал:

— Самым лучшим подарком нам была бы весть о Матвее Ильиче.

Через несколько минут за столом появился только что сменившийся с вахты радист Плотников.

— Поздравляю вас, Александр Иванович... Кстати... по радио есть весть о Козлове...

За столом стало тихо.

— Есть радио от летчика Алексеева. Десять минут тому назад он заметил внизу, где-то на реке Таймыре, Козлова и Линделя.

— Живы!..

— Живы и невредимы. В телеграмме так и сказано: «Заметил внизу Козлова и Линделя. Машут руками».

— Больше Алексеев ничего не сообщил?

— А где сейчас Алексеев?

— Он пошел на снижение. Радиосвязь с нами прекратил. Его радиостанция действует лишь в полете, а установить аварийный аппарат — долгая история.

У всех стало легче на душе. Но какая-то доля тревоги все же осталась. Здоровы ли летчики? Что с самолетом? Где он снизился?

Перед сном капитан распорядился держать машины в десятиминутной готовности. Зыбь не стихала.

...На следующий день ермаковцы приветствовали гудками пароход «Рабочий», благополучно возвращавшийся из трудного рейса в далекую Колыму. Моряки «Рабочего» вписали в историю советского мореплавания еще одну блестящую страницу. Несмотря на бесконечные штормы, труднейший рейс, сравнимый лишь со сквозным, прошел безаварийно.

В адрес редакции «Сквозь льды» пришла радиограмма с «Русанова». Этот пароход тоже совершил рейс, не имеющий подобных. Впервые крупный пароход подошел к реке Индигирке. «Русанов» отвез туда экспедицию, отправившуюся для изучения и освоения этой мертвой пока реки. Большевики поставили задачу — превратить ее в судоходную магистраль Якутии.

Скоро ли вернется «Русанов»? Если его возвращение затянется, придется задержаться и «Ермаку». А уже ощутимо повеяло зимой, и многие думают, что придется зимовать. Угроза двенадцати холодных, бесконечно тянущихся месяцев среди льдов, вдали от Большой земли—близка, как никогда. Она стоит над каждым кораблем, который задержится в это время в этих широтах.

На всякий случай «Ермак» готов к зимовке. Трюмы хранят неприкосновенный, так называемый зимовочный запас продовольствия и угля. На пароходе есть лыжи, винтовки и порох.

Скоро ли вернется «Русанов»? Когда появится на горизонте этот последний пароход, это будет означать, что навигация в западном секторе Арктики победно закончена.

Капитан Воронин в мохнатой малице подойдет к машинному телеграфу и нажмет его ручку, скомандовав: «Лечь на обратный путь». Развернувшись, ледокол пойдет в Карское море. Снова старику-ледоколу придется вступить в единоборство со льдом. Снова ермаковцы посетят скалистый Диксон и испытают изрядную качку Баренцова моря. Потом Мурманск, голубые фиорды Скандинавии, полыхающие фосфорическим огнем, по-осеннему бурные воды Атлантического океана. И, наконец, после длинной, чреватой столькими неожиданностями дороги из Северного Ледовитого океана в Атлантический, родная Балтика, Толбухин маяк, шпиль Исаакия, окутанный облаками стоящего над Ленинградом фабричного дыма, и заполненная встречающими гранитная набережная Васильевского острова...

К Северной Земле

С берега машут шапками зимовщики. Мы несколько дней стоим у мыса Челюскина. Но неутихающие волны разлучили нас с новыми друзьями. Радисты ругаются. Им надоело передавать пространные телеграммы-приветы.

«Ермак» — последний корабль, который посетил в этом году мыс Челюскина. Когда растает дым ледокола, наступят долгие зимние будни полярной станции. Холод ледяными щупальцами схватит пролив Вилькицкого. Сплошной лед, запорошенный снегом, сольется с поседевшим материком. Нескончаемой полярной ночью, когда небо украсится многоцветными огненными шторами северного сияния, на этом месте, где покачивается сейчас «Ермак», лихо промчатся на нартах по льду отправляющиеся на охоту отважные зимовщики...

Над ледоколом пролетают кулики.

— Птицы — и те на юг торопятся, — говорит доктор. — А мы неизвестно чего идем на север.

— Куда это? — спрашивает врача молодой кочегар.

— К Северной Земле... Изучать лед понадобилось. Это все гидрографы придумали.

— Вот это здорово! Я так мечтал увидеть Северную Землю. И вдруг...

— Мечтал! — зло передразнивает собеседника доктор. — Тебе вот мечта. А ты знаешь, что это может быть чревато зимовкой?

— Ну, что ж, надо, так и зазимуем, — весело отвечает

кочегар. — Согласен два года зимовать, чтобы только Северную Землю посмотреть...

— Тебе хорошо мечтать, — говорит младший врач. — А кому придется отвечать за людей в случае зимовки? Конечно же, мне, доктору.

Нюра ставит на стол чайник, свежеиспеченный хлеб, селедку, мед, сахар, печенье и масло. Те, кто не справился с утренней порцией сыра, доедают ее.

— Это правда, что завтра мы идем к Северной Земле? — спрашивает, обращаясь ко всем, инженер Кен.

— Да, для изучения ледового режима северо-западной части моря Лаптевых мы подойдем к Северной Земле, — отвечает ему Лавров.

Метеоролог, сосредоточенно разрезая кусок селедки, говорит:

— К Северной Земле.. Гм... А какая же погода будет завтра в проливе Шокальского?

— Аркадий Петрович, — обращается к метеорологу Скорняков, — нельзя ли там погодку устроить получше! Желательно с солнцем. Вы меня должны понять. Ведь вы тоже фотолюбитель.

— Да, — подзадоривающе говорит Лавров. — У Северной Земли есть что поснимать.

Старший метеоролог заявляет:

— Сегодня у Северной Земли был туман... а у нас наоборот.

С разных мест раздаются голоса:

— Аркадий Петрович, какая погода будет завтра у Северной Земли?

Молодой синоптик Носов с уважением смотрит в рот старшему метеорологу, ожидая откровения. Тот, с чувством прожевывая селедку, изрекает:

— Учитывая осень, предстоящую зиму, надвигающиеся морозы, изменчивость погоды, а также последние телеграммы с «Садко»...

Тут старший метеоролог умолкает, чтобы положить в рот еще кусок селедки. Все с нетерпением ждут.

— Нельзя забывать также, что в пределах мыса Оловянного, согласно радиограммам оттуда, десятибалльный лед, а также ропаки, несяки и айсберги...

Снова пауза.

— Ну, а усиливающийся на севере Баренцова и Карского морей антициклон, явно смещающийся к зюд-весту. А разви-

вающаяся циклоническая деятельность в море Лаптевых и Восточносибирском...

В кают-компании стало совсем тихо.

Поощряемый вниманием, почтенный метеоролог продолжает:

— Что касается пролива Вилькицкого, то там завтра предстоят ветры нордовой и норд-остовой четвертей, силы в 3—5 баллов с промежуточными усилениями. При этом значительная облачность. Местами осадки. Явное ухудшение видимости.

Кто-то с соседнего стола робко спросил:

— Ну, а собственно, какова погода у Северной Земли?

Метеоролог значительно:

— Учитывая сумму этих взаимоотношений, а также несомненное воздействие местных условий, я должен заключить, что... пожалуй, трудно сказать, какая будет завтра погода у Северной Земли.

Сдержанный смех оглашает кают-компанию. Чтобы выручить своего коллегу и отвлечь внимание от его «прогноза», синоптик спрашивает у Лаврова:

— Алексей Модестович, а вы бывали в проливе Шокальского?

— Как же... Я ходил туда на «Таймыре».

— Как там с глубинами?

— У самого берега местами полтораста сажен.

— А нет ли там подводных камней?

— Все может быть, места неисследованные.

В иллюминаторы бьет хлопьями снег. Темная осенняя ночь смотрит в кают-компанию.

— Где сейчас «Садко»? — спрашивает Кен у Лаврова.

— «Садко» забрался далеко. На восемьдесят один градус сорок минут.

— «Садко» побил рекорд свободного плавания на севере, — говорит Воронин.

— И «Таймыр» тоже далеко забрался.

— С «Садко» сообщают, что идет снег, кругом образуется лед.

— Как бы «Ермаку» не пришлось оказывать помощи «Садко», как это было в прошлом году,—заключает за соседним столом Жернов.

— Вы за «Садко» не волнуйтесь, — успокаивает его Воронин.

— А где сейчас наш гидрограф бродит?

— «Малыгин» топчется в северо-восточной части Карского моря. Этак, на семьдесят пятой параллели.

— По сообщению с «Малыгина», он в чистой воде.

Вахтенный подает Воронину телеграмму.

— Новая весточка с «Садко». Там крупно-мелкобитый лед. Норд-ост нагоняет айсберги.

— Не пора ли спать? — говорит капитан. — Завтра стоит встать пораньше. Ведь мы к обеду будем у Северной Земли.

Кают-компания пустеет.

... Утро разбудило толчками. Ледокол вздрагивал всем корпусом. Жалобно дрожали стекла. На обмерзшей за ночь палубе стало скользко.

«Ермак» легко ломает молодой лед. Пройдена семьдесят восьмая параллель.

На капитанский мостик нужно итти, крепко держась за перила, — иначе собьет ветер.

Ртуть в термометре опускается.

— Сколько сейчас градусов? — интересуется Лавров.

— Минус шесть, — отвечает Воронин.

— Ведь еще полчаса тому назад было минус три! — говорит Кен, решивший заснять на кинопленку подход к Северной Земле.

— Ничего не поделаешь, — пожимает плечами капитан. — На север идем. Холоду навстречу.

Вдали слева ледовое небо. Справа небо синее, лишь белые вспышки на нем выдают присутствие островов и льдов. Там остров Старокадомского, а чуть левее — остров Малый Таймыр.

Кроша лед, «Ермак» вздымает ледяные фонтаны. Едва прикасаясь к корпусу корабля, брызги воды превращаются в сосульки.

В отдалении виднеются неясные очертания острова Большевик.

— Если бы не мертвая зыбь в проливе Вилькицкого, — говорит капитан, — здесь был бы сплошной лед.

Идем недалеко от огромного айсберга. Кажется, что он вымазан известью.

— Вот на этот айсберг, — шутит Воронин, — метеорологов посадить, чтобы вели наблюдение за погодой.

Кен, Лавров и вахтенный штурман смеются.

— А что, — уже серьезно говорит капитан, — пройдет еще несколько лет, и мы обязательно доберемся до этих льдин и айсбергов. Чего доброго, еще посадим на них ученых. Пусть

изучают дрейф, погоду. По радио они будут поддерживать связь с мощными пловучими ледокольными базами. Растущая техника позволит нам сделать многое.

— Не завидую я этим полярникам! — говорит штурман.

— Советская власть создаст им такие условия, что вы невольно позавидуете, — убежденно возражает капитан.

— Вы здесь давно не были? — спрашивает Лавров у Воронина.

— В тридцатом году огибал Северную Землю на «Таймыре»,—отвечает Воронин.—Еще с запада на восток обошел на «Сибирякове». И на «Челюскине» шел тут невдалеко.

— Где тут мыс Евгенова? — интересуется Кен.

— Уже остался позади, — отвечает капитан.

Штурмана заметили остров Малый Таймыр. Показалась едва приметная полоска острова Старокадомского.

Гористые берега Северной Земли видны уже простым глазом. На прибрежных мелях много айсбергов. У вершин гор стелется туман. Зияют черные кары — гигантские следы всесокрушающего шествия тысячевековых ледников. Ровными полосами лежит на черных выемках гор снег. Он делает кары похожими на опутанные седыми волосами гребешки.

Ртуть термометра опускается еще ниже. Уже минус восемь градусов.

Ледяной ветер немилосердно хлещет в лицо. Мы зябнем, хотя в валенках, полушубках и теплых ушанках.

Воронин дает мне бинокль и показывает на виднеющийся вдали айсберг.

— Что вы видите? — спрашивает капитан.

— Конечно, айсберг!

— Это не айсберг. Это мыс Морозова. Так сияет его глетчер.

Я с удивлением смотрю на белый мыс.

— Красиво здесь, — восхищенно говорит капитан. — Нигде в мире не встретишь такой нетронутой красоты природы. Так бы и остался здесь и плавал вечно в этих прекрасных краях.

Вкусные запахи из камбуза напоминают об обеде.

— Льдины обходить! — распоряжается капитан, покидая мостик. — Поосторожнее с кораблем. Смотрите, не форсите на голенищах! — строго повторяет он свою любимую поговорку.

«Ермак» идет льдом рождения тысяча девятьсот тридцать пятого года. Кое-где это еще шуга. В ней, как клецки в супе, плавают льдинки.

Пообедав, участники экспедиции спешат на палубу. Северная Земля еще ближе. Уже десять градусов холода. У острова толпятся грязновато-серые и голубые айсберги.

Лавров не сводит глаз с панорамы угрюмых гор, неприступность которых оберегают вечные снега и льды. Старый полярник вспоминает свою молодость...

— В нашей экспедиции, — говорит Алексей Модестович,— все была молодежь... Начальнику экспедиции Вилькицкому было двадцать восемь лет.

Вслед за молодым новорожденным ледком и однообразной мозаикой блинчатого льда «Ермак» встречает льдины более почтенного возраста. Термометр показывает минус двенадцать градусов.

— Скоро дойдем до мыса вашего имени, — говорит капитан Лаврову.

— А видели вы когда-нибудь в жизни свой мыс? — спрашивает у Лаврова инженер Кен.

— Нет... то есть, наверное видел, но не подозревал, что спустя четырнадцать лет советская власть назовет его моим именем.

— Вот теперь увидите...

— Да, любопытно...

Но Лавров так и не увидел своего мыса. Выяснив, что у восточных берегов Северной Земли происходит интенсивное образование молодого льда, Воронин решил, что дальше на Север итти не стоит.

«Ермак» лег на обратный курс.

XI. Снова на Диксоне

Вести о Козлове и Линделе

Несколько дней ермаковцы не имели никаких сведений от летчика Алексеева. И, наконец, из лаконичной телеграммы, посланной им с воздуха, мы узнали, что произошло с исчезнувшим самолетом.

Летчики вылетели вглубь Таймырского полуострова, чтобы найти место для новой авиабазы. Козлов заметил перебои в моторе. Пришлось сделать посадку на волны неспокойной реки. Взлет оказался невозможным. Летчики пешком добрались до крохотной зимовки на реке Таймыре.

У реки зимуют три человека. Кроме домика и кладовой ничего нет. Ремонт самолета здесь произвести оказалось невозможным. Маленькая зимовка еще не имеет радиостанции. Козлов и Линдель, потеряв связь с населенными пунктами и кораблями, поняли, что перспективы их возвращения на мыс Челюскина и «Ермак» весьма туманны.

...Спустя неделю после описанного происшествия, однажды утром с борта «Ермака» был замечен над Таймырским полуостровом самолет Алексеева. Летчик сообщил по радио, что на борту его самолета Линдель. А Козлов остался на Таймыре. Он отказался лететь с Алексеевым. Он решил выбраться оттуда только с доверенной ему машиной.

Высадив Линделя на мысе Вега, Алексеев взял направление на Диксон. Линдель побрел пешком на мыс Челюскина. Оттуда ему навстречу вышли вездеходы.

Обеспокоенные дальнейшей судьбой Козлова, ермаковцы обступили капитана.

— Как же доберется до нас Матвей Ильич?

— Увидим ли мы Козлова на корабле?

— Вряд ли увидим, — подумав, отвечает Воронин. —

Козлов вернется на Большую землю на одном из пароходов, которые зайдут за его самолетом.

Помолчав, Владимир Иванович добавил:

— Но на зимовку уже не должны заходить корабли. Кто же выручит Козлова? Пожалуй, попрошу «Седова». Он должен побывать вблизи этого района.

— Неужели Матвей Ильич не вернется на «Ермак»? — снова спрашивают ермаковцы.

— Смотря по обстоятельствам, — отвечает капитан. — Вряд ли «Седов» повстречается с нами.

— Неужели мы увидим Матвея Ильича только в Ленинграде? — сетуют его бесчисленные друзья.

Обратным курсом

Оставив в стороне архипелаг Норденшельда, «Ермак» идет на траверзе острова Русского. Когда восемьдесят дней тому назад тут проходил ледокол, остров был необитаем, пустынен. А сейчас над ним высятся радиомачты. В бинокль видны два-три домика и какие-то пристройки.

— Что делается! — восклицает Лавров, не отрывая бинокля от скрывающегося острова.

— Да, зимовки растут как грибы, — говорит капитан. — У СССР — арктических зимовок больше, чем у всех остальных стран вместе. Теперь весь простирающийся на десять тысяч миль полярный фасад Страны Советов освещен огнями зимовок...

— Давно ли у нас была лишь одна зимовка на Маточкином Шаре! — воскликнул Лавров.

— С Маточкина Шара началось наступление большевиков на Арктику, — вспоминает Воронин. — Почин был толковый. Западный сектор Арктики теперь неплохо населен. Возьмите Новую Землю, Вайгач, Диксон, остров Белый... В западной Арктике зимовок достаточно.

— И на востоке их немало, — говорит Лавров.

— Сейчас у нас зимовок много, — продолжает свою мысль капитан, — а будет еще больше.

...Вчера корабль шел на север, и люди ощущали постепенное приближение к Северному полюсу. Сегодня «Ермак» повернул на юг. Ночь наступила совершенно темная. На палубе люди натыкаются друг на друга. По инерции моряки выходят еще в валенках, но быстро возвращаются, чтобы одеть кожаные или резиновые сапоги. Быстро тает снег.

За бортом огромные черные волны. На небе ни единой звезды. «Ермак» идет сейчас со скоростью тринадцати узлов в час.

В штурманской рубке — новая карта «Северо-восточная часть Карского моря от бухты Михайлова до мыса Фуса» (берег Харитона Лаптева). Однако никакого берега не видно.

На карте бросается в глаза отделенный черным пунктиром квадрат с надписью:

Закрыт для плавания больших судов. Основание — радио с „Малыгина“ от 14/VIII 1935 года.

75°49′ 87°20′

75°48′ 88°28′

Исследуя пути Карского моря, от Диксона и до пролива Вилькицкого, гидрографическая экспедиция на «Малыгине» часто информировала плавающие суда об обнаруженных ею мелях и опасных зонах, куда морякам не следует соваться.

Над картой склонился Воронин. Гидрограф, только что измеривший температуру воды, сообщает ему:

— Водичка стала потеплее. Градус три десятых выше нуля.

— Ладно. Южнее дело-то. Кстати, не пора ли нам переставить часы.

Штурман Богомолов наносит на карту замеченные невдалеке от острова Макарова стамухи.

«Ермак» приближается к семьдесят пятой параллели. Температура воздуха плюс три градуса. Правее остаются острова Арктического института и «Известий ЦИК». Корабль прочерчивает бирюзово пенящийся след.

Синоптик Носов возится у бочки с клюквой. Он выгребает снег и набирает кислой ягоды. На обратном пути к себе в каюту синоптик чуть было не наткнулся на висящую тушу. Сегодня зарезали последнюю корову.

— Раз режут скот, значит, конец рейса, — сказал Носову монтер Кеванес, заменяющий перегоревшую лампочку. Синоптик угощает монтера клюквой.

Выглядывает луна. Над темнеющим вдали островом яркая звёзда. Постепенно на небе появляются чуть заметные

звезды. Стал виден остров. На нем с методической упорностью зажигаются и гаснут огни. Это огни маяков, освещающих путь к молодому заполярному порту Диксон.

При подходе к земле плавание приобретает ощутимую осмысленность. Человек наглядно чувствует свое передвижение вместе с пароходом. На палубе многолюдно.

Ярко мигает огонь на острове Вернса. Продолжают светиться огни Скуратовского створа.

Была лунная, звездная ночь, когда «Ермак» подошел к Диксону.

Вот уже зажжен сигнальный огонь, возвещающий, что спущен якорь. Сперист Михеев отмечает на ленте курсографа порт прибытия.

Залитое лунным светом море становится серебристым. Светится многочисленными огнями стоящий на рейде «Литке».

Матросы ласкают четвероногого тезку ледокола. Они прощаются с ним. Воронин решил вернуть «Ермака» в диксоновский питомник. Завтра Владимир Иванович свезет собаку на остров.

Снова на Диксоне

Утром на пристани Диксона ермаковцев встретил новый начальник острова — Боровиков. Старая смена уже сдала дела.

На здании кают-компании алеет плакат «Привет руководителю полярников, дорогому Отто Юльевичу», а в кают-компании висит нарисованный одним из зимовщиков портрет Шмидта. Плакат заверяет: «Под руководством полководца полярников, всеми любимого О. Ю. Шмидта, диксоновцы обязуются выполнить с честью все возложенные на них задания».

Когда в прошлый раз мы были на Диксоне, зимовку еще не покинули старые зимовщики. В кают-компании было тесно и скученно. Был беспорядок, как в квартире, когда старые жильцы еще сидят на узлах и уже въехали новые.

Ермаковцы не узнали кают-компании. Тут стало чисто и уютно. На окнах — белые занавески, стол покрыт белой клеенкой. На появившемся около камбуза новом буфете стоит в стеклянной банке букет осенних полярных цветов.

На зимовке новые люди, новые лица. Некоторые старые зимовщики, оставшиеся на повторную зимовку, уже получили

Арктический мак.

от вернувшихся на Большую землю диксоновцев телеграммы из Москвы и Ленинграда.

Владимир Иванович пошел к находящемуся в больнице Шмидту.

Воронин привез с собой на катере собаку. Когда катер отходил от ледокола, привыкший к обстановке корабля «Ермак» тоскливо озирался. На корме, у самого края, стоял «Мальчик». Он провожал друга ожесточенным лаем...

Возвращение на Диксон мало обрадовало «Ермака». Он упорно не отходил от Воронина. Капитан отогнал собаку. Она осталась обнюхивать камни родных мест. Запахи показались «Ермаку» знакомыми. Собака оживилась. Задрав хвост,

высунув язык и навострив чуткие уши, «Ермак» побежал, взвизгивая от радости. Окрик каюра окончательно напомнил «Ермаку», что он на родине.

Каюр решил сам отвести своего бывшего питомца к остальным диксововским собакам. Если они его не признают — судьба «Ермака» будет плачевной. Собаки растерзают его в клочья.

Какие-то две лайки, завидев «Ермака», настороженно останавливаются. Узнав их, «Ермак» оживляется, дружелюбно машет хвостом и приветливо лает. Собаки подходят к нему и, обнюхав, тоже дружественно махают хвостами.

— Что, признали? — спрашиваю я каюра.

— Эти признали. Да они братья «Ермака». А вот признают ли остальные?

Каюр решил сперва представить «Ермака» находящимся на привязи старым собакам. Завидев каюра, да еще с какой-то собакой, все народонаселение собачника оживилось, залаяло.

Каюр подвел «Ермака» к «Эльзе» и «Петьке». Родные отец и мать быстро признали сынка. Остальные собаки также завиляли хвостами.

Но это еще не все. Привязанные собаки не так опасны. Как отнесутся к пришельцу свободно прогуливающиеся по острову его сверстники?

Озабоченный каюр идет дальше, чтобы представить «Ермака» его товарищам. Встретили собаку хорошо, каюр, облегченно вздохнув, оставил «Ермака» с нами. Но «Ермак» совершив прогулку, побежал к кают-компании. Усевшись у крыльца, он стал поджидать Воронина.

На Диксоне чуть оттаяла почва, стало по-осеннему вязко.

Вдали на холмах пасется живописное стадо коров. Новые зимовщики привезли много скота. Странно видеть стадо на острове Диксона; непривычно наблюдать подобный сельский пейзаж в Арктике.

Выйдя от Шмидта, Воронин вместе с Федоровым, ермаковцами и Боровиковым направился осматривать зимовку. Гости зашли на склады.

На полках малицы, кожухи, сапоги. Хранится много муки, масла, сахара, окороков, консервов, сыра, яичного порошка, разных круп, консервированных фруктов, вина, конфект, печенья...

— Этого добра вам на несколько лет хватит, — говорит Владимир Иванович.

Владимир Иванович тщетно пытается познакомить „Ермака“ с самым юным зимовщиком острова Диксона — Вовой.

— Да, мы снабжены щедро, — соглашается начальник острова.

Склад недалеко от берега. В раскрытые двери доносится шум с залива. Там идет какое-то гидрографическое судно, заканчивающее промер бухты.

— Теперь осмотрим Новый Диксон!

— А как поедем, — спрашивает у гостей начальник острова, — на вездеходе или на катере?

— Сейчас грязно. Лучше на катере, — говорит Воронин.

— Моряк всегда предпочтет воду, — шутит начальник острова.

... Катер ведет нас вдоль каменистых берегов. В нос бьет запах бензина. На скалистом мысе появились новые гидрографические знаки.

— В этих бухточках много уток, — говорит начальник острова.

Жирные, ленивые утки плавают стаями. Они не обращают никакого внимания на катер.

Мы расспрашиваем начальника острова о составе новой зимовки, о местах, которые проезжаем, о новых постройках на Конусе.

Мы вспугиваем уток. Они нехотя приподнимаются над водой и, взмахнув крыльями, улетают.

Теперь виден «Литке». Далеко из-за скал торчат две трубы с голубыми каемками. Воронин смотрит в сторону показавшегося из-за скал «Ермака».

Катеру не удается подойти вплотную к острову. Приходится сделать несколько шагов по воде.

Вспугивая молчаливо нахохлившихся полярных сов, гости идут к радиоцентру. У большинства в сапогах хлюпает вода.

В одной из комнат радиоцентра в углу притулился старый радиоаппарат с табличкой «Радиотелеграфное депо морского ведомства № 39. Образец МВ 1912 г.».

— Что вы с ним делаете? — спрашивает Федоров.

— Глушим радиостанции судов, стоящих на рейде, — смеется Ходов. — Как вы знаете, радиостанции стоящих в порту судов не имеют права работать. Но не все радисты всегда придерживаются этого правила. Вот мы и глушим...

Ермаковцы осматривают великолепно оборудованный радиоцентр, нефтехранилище, баню, богатые склады всевозможных материалов и электростанцию.

Несколько человек подносят доски и камни к низкому деревянному сооружению. Эта первая опытная диксоновская теплица. К ее стеклянной крыше уже тянутся стебли зеленого лука.

В жилом доме Нового Диксона аккуратно и чисто. В библиотеке появилось много новых книг. В красном уголке зимовщики обсуждают план издания первого печатного органа острова Диксона. Уже привезены печатный станок, бумаги, шрифты.

На стене таблица с ходом шахматного турнира на звание чемпиона острова Диксона.

Позавтракав в кают-компании, гости продолжают осмотр.

...Катер подвозит гостей к острову Конусу. Мы знакомимся с тем, как продвинулось строительство порта. За время нашего отсутствия на Диксоне остров Конус сильно изменился. Часть горы уже взорвана и сброшена в море. На площадке уже лежит уголь.

С вершины острова ермаковцы любуются бухтой.

Над ней снижается самолет Махоткина. Самолет пролетает над идущими в Краснодарск лихтерами и скрывается за горой.

Письма с неба

Пока катер дошел до «Ермака», наступила ночь. На северной части небосклона зажглось северное сияние. Небо озарилось изломанными светлыми дугами. На темном небе повисли сияющие драпри. Они то разрастаются, озаряясь зеленоватым и фиолетовым светом, то гаснут.

— Это редкий случай раннего северного сияния, — объясняет группе участников экспедиции метеоролог Дзердзеевский. — Оно, правда, еще недостаточно интенсивно.

На «Литке» то зажигаются, то тухнут огни. Им отвечает вахтенный «Ермака». Пароходы разговаривают сигналами.

... Несколько дней «Ермак» стоит на рейде в бухте Диксона. По сравнению с морозными ветрами Северной Земли диксоновская осень кажется теплой. Проведя восемьдесят дней на различных широтах и долготах морей Северного Ледовитого океана, участники рейса научились ощущать параллели и меридианы.

Идет одна из последних общих уборок — авралов. Матросы, кочегары, машинисты, штурмана и научные работники ожесточенно выбивают матрацы. Увешанная одеялами, простынями и наволочками огромная палуба ледокола стала похожа на провинциальный двор.

Сегодня у нас большое событие. Прилетевший на Диксон летчик Махоткин привез письма с Большой земли. А получить письмо от близких, находясь так далеко от них, — ни с чем несравнимая радость.

— Вот так сюрприз! Впервые в жизни я получаю письмо в Арктике, — говорит старший механик Малинин.

— Да, письма в Арктике редкость, — замечает Лавров.— Помню, однажды с дирижаблем доктора Эккенера была послана почта зимовщикам. Письма сбрасывали на зимовки. Жена одного из зимовщиков послала своему мужу коробку свежей земляники. Случилось так, что дирижабль не мог сбросить посылку по месту назначения. Посылка была сброшена на другую зимовку. Клубника предназначалась для геолога Урванцева, зимовавшего на Северной Земле, а попала на Диксон.

... Погода стоит тихая, бухта гладкая, как зеркало. Над водой часто показываются мордочки нерп и морских зайцев.

Рано утром ермаковские охотники подстрелили двух нерп. На палубе началась разделка туш. Пятнистые шкуры забрызганы кровью. Отделив шкуры, охотники выбрасывают все остальное за борт.

„Затеи“ Боровикова

Из-за большой осадки ледокол стоит в порядочном отдалении от острова Диксона. В прозрачной воде отражаются суровые берега. Лишь издали видны радиомачты. Но и на пустынных островках заметно присутствие человека. Виднеются песцовые западни, навигационные знаки.

На скалистых островках — избушки зверобоев. Около одной из них — костер.

Некоторые из обитателей этих избушек никогда не видели железной дороги и приходили в ужас, когда над Диксоном появились первые самолеты.

Катер подвозит ермаковцев к зимовке.

По деревянному настилу пристани спускается группа зимовщиков. В центре их — высокий чернобородый человек, утопающий в меховой шубе. Это один из популярнейших людей мира — Отто Юльевич Шмидт. Он только что встал с больничной койки, где пролежал несколько дней. Воспаление легких, перенесенное им на льдине, оставило серьезные следы на его организме. Шмидт торопится на «Литке». Через двое суток он собирается встретиться у Новой Земли с возвращающимися из высокоширотной экспедиции на «Садко» Ушаковым.

— До свидания, друзья, — тепло обращается Отто Юльевич к диксоновцам. — К сожалению, врачи мне запрещают говорить...

Катер везет Отто Юльевича, Федорова и других на «Литке». Диксоновцы машут вслед москвичам.

Проводив Шмидта, начальник зимовки идет в кают-компанию и заходит к себе в кабинет. На окне у Боровикова стоит ящик с черноземом, в котором растут зеленый лук, чеснок и свекла.

— Сперва над моей затеей смеялись, — рассказывает начальник зимовки. — Но после того, как я однажды угостил луком, выращенным на окне, «затею» признали. Сейчас многие собираются устроить у себя в комнатах небольшие «огороды».

Боровиков рассказывает о жизни зимовщиков новой смены:

— Мы уже имели к столу двадцать кило свежего лука, снятого с первой опытной теплицы. В этом году добьемся выращивания свежих овощей полярной ночью. При свете искусственного солнца вырастут лук, салат, морковь, чеснок,

шампиньоны и цветы. За окном завывает пурга, а в кают-компании цветут орхидеи. Вы понимаете, какое оживление внесут цветы в жизнь зимовщиков... Будущим летом мы хотим у кают-компании разбить клумбы и создать спортивную площадку. Мы строим отепленные и электрифицированные свинарники и коровники. Молоко, свежее мясо и свежие овощи твердо войдут в наше меню.

Боровиков рассказывает про планы зимовщиков новой смены.

Ермаковская кинопередвижка вместе с несколькими десятками фильмов останется на Диксоне. Новые фильмы доставят самолеты. Летчики будут привозить свежие газеты и новые патефонные пластинки.

На Диксоне стала обязательной утренняя зарядка. Вот приказ номер три по острову Диксона о внутреннем распорядке зимовки, вошедший в жизнь с августа 1935 года.

«Объявляю для неуклонного руководства и исполнения внутренний распорядок службы и быта полярников острова Диксона на 1935—1936 гг.

Побудка в 8 ч. 30 м. по местному времени.

8 ч. 30 м. — 9 ч. уборка комнат и умывание.

9 ч. — 9 ч. 20 м. зарядка (гимнастика).

9 ч. 20 м. — 10 ч. завтрак.

10 ч. — 14 ч. обед и отдых.

14 ч. — 18 ч. работа по специальности или на аврале.

18 ч. — 18 ч. 30 м. чай.

18 ч. 30 м. — 20 ч. 30 м. кружковые занятия и культурный отдых.

20 ч. 30 м. — 0 ч. 30 м. отдых, самодеятельность; слушание радиопередач, чтение.

0 ч. 30 м. — 8 ч. 30 м. сон.

Ответственными за выполнение данного распорядка назначаю по обсерватории Данилевского, по радиоцентру Ходова, по административно-хозяйственной службе Сапрыкина, по портостроительству Громыхалова».

К начальнику острова кто-то стучит. Входят парторг одного из рыбных промыслов, работник Игарского политотдела и какая-то девушка. Они сейчас улетают на самолете в Игарку и пришли попрощаться с Боровиковым.

— Как ваше самочувствие? — спрашивает Боровиков у девушки, которую без сознания привезли на самолете в день прихода «Ермака» в начале навигации.

— Прекрасное! Еду лечить других!

Особое мнение летчика Алексеева

Путь к «аэровокзалу» идет по сырой тундре. Положенные на землю доски составляют слабое подобие мостков.

Авиабухта расположена в защищеном естественными возвышенностями месте. Все оборудование «аэровокзала» исчерпывается укрепленным в камнях шестом, на котором чудак-завхоз повесил устрашающую надпись: «Посторонним вход воспрещается».

На лодке пассажиры отправляются к стоящему на воде самолету Махоткина.

Завертелся пропеллер. Он превратился в сияющее мелькание. Из воды достают якорь. Выглянув из кабины, машет рукой летчик Махоткин. Самолет «СССР Н-10» разворачивается и убегает из бухты в залив. Скоро он отрывается от воды и взлетает по направлению к Енисею.

На самолете Алексеева, который должен сейчас увезти в Игарку инспекторов Политуправления Главсевморпути, еще не сняты чехлы с мотора.

Бортмеханик приближается на шлюпке к машине и начинает ее готовить к отлету.

Внезапно возникающий сильный снежный ветер вынуждает отложить полет до завтра.

Высокий, коренастый Алексеев, в меховой кацавейке и кожаном шлеме, кричит бортмеханику:

— Полет отменен! Сворачивай хозяйство!

Смуглое, обветренное лицо Алексеева радует спокойным, ясным взглядом.

— Ну как, вы довольны этой навигацией? — спрашиваю я летчика.

— Для кораблей лето было прекрасное, — отвечает Алексеев. — Пароходы ходили нынче в Арктике чуть ли не по расписанию.

Тень некоторого неудовольствия пробегает по лицу летчика.

— С точки зрения воздушной ледовой разведки и лично моей работы — этим летом не было ничего особенно интересного, — продолжает Алексеев. — Лично для меня — чем труднее и сложнее — тем интереснее. А острых, шахматных положений, из которых нужно находить оперативный выход, — не было. Я проводил рядовую ледовую разведку. Подчеркиваю, что, говоря так, я смотрю, так сказать, со своей личной колокольни...

Так, с присущей ему скромностью, отзывается полярный летчик о своих блестящих перелетах.

В бухте Диксона последнее оживление перед закрытием навигации. Завтра своим отлетом Алексеев закроет воздушное сообщение зимовки с материком до зимы. Стоящие на рейде «Ермак», «Литке» и пришедший этой ночью «Малыгин» скоро уйдут на Большую землю.

На Диксон еще зайдут «Русанов», «Седов» и «Сибиряков», который успел уже завезти зимовщиков во главе с челюскинцем Кренкелем на мыс Оловянный, вернуться в Архангельск и отправиться во второй в течение одной навигации арктический рейс. На «Сибирякове» в пути на Диксон — правительственная комиссия по приемке диксоновского радиомаяка и последняя партия зимовщиков новой смены.

Из Диксона вышли в Енисей гидрографические боты и моторные катеры. На пути к Диксону последний пясинский караван барж и лихтеров во главе с теплоходом «Красноярский рабочий».

Навигация скоро закончится. Из последних сводок газеты «Сквозь льды» ермаковцы знают, что «Русанов» выгружается у острова Встречного. «Анадырь» с грузом леса из Игарки уже в Мурманске. «Сталинград», везущий игарский лес в Лондон, сейчас находится в Баренцовом море. «Сталин», «Молотов», «Мироныч», «Сакко», «Крестьянин» и «Десна» грузятся в Игарке. «Седов» — у реки Ленивой.

Вечером «Ермак» попрощался тремя гудками с «Литке», на котором отбыл Шмидт. Быстроходный ледокол скоро скрылся во тьме.

На Енисей за пресной водой

На следующий день «Ермак» покинул бухту Диксона и направился к могучей сибирской реке Енисею для того, чтобы пополнить свои цистерны пресной водой.

Енисей стал нынче судоходен.

Едва зайдя в Енисейский залив, «Ермак» встретил два английских лесовоза, везущих лучший, экспортный лес из Игарки. Капитаны иностранных судов запросили по радио, что за судно «Ермак». Узнав, что это ледокол, возвращающийся из большого арктического рейса, капитаны пожелали нам счастливого пути.

Находящийся на шестьдесят восьмой параллели далекий заполярный порт Игарка успешно осуществляет план нави-

гации этого года. Из Игарки на запад вышло тридцать два груженных лесом парохода. Двадцать восемь из них миновало Югорский Шар. Сейчас в Игарке грузится еще пять иностранных пароходов. В Игарке появилось восемь причалов. Строится новый большой причал. Значительно разросся город. Реконструируется местный лесокомбинат. Жители заполярного города зимой едят выращенные в теплицах овощи.

...«Ермак» миновал бухту Омулевую, на берегу которой возвышается консервный завод. Вахтенный матрос часто приносит на капитанский мостик воду, зачерпнутую им из залива. Капитан и штурман ее пробуют.

— Ничего вода... только еще солоновата.

Соленость воды определяют еще и машинисты. Они пользуются ареометром. Судовой механик, отведав воды, сплевывает.

— Солона еще больно!

...И на вторые сутки пути вода была еще недостаточно пресной. «Ермак» встретился с караваном гидрографических речных судов и лихтеров. Гидрографические суда «Сталинец» и «Циркуль» на сильные гудки «Ермака» ответили ручными сиренами.

Лишь против мыса Шайтанского вода в Енисейском заливе оказалась достаточно пресной. К всеобщей радости в бане и ванной была пущена без всякого ограничения пресная вода.

На катере к „Малыгину“

Вернувшись в бухту Диксона, «Ермак» встретил здесь «Русанова», только что прибывшего из устья Индигирки. В тот же день «Русанов» ушел на материк.

Заснеженные берега острова побурели. Вывешенное для просушки белье уже замерзало. Собаки стали жаться к конурам.

На «Ермаке» вышел предпоследний номер «Сквозь льды». На катере мы отправились к «Малыгину», чтобы передать газеты команде. Пройдя полпути к нему, мы убедились, что он уже тронулся в путь. Рулевой взял курс на «Малыгина», чтобы там догадались, что катер идет к нему. Расчет оказался верен. На «Малыгине» быстро убавили ход.

Рулевой катера Саша Петров направил его вдоль идущего ледокола. «Заведующий отделом распространения» газеты

«Сквозь льды» Гордеев уже наготове. Он держит в руке пачку газет и машет ею.

В пачку вложена наспех набросанная записка начальнику гидрографической экспедиции Кирееву с просьбой прислать по радио материал в заключительный номер газеты.

В тот момент, когда катер поравнялся с «Малыгиным», Гордеев кинул на палубу пачку газет. С «Малыгина» машут руками и показывают жестами, что благодарят за газету. «Малыгин» уже отошел довольно далеко, а оттуда все еще машут.

Катер в последний раз идет на Диксон, чтобы мы могли попрощаться с радушными зимовщиками и передать диксоновцам свежий номер «Сквозь льды». Возвращаясь на ледокол, ермаковцы встретили диксоновское кавасаки с зимовщиками, перевозящими с ледокола на остров керосин, клюкву, аммонал, детонаторы. Все это предприимчивый завхоз Диксона сумел заготовить на «Ермаке».

XII. К Большой земле

Воронин подводит итоги

В столовой «Ермака» идет заключительное общее собрание экипажа и участников экспедиции.

— Садитесь, — обращается предсудкома к опоздавшим на собрание промокшим ермаковцам, только что вернувшимся с Диксона. — У нас места бесплатные...

Секретарем собрание, как всегда, избирает редактора стенновки кочегара Киселева.

— На повестке дня два вопроса, — объявляет председатель. — Первое — итоги навигации, а второе — ход социалистического соревнования. По первому вопросу предоставляю слово Владимиру Ивановичу.

— Самым трудным был в нашей экспедиции путь с запада на восток. Нам приходилось вскрывать замерзший пролив Вилькицкого. Впоследствии ледовая обстановка постепенно улучшалась.

Охарактеризовав экономическое значение ленских операций, Воронин говорит:

— Если первая ленская экспедиция зазимовала, а вторая прошла хорошо, то о третьей, нынешней, можно сказать, что она проведена на «отлично». Ленские суда прошли в обратном направлении пролив Вилькицкого на десять суток раньше плана. Я не сомневаюсь, что в будущем году Севморпуть пошлет еще больше судов на Лену, а в скором времени установится постоянная, нормально-действующая пароходная линия Мурманск — Лена.

Сделав паузу, капитан продолжает:

— Мы должны смотреть вперед, чтобы из фактов настоящего делать выводы на будущее. Этот год был благоприятным в ледовом отношении. Но не всегда Арктика будет доб-

рой. Нам нужно подумать о таком кормовом устройстве на ледоколах, чтобы они могли проводить в трудных ледовых условиях по два корабля сразу. Ведь наша задача — рассматривать большинство арктических экспедиций и походов этой навигации как начало, как открытие нормально-действующих линий.

Рассказав о значении установленных ермаковцами на мысе Вега, островах Петра и Гансена знаках, капитан заметил:

— Это очень большое и важное дело. Я считаю, что им должны заниматься не только специальные экспедиции, но и все суда, плавающие в Арктике, использовав для этого свободное от оперативной работы время.

Из навигации этого года, по мнению капитана Воронина, надо сделать несколько выводов. Первый — возможно раньше подготавливать ледовые прогнозы на ближайший год и пораньше составлять план навигации, чтобы своевременно проводить воздушную ледовую разведку. К началу навигации капитанам должна быть ясна ледовая обстановка. Надо впереди судов пускать не только самолеты, но и ледоколы. Важнейшим выводом из навигации этого года является доказательство целесообразности рейсов на Колыму с запада.

Вслед за капитаном выступает старший механик Малинин.

— Механизм «Ермака» и его корпус, — говорит Малинин, — в такой исправности, что ледокол готов без капитального ремонта к зимней ледокольной кампании в Финском заливе.

— Тем, что «Ермак» находится в таком блестящем состоянии, мы обязаны, — говорит Алексей Модестович Лавров, — капитану Воронину, который так бережно обращался с ледоколом, всячески щадил корабль, когда он находился во льдах. Здесь большая заслуга всего коллектива ермаковцев, машинистов и, особенно, нашего прекрасного механика Малинина.

— Навигация, — продолжает Лавров, — прошла в этом году в Арктике блестяще. Мы не знали ни одной аварии, ни одного поражения. «Ермак» возвращается на Большую землю с грузом побед.

Кочегар Тараск предлагает команде обсудить вопрос о поведении в Мурманске.

— Мы давно не были на материке. Что говорить, соскучились мы по разным земным удовольствиям, ну, например,

вину и пиву. А в Мурманске все-таки мы должны вести себя, как это подобает советским морякам-полярникам.

И Тараск напоминает, как в прошлые годы некоторые ермаковцы дебоширили по возвращении на твердую землю. Пользуясь тем, что милиционеры из уважения к полярникам смотрели сквозь пальцы на их поведение, некоторые ермаковцы злоупотребляли «полярными льготами».

— Рейс прошел хорошо, — заявляет монтер Кеванес, — потому, что у нас на капитанском мостике стоял замечательный моряк — Владимир Иванович Воронин.

Помполит считает, что экипаж «Ермака» честно выполнил обязательство, данное им на митинге перед отходом из Мурманска.

Возвращение летчика Козлова

Собрание переходит к текущим делам. Кто-то спрашивает:

— А где сейчас Козлов?

К капитану подходит вахтенный. Он наклоняется и шепчет ему что-то на ухо.

— Козлов через несколько минут будет с нами, — говорит с места Воронин. — Сейчас к нам приближается «Седов», на борту которого самолет «Ш-2» и Матвей Ильич.

Собрание еще не кончилось, когда от «Ермака» отошел катер. Недалеко от ледокола качался «Седов». Сильные волны затрудняли путь катера. Через четверть часа на борт «Ермака» взобрался по штормтрапу исхудавший, загорелый человек. Многочисленные друзья наперебой обнимали и целовали Козлова. С большим трудом был поднят на борт и водворен на свое постоянное место столько времени отсутствовавший самолет «Ш-2».

На следующий день, 26 сентября 1935 года, «Ермак»», дав три прощальных гудка, покинул бухту Диксона. С мыса Челюскина радировали, что пролив Вилькицкого уже забит шугой. Наступала зима.

Перед Мурманском

Покинув опустевшую бухту Диксона, где остались лишь готовый к отплытию «Седов» и пришедший из Игарки «Молотов», «Ермак» лег на обратный путь.

Ледокол торопится на Большую землю — через трое суток он пришвартуется к причалам Мурманского порта. При ак-

тивном участии «Ермака» навигация заканчивается безаварийно, победоносно. Ранний выход ледокола решил успех навигации в западном секторе Арктики и помог судам пройти на восток и запад.

Из труб ледокола весело валит дым. Работают все машины. На них не может нарадоваться старший механик Малинин. Действуют механизмы безукоризненно. На крепком корпусе ледокола нет ни одной пробоины. Не верится, что от последнего дня пребывания в доке прошло сто дней арктического рейса, что ледокол штурмовал десятибалльный лед и вел суда в трудных условиях штормов и тумана.

Когда смотришь на палубу, кажется, что «Ермак» только что вышел из ремонта: трубы, капитанский мостик, шлюпбалки — все свеже выкрашено, металлические части надраены до блеска.

Над трапом, ведущим в штурманскую рубку, протянут канат, на канате фанерная дощечка с надписью: «Осторожно. Верхний мостик окрашен».

Перед возвращением на материк корабль чистится и моется. Матросы заканчивают окраску.

На палубе уже давно не стало бревен и досок — они ушли на постройку навигационных знаков. Разобран самолет «Ш-2».

Участники научной экспедиции возвращают в кладовую валенки, полушубки и меховые чулки.

Кочегар Киселев обходит кубрики, собирая материал для стенной газеты «Таран». В этом рейсе будет выпущен еще один номер стенной газеты.

Староста кружка по повышению квалификации матросов комсомолец Баранов высчитывает, сколько дней плавания осталось до Ленинграда — успеет ли закончить программу кружок.

Старший механик Малинин дочитывает главу о втором съезде партии по учебнику Ярославского.

В канцелярии сперист Михеев, он же счетовод и бухгалтер, подготавливает расчетные ведомости.

Ревизор Афанасьев с увлечением подсчитывает, сколько продуктов израсходовано в течение рейса. Оказывается, каждый из 155 ермаковцев съел около двухсот килограммов различных продуктов, в том числе одиннадцать кило сахара, тридцать кило свежего картофеля, одиннадцать кило масла, шестнадцать кило рыбы, восемнадцать кило кислой капусты и огурцов, пятьдесят четыре кило макарон и муки, семь кило

колбасы, сыра и ветчины, около шестидесяти банок мясных, рыбных, овощных и фруктовых консервов и т. д. и т. п. И, кроме того, съедены четыре коровы, два медведя, пять свиней и несколько килограммов моржовой печенки.

В ожидании шторма

Сегодня сутки ермаковцев насчитывают двадцать шесть часов. Ночью часовая стрелка была передвинута на два часа назад. Теперь корабельные часы показывают столько времени, сколько сейчас в Мурманске. Ермаковцы готовятся обедать. Диксоновцы уже успели проголодаться после обеда. А на мысе Челюскина вскипает вечерний чай.

...Люди и корабль готовятся к качке. Качка предстоит и в Карском море и в Баренцовом. Закрыты и задраены все трюмы. Только носовой такелажный трюм еще не закрыт. Оттуда доносится голос наборщика Сумина:

— Эй, там, на палубе! Крикните редактора. Неразборчив оригинал.

Скоро выйдет последний, пятнадцатый номер газеты «Сквозь льды». Редактор торопит авторов: ввиду предстоящей качки материалы нужно набрать заблаговременно. Лавров просматривает свои дневники и записи, чтобы написать статью о состоянии льдов в минувшее лето. Начальник гидрографической экспедиции на «Малыгине» Киреев прислал по радио большой материал об освоении трассы Диксон — пролив Вилькицкого. Помполит пишет статью об итогах массово-политической работы на ледоколе.

Календарь политзанятий изменен — из-за предстоящей качки политкружки соберутся на два дня раньше срока.

В кают-компании буфетчицы крепко привязали самовар. Шторм вносит коррективы даже в меню. Сегодня очередное заседание столовой комиссии. И она готовится к качке.

— На утро предлагаю грудинку, — говорит ревизор. — Ее осталось немало.

— Ладно, — соглашается доктор. — А на следующий день окуня.

— Окуней осталось всего тридцать штук. Нехватит. Лучше ветчинки....

— ...Напишем ветчинку. И на двадцать девятое не затеять ли нам какао с пирожным? — спрашивает доктор. — Впрочем, я забыл. Ведь будет качать...

— Да, двадцать девятого будет не до какао.

— Тогда селедочку с капусткой.

— Вот это толково. Это подойдет.

— Теперь перейдем к обедам.

Запланировав на двадцать седьмое рисовый суп, жаркое и мусс, на двадцать восьмое — борщ с пирогом, рыбу и компот, комиссия принялась обсуждать обеденное меню на двадцать девятое сентября.

— На двадцать девятое я высказываюсь за бульон, пудинг с сухими фруктами и кисель, — говорит доктор.

Начинается спор. Заседания столовой комиссии всегда бывают бурными, но особенно бурными они бывают, когда предстоит шторм.

И это неудивительно: во время качки люди особенно разборчивы.

Скоро час, как заседает столовая комиссия. А меню на 29 сентября все еще не установлено. Завтра лаконичный протокол заседания будет вывешен в кают-компании и в столовой команды. Имя этому протоколу — меню.

Один день нашего рейса

... Ровно в полночь с двадцать шестого на двадцать седьмое сентября второй помощник капитана Ветров вступил на вахту. Он обмакнул перо в чернила и, стараясь писать разборчиво, тщательно вывел на чистой странице вахтенного журнала:

«Карское море. Пятница, двадцать седьмое сентября 1935 года. Случаи с полуночи».

Штурман внимательно всматривался в темную даль и часто посылал вахтенных матросов измерять глубину. В четыре часа утра на капитанский мостик поднялся штурман Богомолов, а в восемь его сменил штурман Афанасьев. Все они фиксировали события в вахтенном журнале:

«0—20. Взяли радиопеленг острова Белого 265° УПР 187,5... измерили глубину.

2—20. Замечены огни двух судов. Радиопеленг острова Диксона 97°,5 ... глубина 14 саженей.

4—10. За вахту пройдено по лагу 42 мили по счислению... карта № 1087.

5—00. Измерена глубина лотом Томсона. 30 саженей.

8—40. За вахту пройдено 41,8 мили».

Рано утром палубу огласил пронзительный визг. Кеванес и Межевой зарезали шестую свинью — этого требовало со-

ставленное столовой комиссией и утвержденное капитаном меню.

Часом позже случилось небольшое, но грустное происшествие. Тихо скончалась желтоглазая полярная сова, которую ермаковцы решили было свезти живьем в Ленинград, в подарок зоологическому саду.

Я запечатлевал жизнь корабля в этот день с добросовестностью протоколиста. Мне нужно было, по заданию капитана, набросать проект ответной телеграммы Горькому и Кольцову, просившим Воронина описать двадцать седьмое сентября для сборника «Один день мира».

В дневнике этого дня пришлось отметить еще многие события.

Капитан Воронин и помполит составили рапорт Шмидту и ЦК союза моряков об успешном окончании ответственного рейса «Ермака».

Были приняты в комсомол три лучших молодых ударника «Ермака» — кочегар Кондратенок, уборщик Каллун и матрос Федоренко. Новые комсомольцы прямо с заседания комитета ВЛКСМ пошли на заключительную лекцию инженера Скорнякова о дизель-электрических ледоколах. После лекции, на палубе, любуясь северным сиянием, они задушевно делились планами дальнейшей жизни. Все они твердо решили плавать на дизель-электрических ледоколах.

В радиорубке слышен нервный прерывистый стук телеграфного аппарата. Напряженно, сосредоточенно лицо радиста. Плотников передает семьсот пятидесятую телеграмму, исходящую с «Ермака».

Закончив очередной осмотр ледокола, старший механик Малинин идет к себе в просторную каюту, напоминающую кабинет научного работника. Малинин смотрит в иллюминатор, но там не видно ничего, кроме темной ночи. Он звонит в штурманскую рубку и узнает, что через час-полтора «Ермак» подойдет к Новой Земле.

— Никогда времени нехватает, — жалуется Малинин. — Вот надо кое-что подсчитать.

— Неужели и вам нехватает времени? — спрашиваю я механика. — Ведь вы почти никогда не спите.

— Это верно, — виновато улыбается механик. — Но сутки маловаты стали. Ведь я, как будущий член партии, вдвое отвечаю теперь за корабль.

— А кто жил в вашей каюте до революции? — спрашиваю я.

— Помнится мне, что двадцать шесть лет тому назад в этой каюте жил один из помощников капитана, — рассказывает Малинин. — А потом, право не знаю, кто тут жил. Тогда корабль был разделен на две части: «чистую», где жил комсостав, и «нечистую» — для всех остальных. В «чистую часть» простым матросам нельзя было носа казать. Вот сейчас в кают-компании состоялось заключительное собрание матросского кружка по изучению истории партии. А тогда некоторые из матросов и кочегаров за все время своей службы на «Ермаке» никогда не бывали в кают-компании.

Малинин листает ведомость и подсчитывает, сколько угля и пресной воды поглотил в течение всего рейса ледокол. Одновременно в цистернах ледокола хранится тысяча пятьсот тонн воды — запас, примерно, на семьдесят суток. В день ледокол выпивает двадцать тонн воды. Еще нужно три тонны ежедневно воды для людей и полторы тонны для изготовления пищи. В течение рейса «Ермак» не однажды пополнял свои цистерны водой. Кроме полутора тысяч тонн пресной воды, захваченных из Ленинграда, «Ермак» брал воду в Мурманске, с парохода «Фрам», на острове Диксона, со льдов моря Лаптевых, со «Сталинграда», с «Крестьянина» и невдалеке от Гольчихи в устье Енисея. Пресную воду все же расходовали экономно.

Не мало съел за время рейса «Ермак» угля.

Взяв на угольном причале Ленинградского торгового порта 2500 тонн, «Ермак» получал еще в Мурманске 1250 тонн шпицбергенского угля, в Диксоне — с «Фрама» — 610 тонн донецкого угля, с «Крестьянина» 400 тонн ленского угля и с «Куйбышева» 400 тонн донецкого угля. Часть топлива «Ермак» по пути давал «Русанову», «Ванцетти» и «Рабочему».

В среднем «Ермак» поглощал 60 тонн угля в сутки.

Значительная часть угля, израсходованного «Ермаком» во время арктического рейса, была добыта советскими полярниками из недр Арктики. Таков уголь с концессии на Шпицбергене, сангарский и ленский.

. . . В каюте радиста телефонный звонок. Старший вахтенный сообщил, что подходим к Новой Земле. Мы поднялись с Малининым на капитанский мостик.

Сегодня холодно. Капитан в последний раз в этом рейсе надел меховую малицу, поверх нее серый полотняный балахон.

Капитан убавляет ход.

— Обидно, что не во-время подошли к Новой Земле. Ночью по узкому проливу итти рискованно...

— И обратно поворачивать жалко, — говорит Малинин.

— Пойдем в пролив. Где-нибудь приткнемся, чтобы переждать темноту.

Ледокол входит в Маточкин Шар. Совсем близко с обеих сторон теснятся высокие черные берега. Они кажутся приземистыми, низкими холмами, ибо верхушки новоземельских гор покрыты вечным снегом и сейчас не видны. Над горами — черное небо.

На берегу мелькают огни Новоземельского маяка. Виднеется зимовка. Сварливый ветер, который никогда не покидает пролива, свистит в ушах.

Воронин не совсем в духе. До конца арктического рейса остались сутки-другие. И еще не распрощавшись с морем, капитан начинает по нему тосковать.

— Хорошо здесь, — тихо говорит Владимир Иванович. — А в городе снова придется привыкать к шуму трамваев...

Грусть предстоящей разлуки с любимой стихией смягчается трудностями этой ночи. Это не так легко выбрать место в узком проливе, чтобы безопасно простоять тут ночь. Внезапный толчок усилившегося ветра может швырнуть корабль на каменистый берег или прибрежные скалы.

— Пойдем левее, — говорит капитан. — Там снег на прибрежных горах отражает северное сияние, видимость сносная.

Медленно с вытравленным якорем идет ледокол. В темноте пролива за кормой светятся огни какого-то судна. Сознание близости корабля и людей — радует. Связавшись с неизвестным пароходом, радист Плотников выясняет, что это зверобойный бот «Нерпа».

Крепчает ветер.

— Берег тут обрывистый, — говорит старпом. — Дальше итти опасно.

— И снеговой заряд бьет в лицо, — соглашается капитан.

Ледокол разворачивается по ветру. Вспыхивают, рдеют и расплываются белые лучи полярного сияния.

— Пурга совсем некстати. — Капитан ругается. — Смотри за якорем!

— Есть!

Пронзительно и голосисто, как хор плакальщиц, завывает осенний ветер. «Ермак» становится на якорь. Холодно. Еще холоднее сейчас на зимовках. Только что полученные радио-

граммы сообщают, что в проливе Вилькицкого у мыса Челюскина молодой лед. У Северной Земли появился лед-молодик, айсберги, стамухи, на глазах возникают целые ледяные поля.

Маточкин Шар

...В шесть утра ледокол снялся с якоря. За кормой в узком горле пролива алеет восход. Он озаряет угрюмые серебряные горы, утопающие в тумане.

К зимовке Маточкин Шар подходит «Седов».

Шедшая и ночью безостановочно «Нерпа» уже скрылась впереди в каменных изворотах пролива.

Проходим мимо огромной черной, чуть поседевшей от снега, резко обрывающейся горы. Она похожа на кратер потухшего вулкана.

Впереди сплошные горы. Кажется, что корабль неминуемо упрется в них. Над горами плывут выкрашенные зарей красные облака.

Огромные горы медленно исчезают — их поглощает туман.

— Вот здесь, — показывает капитан, — зимовал Чиракин. Именем Чиракина назван этот полуостров.

— А это мыс Снежный, — продолжает капитан. — Не правда ли, он очень соответствует своему названию?

— Красивые места! — восхищается Лавров.

— Здесь бы гостиницу для туристов открыть, — шутит Воронин.

— Что же, со временем здесь построят гостиницу, — говорит Алексей Модестович.

— Не гуляйте вправо, — кричит капитан рулевому. — Ложитесь на двести восемьдесят два...

...Неисхоженные снежные тропы ведут к невидимым вершинам новоземельских гор. На низкой косе мыса аккуратно сложены кирпичи и доски.

Должно быть здесь собираются строить избушку новоземельские зверобои.

Поднявшись на верхний мостик, капитан командует в слуховую трубку:

— Двести пятьдесят два!

Снизу отвечают:

— Двести пятьдесят два!

— Так держать!

— Есть так держать!

Спустя несколько минут Воронин говорит:

— Чую дым...

— Помилуйте, откуда здесь быть дыму!

— Странно, но пахнет дымом...

Плавно идет ледокол. Вода пролива всегда спокойна. Этот покой сторожат горные массивы.

Причудливыми извилистыми узорами разрисованы горы. Узоры эти рисовал ветер. Весной по этим извилинам катятся в пролив холодные и чистые, как хрусталь, слезы подтачивающих ледников.

Вахтенный приносит Воронину телеграмму из редакции «Советской Балтики». Эта газета просит капитана прислать корреспонденцию об итогах рейса «Ермака».

— Девятая редакция сегодня запрашивает. Не знаю, корабль мне вести или в газеты писать, — смеется Воронин.

В просвете между двумя горами залег сверкающий ледник. Кадры видового фильма, который демонстрирует нам пролив, прекрасны.

— Это мыс Журавлева, — говорит Воронин.

На отмелом мысу у подножия высокой горы крошечная брезентовая палатка. В прозрачной воде отражаются лодка, палатка, костер. Человек подкладывает в него плавник.

— Так вот откуда дым... — удовлетворенно говорит капитан. — Поговорка права: дыма без огня не бывает.

Лица человека в меховой малице не видно. Он смотрит на корабль и машет варежкой. Он от всего сердца приветствует так редко бывающих здесь людей. Ермаковцы тоже машут ему, но вряд ли у новоземельского аборигена есть бинокль.

— Это, наверное, кто-нибудь из малыгинских гидрографов.

— А зачем же гидрографу промышленные сети? — спрашивает капитан.

— Да, пожалуй, зверобой...

— Это белушатник, — говорит капитан, не сводящий бинокля с человека в малице. — Как уютно горит у него костер. С удовольствием бы пошел к нему чаю попить... Кстати, стрелки подходят к восьми... скоро утренний чай и у нас.

...Промышленник входит в палатку. Он выносит чайник и, наложив в него снегу, ставит на костер. Человек греется у костра. Холодный сквозняк дует у подножия горы. И человек идет к палатке и лезет в нее, как зверь в логово.

Палатка кажется песчинкой на фоне огромных гор. Она подчеркивает величие их.

Впереди, в бинокль, заметно судно; должно быть, мы нагоняем зверобойный бот.

Вернувшись на палубу после утреннего чая, мы увидели «Нерпу». Она подходит к становищу Лагерному.

На гудки «Ермака» «Нерпа» отвечает рожками. Фотографы «Ермака» снимают «Нерпу», а фотографы «Нерпы» — «Ермака».

Зимовщики высыпали на берег. На берегу — с десяток деревянных зданий. Одно достраивается, на нем копошатся строители. Вдоль берега прогуливаются многочисленные собаки. На веревке развешено белье. Около здания большие запасы бревен и досок, бочки с горючим. У одного из зданий при входе прибита большая красно-черная доска. Должно быть на ней отмечают ход социалистического соревнования. Сушатся сети.

Ледокол минует навигационные знаки, сооруженные на скалистых камнях. Корабль начинает швырять сильней и сильней.

Из такелажного трюма вылезает уставший наборщик.

— Успел все набрать. Теперь, как пройдем Баренцово море, я в Кольском заливе сумею быстро отпечатать газету.

Уже невозможно ходить. Несносное Баренцово море бросает корабль как маленькую лодчонку. Возникает грохот падающих предметов. В камбузе перевернулся котел с супом. Научные работники отлеживаются на койках. Но те, кто на вахте, держатся прекрасно.

Качка усиливается. Пожалуй, так не швыряло корабль ни разу во время рейса. Обеспокоенные судьбой типографской машины, спускаются в трюм секретарь редакции и наборщик.

— Станок хорошо закреплен, — говорит наборщик. — Нет, не думаю, чтобы он перевернулся.

— Держись сам покрепче! — кричу я Сумину.

Наборщик едва не оказался за бортом. Крепко приникнув к железному трапу, мы спускаемся в трюм.

— Да, не выдержал...

Сломанный типографский станок валяется на палубе трюма. К счастью, уцелел набранный текст.

— Ничего, последний номер «Сквозь льды» отпечатаем в Мурманске, — утешаю я себя и наборщика.

Огни в горах

...Что это, неужели стихает качка? Значит, «Ермак» входит в Кольский залив.

Да, это залив!

Немного грустно. Участники рейса сдружились между собой. Нам кажется, что мы всегда были знакомы. А ведь сегодня последняя ночь на корабле!

Вахтенный штурман вносит в журнал происшествия, вызванные качкой. Мывшегося в бане кочегара швырнуло головой о железную стенку и ошпарило горячей водой. Оторвалось от стен несколько шкафов. В кают-компании вырван много лет стоявший, намертво закрепленный стол.

Где-то вдали полыхает зарево огней. Это Мурманск. Точно такое же зрелище открывается, когда подъезжаешь ночью на автомобиле к сверкающему огнями городу.

Темно и холодно в Кольском заливе. Мимо ледокола проходит торопящийся в море тральщик. Куда вы, друзья? Ведь Баренцово море взбешено. Но рыбакам некогда. Им нипочем буря. Они торопятся в море выполнять план большевистской путины.

Капитан спрашивает у штурмана:

— Готова ли канцелярия к концу рейса? Как со списками и ведомостями?

— Да!

— Как растет Мурманск, — говорит Воронин. — Еще в прошлый раз, когда я также ночью подходил к нему, огней было вдвое меньше.

Еще ближе город. Уже видны здания.

— Александр Иванович, — обращается к сперисту Михееву капитан. — Можете выключить гирокомпас. Арктический рейс кончен...

На горах огни, огни, огни... Кажется, что они вьются вокруг гор и уходят куда-то в небо. Незамерзающий Мурманский порт весело переливается огнями...

Оглавление

Ответственный редактор *Д. В. Грибакин*. Технический редактор *А. А. Соловейчик*.

Сдано в набор 28 января 1938 года. Подписано к печати 26 марта 1938 года.
Формат 62×94. 76 000 тип. зн. в 1 бум. л. Объем 7½ бум. л.; 15 п. л.; 14¼ уч.-авт. л.
Тираж 10 000 экземпляров. Изд. № 17. Леноблгорлит № 1390. Заказ № 351.

Типография „Коминтерн“, Ленинград, Красная ул., д. 1.

